

Оригинальное название: М. Leighton «All the Pretty Lies»

Русское название: Мишель Лейтон «Вся эта красивая ложь»

Книга в серии: 1

Оформитель: Елена Корнилова

Редактор: Ирина Третьякова, Яна Гаврилова, Маргарита Зыза

Переводчики: A_Lenka, ksusha99, elbi212, Dead_Ookami

Год перевода: 2017

Переведено для группы: https://vk.com/sto_ottenkov_lubvi

Любое копирование без ссылки на группу и переводчиков ЗАПРЕЩЕНО!

Пожалуйста, уважайте чужой труд!

Проживите этот день так, словно он последний. Никому из нас не обещают завтрашний день.

Не хвастайтесь о завтрашнем дне, ибо вы не знаете, что может вам принести этот день.

Притча глава 27, стих 1

Аннотация

Она...

Слоун Локк пряталась всю свою жизнь. Но, у нее есть своя тайна, из-за которой ее братья и отец хотят защитить ее. Она была с ними в течение долгих двадцати лет, но эти дни закончились. Слоун никогда прежде не давала обещаний, но ей пришлось дать себе обещание, что на двадцать первый день рождения, у нее все изменится. Поэтому, когда часы пробьют полночь, Слоун расправит крылья и нарушит несколько правил.

Он...

Кроме, оливковой кожи, Хейми Спенсер обладает многими другими талантами. Но контроль над собой никогда не был его талантом. Этого никогда не должно было быть. Он притворялся всю свою жизнь, сколько себя он помнит. Пока трагедия не изменила его. Теперь он не контролирует себя. Теперь у него есть миссия, и никто и ничто не встанет у него на пути.

Они...

Слоун и Хейми даже не подозревали, что смогут найти друг друга — в безумии и одержимости, в любви и ненависти. Но есть одна вещь, которую они не смогут найти — это их будущее. Никто из них не был до конца честен друг с другом. И скоро они узнают, что даже в любых мелочах кроется дьявол. На сколько, далеко они смогут зайти, чтобы быть вместе?

Оглавление

Глава 1. Слоун.....	6
Глава 2. Хейми.....	12
Глава 3. Слоун.....	13
Глава 4. Хейми.....	18
Глава 5. Слоун.....	20
Глава 6. Хейми.....	25
Глава 7. Слоун.....	27
Глава 8. Хейми.....	36
Глава 9. Слоун.....	37
Глава 10. Хейми	39
Глава 11. Слоун	40
Глава 12. Хейми	44
Глава 13. Слоун.....	50
Глава 14. Хейми	57
Глава 15. Слоун.....	60
Глава 16. Хейми	65
Глава 17. Слоун	66
Глава 18. Хейми	71
Глава 19. Слоун	72
Глава 20. Хейми	79
Глава 21. Слоун	80
Глава 22. Хейми	86
Глава 23. Слоун	87
Глава 24. Хейми	92
Глава 25. Слоун	93
Глава 26. Хейми	95
Глава 27. Слоун	98
Глава 28. Хейми	104
Глава 29. Слоун	108
Глава 30. Хейми	111
Глава 31. Слоун	118
Глава 32. Хейми	119
Глава 33. Слоун	120
Глава 34. Хейми	126
Глава 35. Слоун	128
Глава 36. Хейми	132
Глава 37. Слоун	134
Глава 38. Хейми	139

Глава 39. Слоун	140
Глава 40. Хейми	145
Глава 41. Слоун	146
Глава 42. Хейми	149
Глава 43. Слоун	153
Глава 44. Хейми	154
Глава 45. Слоун	166
Эпilog. Слоун	169
Заключение	172

Глава I. Слоун

— О, мой Бог, я не могу поверить, что ты собираешься пройти через это, — сказала моя лучшая подруга Сара, когда я открывала стеклянную дверь тату-салона.

Хотя, я не смогла ей признаться, что меня всю трясло, когда я переступала порог. Я никогда еще не была в тату-салоне. Я даже не представляла себе, на что все это похоже и как это все пугающе выглядело. Громкая музыка, черная стойка и каждый светильник, отражающийся желтым светом. Я проглотила внезапный комок нервов и заставила себя войти вовнутрь салона.

Но успокаивало то, что «Черное пятно» рекомендовали многие посетители. И не трудно было догадаться почему, когда я увидела удивительные работы на стенах салона своими глазами.

У кого-то был талант.

— Ты уверена, что хочешь сделать это, Слоун? То есть я думаю, что твой отец надерет тебе задницу, когда узнает, — продолжила Сара. Я остановилась, чтобы взглянуть на нее, но она почти бежала ко мне. — Дерьмо! — воскликнула она, оглядываясь по сторонам, пока не врезалась в комод. Она тоже рассматривала стены салона.

— Во-первых, отец не сможет надрать мне задницу. Так как... — я обернулась, чтобы попытаться найти часы в этом салоне. Когда я их все-таки нашла, меня не смутил тот факт, что часы были в форме черепа с перекрещивающимися костями, пришлось прищуриться, чтобы понять, сколько времени они показывали. — Семь минут назад, я официально перестала быть под защитой мужчин семьи Локка. И это мой первый шаг без контроля.

— Это больше похоже на бунт, — фыркнула Сара.

— Семантика¹, — ответила я пренебрежительным тоном. — В любом случае, я сделаю эту татуировку, и никто меня не остановит.

— Ты уверена, что это... безопасно? Я имею в виду...

Я заметила беспокойство в ее глазах и за это я любила ее.

Я улыбнулась ей.

— Все хорошо, Сара. Правда.

Дождавшись, когда она кивнет, я подошла к черной блестящей стойке. Я позвонила в колокольчик.

Пока мы ждали того, кто подойдет к нам, я решила пройтись по салону и полюбоваться творчеством. Как человек с сердцем художника, я даже смогла оценить искусную руку мастера.

Глубокий голос прервал мое исследование:

— Могу я вам чем-то помочь?

Я обернулась, готовая объяснить чего я хочу, но мои слова застряли на языке. Среди всех произведений искусства на стенах салона, ничто не могло сравниться с тем, на кого я смотрела сейчас.

Я увидела черты его лица отдельными картинками, которые попались на мои глаза. Угловатые мужские черты, брови цвета темного камня, светящиеся глаза, высокие скулы, точеный рот. И его губы, я смотрела на них, пока они не растянулись в улыбке. Я пялилась. Я понимала это и он понял.

¹ Семантика (от др.-греч. *σημαντικός* — обозначающий) — раздел лингвистики, изучающий смысловое значение единиц языка. В качестве инструмента изучения применяют семантический анализ.

— Вы так смотрите на все, что вам нравится?

Мои глаза встретились с его глазами. Они были темными и дразнящими, и я тут же покраснела.

— Нет, — автоматически ответила я. Когда я увидела, что его проколотая бровь поползла вверх, я поняла, что мой ответ прозвучал жалко. — Я имею в виду, что я знаю, чего хочу.

Теперь его другая бровь поползла вверх, и я почувствовала, что мои щеки начали краснеть. Я уверена, что сейчас они были похожи на два спелых яблока.

— Мне нравятся женщины, которые знают, чего они хотят.

Мой рот открылся. Со мной еще никто и никогда не флиртовал. Все парни, которых я знала, приходили в ужас от моей семьи, поэтому я понятия не имела, как реагировать на флирт. К моему ужасу, оставалось только краснеть.

Черт!

Естественно это его позабавило, раз он рассмеялся. Его смех, как черный шелк, скользнул по моей прохладной коже.

Еще больше жара устремилось к моему лицу. Я ужасно боялась того, как выглядела сейчас. Я не знала, что мне делать, кроме того, как смотреть по сторонам, что я и сделала. Я посмотрела вниз, стараясь не встретиться с его глазами, когда полезла в кошелек за эскизом татуировки. Я сделала глубокий вдох, используя различные оправдания, чтобы снова быть уверенной в себе. Когда я нашла нужный листок бумаги, то я, молча, подошла к нему и протянула сложенный листок.

Он взял листок, и его глаза на долю секунды посмотрели на меня, прежде чем он обратил внимание на мой листок. Я с замиранием сердца смотрела, как он изучал его, опустив голову. Затем он поднес листок ближе к глазам.

Верхний свет засиял на его лице, скрывая большую часть его выражения. Его длинные, густые ресницы отбросили тень на его глаза, а его брови наморщились. Я терпеливо ждала, пока он закончит рассматривать мой эскиз.

Он поднял голову и его глаза встретились с моими глазами. В этой комнате трудно было понять, какого цвета были его глаза. Недавно они были темными и убедительными, а сейчас я видела их ясно. Они были очень глубокого синего цвета. Они насквозь проткнули меня, как сталь и у меня перехватило дыхание.

— Хорошо. Кто нарисовал это?

Мое сердце набухло и запульсало внутри грудной клетки.

— Это я нарисовала.

На мгновение я увидела, как на его лице отразилась признательность, но она быстро исчезла, так как он стал задавать много вопросов.

— Рисовать в масштаб? Какие цвета вы предпочитаете? — спрашивал он, разворачиваясь к черной стойке. — Я — Хейми, кстати...

Хейми.

Какое-то странное имя.

— Хейми²? Разве это не похоже на двигатель, — ляпнула я.

Когда он снова посмотрел на меня, то у меня сложилось такое впечатление, будто он снова забавляется.

— Что-то вроде того.

Хейми. Как большой двигатель. Я видела его. Он казался быстрым. И мощным.

— Я — Слоун. И да, эскиз в масштабе и я выберу цвета, которые использовать.

² Hemi (произносится хеми; происходит от HEMI spherical — «полусферический») — двигатель внутреннего сгорания с полусферическими камерами сгорания. Первоначально был разработан фирмой Chrysler для применения на боевом истребителе P-47 Thunderbolt

Хейми снова кивнул, подходя к стойке и проходя мимо некоторых работ.

— И где же вы хотите сделать ее?

Я не знаю почему, но я опять почувствовала, что краснею.

— Мммм, я хотела бы сделать полуоткрытую раковину устрицы на правом бедре, ближе к спине, и бабочек вылетающих из нее и летящих прямо на меня.

Он все еще кивал, но теперь к тому же еще и нахмурился.

— Хм, — бормотал он. — Давайте нарисуем эту татуировку, а затем я отвезу вас обратно. У меня нет клиентов и я совершенно свободен сейчас.

— Х-о-о-рошо.

Хейми объяснил мне, что я должна подписать отказ от претензий и согласие на татуировку. Это такой способ сказать «Эй, если мы облажаемся, то ты облажался! Вам восемнадцать или старше, и вы дали нам свое разрешение сделать вам татуировку. Если вам не нравится это, значит дерьмо. Спасибо и отличного вам дня». Но все-таки, не колеблясь, я подписала их. Я знала, что делала. У меня был небольшой озноб, когда переступала порог салона, но теперь, после знакомства с Хейми, я чувствовала, что находилась в надежных руках. В теплых, умелых руках или я просто ослепла. В любом случае, я подписала их быстро. Мне хотелось, перейти к следующему шагу.

Я отдала бумаги обратно Хейми и положила ручку. Он взял их, аккуратно сложил и убрал в сторону, прежде чем снова посмотреть на меня.

— Готовы? — спросил он. Может быть, он и не знал, но этот вопрос имел гораздо больше смысла, чем простой вопрос, готова ли я сделать татуировку. И таким же был мой ответ. Решительно кивнув, я ответила:

— Да.

Он кивнул в сторону двери, через которую пришел.

— Тогда давайте, сделаем это.

Он пошел в соседнюю комнату, а я развернулась, чтобы схватить руку Сары. Но я встретила с сопротивлением.

— Ох, нет, нет, нет! Ты не потащишь меня за собой. Я упаду в обморок, будь уверена в этом.

— Что? Меня не собираются тыкать иглками миллион раз подряд. Почему бы тебе не пойти со мной?

— Сочувствие. Вот почему.

Я склонила голову набок.

— Сара, это не смешно. Я хочу, чтобы ты пошла со мной и подождала меня, пока я буду делать татуировку.

Она вытащила свою руку из моей руки.

— Я люблю тебя, Слоун, но та комната идеальное место, чтобы заработать гепатит. Ты будешь сидеть в кресле. А я нет. А если я вдруг поскользнусь, то испачкаю лицо чужой кровью. Так что спасибо, но нет.

— Сара, там нет никакой крови на полу. Там все не так.

— Откуда ты знаешь? Это твой первый тату-салон, в который ты зашла.

— Ну и что. Оглянись вокруг. Здесь идеально. Он даже пахнет свежестью и чистотой, и ты знаешь, что все могло бы быть иначе, если сюда заходили бы пьяные и вонючие люди.

— Ты просто пытаешься переубедить меня. Нет. Ни за что. Я буду ждать тебя... — ответила она, подходя к одному из кожаных кресел, стоявших около небольшого участка стены. — Прямо... здесь.

— Замечательно. Ведь это самый важный момент в моей жизни. Все отлично. И я все еще люблю тебя.

С тяжестью в груди и кричащим голосом «как-я-смогу-сделать-это», я повернулась к двери. Хейми уже исчез в соседней комнате, так что я медленно пошла вперед.

Я услышала недовольный рык позади себя.

— Хорошо. — Слова сопровождались цоканьем каблучков по полу. — Если я вдруг подцеплю там какую-нибудь заразу, надеюсь, что ты pomoжешь мне. Ты оплатишь мне врача и совершенно любые хирургические операции.

Я широко улыбнулась и схватила ее за руку, когда она подошла.

— Я не допущу, чтобы твое лицо испачкалось. Обещаю.

— Ты не обещаешь. Ты никогда не обещаешь, — заметила она, оценивающе смотря на меня, пока мы входили в комнату.

— Нет, я не даю обещаний, потому что боюсь не сдержать их. Но это обещание я сдержу.

Мы остановились и осмотрели комнату. Два человека уже делали себе татуировки. Они оба посмотрели на нас. Не было, похоже, чтобы они подвергались каким-то пыткам. На самом деле, один из них выглядел даже сонным. Или пьяным. В любом случае, я почувствовала себя более уверенной, в том, что хочу сделать.

Я подтолкнула Сару вперед, и мы пересекли комнату. Верхние лампы были настолько яркими, что они спокойно освещали три кресла для татуировок. А вот остальное пространство выглядело более тусклым.

Я подошла к Хейми, где он стоял у небольшой коморки у задней стены. Там находился небольшой кабинет с зеркалом, какой-то тележкой и пустым стулом для татуировок.

Я хотела сесть в кресло, но он остановил меня.

— Подождите. Для начала покажите мне, где вы хотите нарисовать раковину устрицы, прежде, чем сядете в кресло. Скорее всего, вам придется лечь либо на живот, либо на бок.

Почувствовав снова, как мое лицо начинает пылать, я повернулась к Хейми правым боком, и ткнула пальцем в то место, где хотела нарисовать раковину.

— Здесь.

Хейми присел рядом со мной, наклонился вперед и приподнял подол моих шорт, а затем переместил свою руку чуть выше.

— С бабочками вот тут?

Я почувствовала озноб, когда его теплая рука коснулась моей кожи, и закусила губу. А когда он посмотрел на меня, своими удивительными голубыми глазами, то я всего лишь кивнула.

— Хорошо, тогда давайте начнем с живота, — ответил он, нажав на педаль, на полу, которая опускала спинку стула и поднимала ноги, делая кресло достаточно удобным, чтобы можно было лежать. — Садитесь там и расстегивайте шорты, — небрежно сказал он.

— Простите?

Смеющиеся глаза Хейми встретились с моими глазами.

— Что именно вам не понятно?

— Мне снять шорты? Здесь?

— Нет, мне просто нужно, чтобы вы расстегнули и распахнули их немного. Этого будет достаточно для того, чтобы мне удобно было сделать вам тату там, где вы хотели.

— О, — ответила я, чувствуя себя ослом. — Хорошо.

Я залезла на ровную поверхность, расстегнула кнопку и молнию. Немного распахнула шорты на своем животе. Мне захотелось спрятать лицо руками, но я решила этого не делать. Я пялилась прямо перед собой, пока не увидела Сару, плюхающуюся в кресло, напротив, с

телефоном в руках. Я наблюдала за ней в течение нескольких секунд, но мне было интересно, когда все же на меня обратят внимание. Я повернула голову, чтобы посмотреть на Хейми, упираясь щекой о свои сложенные руки. Он сидел на стуле на колесиках, лицом ко мне на уровне моей талии, с длинной лампой, направленной на нижнюю часть моего тела.

Я затаила дыхание, когда он коснулся меня своей рукой, чтобы протиснуть пальцы за пояс шорт. Хейми начал стаскивать с меня шорты, шевеля ими в разные стороны на моих бедрах, чтобы опустить их для удобства при работе. Единственное, что было между ним и моей кожей, то это мое нижнее белье.

Я смотрела и на то, как он скользнул пальцем под кружевную резинку моих трусиков, и потянул их вниз, теперь ничего не было между нами, кроме жара его руки. Прежде чем снова посмотреть на эскиз, он медленно несколько раз потер ладонью мое бедро, а затем начал рисовать кончиком пальца на моей коже запоминая рисунок в голове.

— Вы знаете, — сказал он, глядя на меня, его ладонь скользнула чуть дальше, а большой палец сделал дугу на моем бедре. — Я думаю, что было бы лучше, если бы мы начали чуть дальше по направлению к вашей талии с раковины, а бабочки пусть летят, извиваясь змейкой в вашу сторону, к вам, — сказал он, двигаясь пальцами вверх по моим ребрам, создавая извилистый путь. — Я думаю, что это будет выглядеть лучше, чем по прямой линии.

Я нарисовала в голове, то, что он сказал. И согласилась. Я с трудом думала, и реагировала на его руки, лежавшие на мне.

— Звучит неплохо. Что бы вы ни придумали. Вы же специалист.

Хейми усмехнулся и подмигнул мне.

— О, мне нравится, как это звучит. — Он подошел обратно к столу, за которым сидел, взял приготовленную смесь и мой эскиз. Он положил рисунок на мои бедра. — Это ваша первая татуировка, не так ли? — Он не смотрел на меня, когда задавал вопрос, поэтому он не увидел цвет моего лица. Он даже не представлял, насколько он прав. Во многом. Будучи дочерью полицейского и младшей сестрой троих парней, ты, мягко говоря, принимаешь вызов. Добавьте к этому все то, что случилось, когда я была маленькой девочкой, и вы получите двадцати однолетнюю девственницу. А татуировка — это приложение ко всему остальному.

— Да, — ответила я тихим голосом.

И тут, Хейми, наконец-то, посмотрел на меня.

— Не волнуйтесь, я позабочусь о вас. — И по какой-то причине, я поверила ему. — Нам, скорее всего, придется разбить ваш рисунок на два или три сеанса. Я не хочу, чтобы вы переволновались, ведь тут нужно нарисовать, очень много бабочек. Кроме того, на ребрах рисовать более сложно и они к тому же более чувствительные.

— Поэтому, вы не будете, сегодня все рисовать?

— Я не думаю, что надо все сделать. Давайте начнем с корпуса и сделаем одну или две бабочки, и посмотрим, в каком вы будете состоянии. Затем вы сможете уйти отсюда. Мы не хотим, чтобы вы просидели в кресле слишком долго. Вы запишетесь на прием на другое время, и мы доделаем все остальное.

Мне снова придется его увидеть? Пожалуй, что да.

— Звучит неплохо.

Хейми замолчал без своей улыбки на губах и не дразнил своими глазами. На этот раз они казались более... теплыми.

— Вы всегда так легко соглашаетесь?

Пока я думала, как сформулировать содержательный, или кокетливый (или глупый) ответ, то Сара впервые за все это время, решила высказаться:

— Конечно же, нет! Она упряма, как осел.

— Значит, это касается только меня. — Он смотрел на меня в течение нескольких секунд, прежде чем вернулась его улыбка. — Только для меня. Мне нравится.

Следующее, что я почувствовала, помимо жара на лице, это прохладную спиртовую салфетку, ведь Хейми нужно было обработать мою кожу, перед тем, как приступить к работе. Я едва почувствовала влагу от салфетки. Все мое внимание было приковано к теплой руке, которая покоилась около моего бедра, все еще держа меня. Твердо держа меня.

Глава 2. Хейми

Стараясь не замечать направленного на меня взгляда девушки и не обращать внимания на ощущения от прикосновения к теплой атласной коже, я приспустил ее шорты. Я пытался игнорировать тот факт, что если бы она позволила мне избавиться от них, то я сделал бы с ней что-нибудь, что заставило бы ее краснеть при каждом воспоминании об этом. Но я должен был сосредоточиться на мысли, что у меня нет времени для знакомства с кем-то вроде нее.

Начиная с четырнадцати лет, когда я впервые попробовал секс с хищницей, я стал предпочитать более опытных женщин. И чем более дикими они были, тем лучше. Я еще никогда не лишал девушку невинности и не собирался этого делать. Мне нравились женщины, которые знали, чего хотят и знали, как этого достичь. Женщины, которые уходили раньше, прежде чем я выходил из ванной. Такие женщины всегда были единственными в моей жизни, но как оказалось, они были не единственными, в ком я мог быть заинтересован. Так почему я говорю об этой девушке с невинными карими глазами и задницей, при взгляде на которую мой член пульсировал так, что было чертовски трудно сосредоточиться?

«Тебе нужно потрахаться, брат» подумал я про себя, рисуя контур раковины устрицы на бледной безупречной коже. *«И нужно сделать это, как можно скорее».*

Я заставил заткнуться эгоистичного ублюдка, живущего внутри меня, прежде чем взять себя в руки.

Глава 3. Слоун

— Во сколько ты вернулась прошлой ночью? — спросил мой старший брат Зигмунд (Зиг, как мы его называли).

— Поздно.

— Черт, не умничай. После смены прошлой ночью, я пошел к парням Кафф. Я вернулся почти в полвторого, а тебя здесь не было.

— Серьезно? Мне уже двадцать один. Я не обязана перед тобой отчитываться.

Я смотрела, как темно-карие глаза Зига, такие же, как и у меня, расширяются.

— Черт! Ты обиделась, ведь так? Я не имел в виду ничего такого. Я просто спросил.

Я вздохнула.

— Я знаю. Я просто устала. Извини.

Зигу уже двадцать два года, и я всегда была ближе к нему, чем к другим братьям, Скотту и Стивену. Зиг был самым веселым, и он никогда не говорил, что «родили» меня так же, как и всех остальных. Скотт ужасный, но Стивен еще хуже. Будучи самым старшим, он и отец, взяли на себя обязательство защищать меня, как принцессу и воспитывали меня, как леди, даже, если кого-то из них не было дома. Именно поэтому, они и дальше внимательно следят за мной, вселяют ужас моим горе-друзьям и парням, и каждый раз наказывают меня, когда я говорю слово на букву «Ф». Поэтому, единственный мой друг — это Сара, я до сих пор девственница и мое любимое слово «Фрик». К этому либо можно было бы привыкнуть, либо провести все свое детство под землей. То, что мужчины в доме не хотели понимать, что я девушка, трудно было каждый раз одновременно слушать четыре голоса и при этом не открывать свой рот. И я научилась. В конце концов.

— Дай мне сливки, — сказал Зиг, подталкивая меня локтем. Я встала и пошла к шкафу, чтобы взять сливки. Зиг развернулся и его кобура с пистолетом, скользнула по моему бедру. Я зашипела и втянула воздух сквозь зубы. — Что это сейчас было?

— Что сейчас было?

— Ты очень шумная. Я разве сделал тебе больно.

— Нет.

— Неужели.

— Ничего. Просто ты ткнул в меня своей кобурой.

Зиг нахмурился, посмотрел на свою кобуру, а затем на мое бедро. Когда его глаза встретились с моими глазами, то он прищурил их.

— Ну и что. Это было не так больно. Тебе больно? Почему тебе больно?

Я увидела замешательство в его светлых глазах, и уже знала, что нет никакого способа, скрыть то, что я сделала. В противном случае, вся семья придет в бешенство, прежде чем я позавтракаю.

— Я сделала татуировку, — призналась я. Когда Зиг открыл рот, чтобы высказаться, я быстро начала соображать, что сказать еще, прежде чем он произнесет первое слово. — И я не желаю слушать ругательства по этому поводу. А ты бы лучше промолчал и не проболтался ни одной живой душе, или, да поможет мне Бог, я расскажу Медведю о каждом неловком секрете.

Это привлекло его внимание. Медведь — напарник Зига. Зиг знает, что он никогда не дослушивает ничего до конца, но я бы могла рассказать Медведю что-нибудь стоящее. Дать копу какую-либо информацию, которую он сможет использовать для высмеивания или

шантажа, или вылить всякое дерьмо на другого копа, подобно тому, чтобы вложить ему в руку заряженный пистолет и указать на мишень. Зиг знает об этом. И я тоже.

Его губы сжались в тонкую линию, и я знала, что победила.

— Знаешь, Слоун, тебе правда следует быть более осторожной.

— Я осторожна, Зиг. Я всегда осторожна. Я всегда была осторожна. Это не было неосторожностью. Это было только то, что я хотела сделать. Я хочу наслаждаться следующими несколькими годами настолько, насколько могу...

— Хватит, — сказал он, поднимая руку. — Даже не заканчивай это предложение. Я не хочу этого слышать.

Я замолчала. Мне следовало подумать, прежде чем говорить что-то в этом роде, вызывающее болезненные мысли и воспоминания. — Дай мне посмотреть.

— На ней все еще пленка.

— В самом деле? Ты думаешь, я не смогу увидеть сквозь пленку?

Я неохотно закатала свои пижамные штаны до пленки, приклеенной к моему бедру. Зиг с недовольством посмотрел на нее.

— Ракушка и две бабочки? Что, черт возьми, это означает?

— Это еще не все. Это только начало. Будет еще больше бабочек.

— Где?

— Они будут подниматься в мою сторону.

— Слоун, — предостерегающе начал он.

— Зиг, — ответила я, пристально смотря на него. — Это мое тело, моя жизнь, мой выбор.

— Но ты...

— Но ничего. Вы все должны позволить мне жить.

Он закатил глаза.

— Ты не ответила на мой вопрос. Что это значит?

— У меня ощущение, что я жила внутри тесной раковины всю мою жизнь. И сейчас, наконец-то, после стольких лет, я собираюсь расколоть ее и, немного, расправить крылья.

— Но ты знаешь, почему они...

— Я знаю, почему, Зиг. И я люблю вас всех за это. Но пришло время и для меня, хочется немного пожить для себя. Хочется, чтобы у меня был собственный выбор и уже хочется заняться тем, что мне нравится. Мама была мамой. Но я — это я. Вы не можете все время держать меня взаперти, вдали от всего мира, в тесной раковине до конца моих дней. Кроме того, есть вещи, от которых вы не сможете защитить меня, как бы вы ни старались.

Зиг молчал довольно долго.

— Когда ты доделаешь все остальное?

— Я снова пойду туда сегодня вечером.

— Итак, — ответил он, размешивая чайной ложкой сливки в кофе. — Только смотри, чтобы тебя не поймал отец. Или Стивен.

— Хорошо, — ответила я, тяжело вздохнув. — Я уже и забыла, какая же он заноза, когда он рядом.

— Вероятно, он не пробудет здесь долго. Я имею в виду не похоже, что он решил остепениться. Они с Дунканом никогда не пойдут на это. Попомни мои слова, он вернется обратно еще до Рождества.

— Думаешь?

— Да, черт возьми! Он уже подыскивает место подешевле, чтобы жить одному.

— Почему бы тебе не пойти жить с ним? Это бы очень помогло ему.

Раззинув рот, Зиг вытаращил глаза:

— Прикуси язык, чертова женщина! Я бы лучше съел полную тарелку кошачьего дерьма, чем жил со Стивеном до конца своих дней.

— Не до конца твоих дней. Один из вас непременно женится, в конце концов.

— Жить со Стивеном в качестве буфера? Поверь мне, это может быть остаток моей жизни. Я не сомневаюсь в этом.

Я не смогла сдержать хихиканье. Бедный Стивен. Он отличный парень, но он принимает жизнь слишком серьезно, и чаще всего бывает занудой. Он как папа. Так же Скотт. Ну, совсем немного. Я думаю, он взял понемногу от обоих родителей, в то время как Зиг и я, своим веселым нравом больше пошли в маму. Но ради справедливости, Стивен был чуть постарше, когда мама заболела, так что он пострадал намного сильнее. Не то, чтобы мы все не были опустошены, но он и папа, казалось, получили худшее. Ее болезнь и в последствие смерть, кажется, выкачала из них жизнь, по крайней мере, ту часть, которая заставляет людей наслаждаться жизнью.

— У него была тяжелая жизнь, Зиг. Дай ему слабину.

— У тебя тоже.

— У всех нас.

— Тем не менее, никто кроме Стивена не использует это как предлог, чтобы быть мудаком.

— Это то, что у него отлично получается, Зиг.

— Ну, в любом случае, будь я проклят, если позволю на долгое время подвергнуть себя этому дерьму. Достаточно того, что мне пришлось взрослеть с ним.

— Да, но признай, он отличная мишень для шуток?

Зиг посмотрел на меня с высоты своего внушительного роста в шесть и шесть футов,³ и ухмыльнулся.

— Да, черт возьми! Ты помнишь то время, когда мы клали слабительное в брауни⁴ на его день рождения?

Воспоминания об этом вызвали у меня новый приступ смеха.

— Он не мог выйти из дома в течение двух дней. Я думала он никогда не выйдет из ванной.

— Хорошие были времена, — произнес Зиг, осторожно потягивая кофе, устремляя задумчивый взгляд в окно, — хорошие времена.

И это действительно так. Даже среди плохих моментов, всегда находилось время для чего-то хорошего. И я только что поняла, что мы снова должны отыскать их.

Оставив темноту ночи позади, я зашла в тату-салон. Первое, что привлекло мое внимание, когда я открыла дверь в «Черное пятно» — музыка. Старая песня, которую я слышала раньше «Все, как прежде» группы Stone Temple Pilots. Было в ней что-то сокровенное и... сексуальное. Не знаю, думала ли я о ней так когда-нибудь, но сейчас подумала. Сегодня вечером, я почувствовала, будто она звучит где-то глубоко внутри меня.

Так же, как и прошлой ночью, стойка ресепшена оказалась пуста. И так же, как прошлой ночью, я подошла, чтобы позвонить в звонок. Одетый в аккуратную черную футболку, плотные черные джинсы и тусклые черные сапоги, Хейми появился в дверях тату-комнаты. Он выглядел опасно. И восхитительно.

³ шесть и шесть фунтов - 198 см.

⁴ Брауни - шоколадное пирожное

От его улыбки, мое сердце пропустило пару ударов, прежде чем забиться в нормальном ритме.

— Добро пожаловать обратно, — сказал с улыбкой Хейми, украдкой кидая взгляд за мое плечо. — Вы одна?

— Да, — ответила я.

— Вы как раз вовремя. Я уже начал скучать.

— Тихая ночь?

— Немного непривычно, — объяснил он, взмахом головы приглашая следовать за ним.

Задняя комната освещалась только светом лампы, находящейся за стулом Хейми, что делало обстановку более интимной. А тот факт, что мы были одни, только подчеркивал это.

— Вы один? — спросила я, повернувшись к нему спиной.

— Да, все остальные уже ушли.

— Я могла бы прийти раньше. Вы не должны задерживаться из-за меня. — Я предполагала, что он назначил мне встречу на более удобное для него время.

Обернувшись, он посмотрел на меня, поглаживая кушетку, на которую мне нужно лечь.

— Я предпочитаю работать в конце смены. Мир, кажется, спокойнее в ночное время. Это, вероятно, не имеет смысла для вас, но так я чувствую, что моя работа лучше. Типа потеряться в ней. Особенно, когда я делаю рисунки от руки, как для вас.

— На самом деле, я это прекрасно понимаю, — призналась я, запрыгивая на стол, — это большое искусство, так что я понимаю, к чему вы клоните.

Он улыбнулся и на секунду наши души соединились, выходя за рамки сказанных слов. Осмелюсь предположить, что только настоящий художник поймет, что он имел в виду. И я определенно понимала его. Для меня создание рисунков является своего рода терапией. Бегством. И это заставило меня задуматься есть ли у него шрамы, от которых он хочет сбежать и раны, которые ему нужно исцелить.

— Я снова начну с живота. Сначала я сделаю несколько бабочек, а потом вам нужно будет перевернуться на бок, чтобы сделать остальное. Предупреждаю, там, где ребра будет намного больнее, поэтому татуировки на ребрах будут вызывать не самые приятные ощущения.

Я кивнула.

— Все хорошо. Я понимаю.

— Уверены, что это стоит того?

Я снова кивнула. Бабочки значат гораздо больше по сравнению с тем, что я говорила, кому бы то ни было, поэтому я могу честно сказать, что боль стоит того.

— Да, — ответила я.

Взгляд Хейми устремился глубоко в мои глаза, словно он пытался понять, где живут бабочки, где они родились, и через что им пришлось пройти. Проходит несколько секунд, прежде чем он загадочно произнес:

— Важное всегда важно.

Растянувшись на животе, и подперев рукой подбородок, я приготовилась наблюдать за работой Хейми. Я смотрела, как он потянулся к моему поясу, так же, как делал это прошлым вечером.

Улыбнувшись, он поднял глаза.

— Разумный выбор, — заявил он, подгибая пальцем эластичный пояс моих штанов для йоги. — Вы знаете, что нужно делать, — произнес он, — поднимай.

Я подняла ногу, и он стянул мои штаны и трусики, обнажая мое бедро. Мягкие, будто крылья бабочек, что он рисовал на моем теле, его пальцы медленно спустились к первой части татуировки, посылая дрожь к нижней части моего живота.

Он кивнул головой:

— Смотрится классно. Как насчет еще нескольких?

Я тоже кивнула.

— Я готова.

Раздалось жужжание татуировочной машинки, и я глубоко вздохнула.

Глава 4. Хейми

Прикосновения моих рук к этой девушке лишили меня всякой возможности сосредоточиться. Проведя рукой по ее телу, я ощутил под своей ладонью, как она отвечала на мои малейшие касания. Она смотрела на меня так, будто желала, чтобы я дал ей большее, но в моем мире полно дерьма, и отношения, это последнее в чем я сейчас нуждался.

В ее глазах крылось нечто печальное, что заставило меня задуматься о том, что она пыталась скрыть какие-то раны, которые мог разглядеть кто-то вроде меня. Тот, кто мог понять. Но почему, черт возьми, эта молодая и невинная девушка думает о какой-то трагедии?

— Итак, вы художник, — сказал я, обыденным тоном, чтобы хоть как-то отвлечься и сосредоточиться на ее переживаниях.

— Да.

— Вы были в Штатах?

Она кивнула. В университете Джорджии есть потрясающая художественная программа.

— Замечательно. Чем вы хотите заняться, когда закончите учебу?

Она вздохнула, когда я рисовал крылья бабочки на ее фарфоровой коже.

— Я даже не знаю. — Я посмотрел на нее. Она казалась обеспокоенной чем-то. — Я знаю, что мне надо задуматься о том, чем я хочу заниматься, но единственное что я знаю, это то, что я хочу рисовать. Хочу создать что-то прекрасное, то, что будет вечным.

— В этом нет ничего плохого.

— Есть, если этим занятием вам придется зарабатывать себе на жизнь.

— Эй, посмотрите на меня, — сказал я, поднимая пистолет. — Я делаю эту проклятую жизнь, чертовски хорошей, делая то, что мне нравится, в основном я рисую. Только вот холст немного отличается от привычного.

Я заметил морщинки на ее лбу и то, как она посмотрела на меня.

— Я никогда не думала об этом таким вот образом.

— Как и большинство людей, — ответил я ей, думая при этом о своем отце.

— Как вы начали заниматься этим? Я имею в виду, это то, чем бы вы хотели заниматься?

— Специально, нет. Я долгое время колебался, полагаю, как и большинство людей. Тогда, несколько лет назад, я встретил кое-кого. Я отправился в тату-салон. Как и у вас, у меня тоже был собственный эскиз того, чего я хотел бы, чтобы мне нарисовали. Она была удивлена моей работой, и спросила меня, не хотел бы я больше узнать о татуировках. Она сразу же взяла меня под свое крыло, и показала мне все уловки. За короткий срок времени, я понял, что я полюбил это занятие. И занимаюсь им до сих пор.

Какого черта, ты делишься с этой девушкой историей из своей жизни? Ты еще ни с кем так не разговаривал, когда переехал сюда.

Мне пришлось сконцентрироваться, чтобы обуздать свой внутренний голос. Я обычно не рассказываю людям слишком много о себе. Это приведет к тому, что кто-нибудь узнает, кто я такой. И я не допущу, чтобы это случилось.

— Она?

— Да, она.

— Значит, есть и женщины-татуировщики?

— Конечно же, есть. Это Америка, в конце концов, так ведь? Равные возможности и все в таком духе?

— Это не так... Я имею в виду... Это совсем не так.

Я посмеялся над тем, как она заикалась.

— Да, есть и женщины-татуировщицы. Некоторые из них, слишком чертовски изобретательные.

— Трудно ли было учиться?

— Нет. Правильная методика разрабатывается в течение долгого времени. Искусство — это самая трудная часть. Есть вещи, которым вы не сможете научиться. Их очень трудно изучить. По крайней мере, недостаточно хорошо. Вы либо понимаете, либо нет. Все остальное вы сможете узнать в течение длительного времени.

— То есть, по сути, можно выучить, как наносить татуировки...

— Конечно.

— ...до тех пор, пока, работа не будет выглядеть достаточно хорошо?

— Правильно.

Я не обратил внимания на то, как она быстро поняла все это и укладывала в своей голове.

— Вы сказали, что мой эскиз был хорошим. Может быть, вы научите меня всему остальному?

У меня поднялась голова, и я почувствовал, что тону в ее глубоких, проникновенных и обезнадеживающих глазах.

— Кто-то вроде меня, конечно же.

— Но не вы конкретно?

— Нет.

— Почему нет? У вас очень хорошо получается.

— Но я никого не учу.

— А вы когда-нибудь пробовали?

— Нет. Я никогда не хотел.

— Но вы...

— И до сих пор я этого не хочу.

— О, — отрезала она.

Я сделал контур еще одной бабочки, нарисовал ближе к краю ее рубашки. Большая часть меня пускала слюну при мысли о том, что я буду учить ее делать татуировки, при мысли о том, что может случиться от таких тесных и частых встреч. Не было никаких сомнений в том, что я хотел бы исследовать каждый дюйм этого напряженного тела. Два или три раза. Если бы я был эгоистичным, каким я был раньше, я бы уже сделал это давно, но последствия были бы чудовищными. Но я больше не тот парень. Я контролирую себя, и какая-то часть меня знает, что это было бы ошибкой. Я не должен ни на что отвлекаться прямо сейчас. У меня только одна цель, и нижнее белье девушки, не входит в мои планы.

Мы замолчали. В тишине, шум иглы, казался громче, чем когда-либо.

Глава 5. Слоун

Я лежала тихо и неподвижно, пока Хейми рисовал контуры бабочек вдоль моей талии. Затем он стал раскрашивать бабочек чернилами. Я не знала, что еще можно сказать. Я чувствовала себя немного неловко, меня задела его реакция. Он вел себя пренебрежительно. В опасной близости к отказу.

Пока он работал, я дала себе обещание, что жизнь коротка, и в большинстве случаев (как этот, например), нужно говорить себе: сейчас или никогда. Это все, что я могла обещать себе. И я это сделала. Теперь все, можно двигаться дальше.

Чем дольше я лежала здесь, и думала об этом, тем больше мне хотелось, чтобы Хейми согласился. Я хотела бы научиться тому, как наносить татуировки, чтобы оставить неизгладимый след на чьем-то теле, на чьей-то душе.

Я услышала, как звук пистолета затихает, и взглянула на Хейми.

— Вы должны приподнять немного рубашку и перевернуться.

Он реальный и это хорошо. Я бы не хотела, чтобы он действовал как-то по-другому. Это было бы оскорбительно, ведь я думала о нем совершенно иначе и была сбита с толку. Это заставило меня задуматься о том, что я неправильно думала о нем, что это было слишком рискованно. Слишком смело. Слишком нагло.

«Но жизнь слишком коротка», напоминал мне внутренний голос где-то, глубоко внутри меня.

По моему телу пробежали мурашки, когда я представляла себе, что может получиться, если он согласится с моим... предложением.

— Вам холодно? — спросил Хейми, прерывая мои мысли.

Я подняла глаза и встретила с ним взглядом.

— Нет, почему вы так решили?

— Вы дрожите, — сказал он, поглаживая мою кожу теплой ладонью, делая мое тело более гладким.

Его пристальный взгляд не задержался на мне, когда он дотронулся до меня и провел рукой вверх и вниз по моей коже, чтобы проверить температуру. Но я говорила ему, что мне не холодно. Так почему? Почему он дотронулся до меня?

Я не стала задумываться над тем, о чем он сейчас думал.

Проигнорировав его взгляд, я спросила:

— Как мне лучше лечь?

Он не взглянул на меня и перестал двигать рукой, прежде чем ответил мне.

— Повернитесь ко мне лицом.

Я повернулась на левый бок, лицом к Хейми. Когда я устроилась по удобнее, то он опустил на краешек стола, и посмотрел на меня сверху вниз.

— Вам придется ко мне еще раз прийти.

Я была достаточно близка к нему, что почувствовала тепло от его тела той частью живота, которая была обнажена. Мурашки перестали бегать по моей коже.

— Так подойдет? — вдруг спросила я, задыхаясь от его близости. Такая обстановка ни кому не пойдет на пользу, — он, сидящий рядом со мной, в пустой комнате, — но только не нам, везде горит тусклый свет, а за окном наступила ночь.

Хейми наклонился, как будто проверяя, что ему будет удобно работать в этой позе, прежде чем он кивнул.

— Да, так подойдет. Теперь, ваша рубашка.

Я вытянулась, чтобы приподнять рубашку вдоль ребер, обнажая кожу, там, где будет рисунок. Я до сих пор ждала, когда он ко мне прикоснется. Не в силах сдержать себя, я вздохнула, когда снова почувствовала его руки на себе. Тепло заполнило меня с головы до ног.

— Как далеко вы собираетесь зайти? — спросил он хриплым голосом.

Мои глаза полезли на лоб. Он посмотрел на меня, а в его взгляде не было и намека на игры.

— Простите?

— Как далеко вы хотите зайти? По вашей стороне? Где бы вы хотели, чтобы я остановился?

Мой пульс застучал все быстрее и быстрее, я старалась изо всех сил держать себя в руках и держать ситуацию под контролем.

— Эмм... может быть до этого места, — ответила я, указывая на чувствительное место, которое находится чуть выше моей груди.

— Вам нужно расстегнуть лямки бюстгальтера, чтобы я смог доделать работу, — ответил он мне.

Я почувствовала, как мои щеки начинают краснеть, я надеялась, что он не подумает о том, к чему я клоню.

— О, ничего страшного. Остановитесь около края бюстгальтера.

— Я хочу, чтобы вы остались довольными, — ответил он, а его слова затеяли какую-то игру, и я даже не была уверена в том, что он в курсе происходящего.

Или же он в курсе?

— Я все равно буду довольна.

— Я думаю, что будет выглядеть намного лучше, если бабочки будут лететь до самого конца. Но это мое мнение. Вам решать. Если вы чувствуете себя не достаточно комфортно...

Это был вызов в его голосе, в его глазах? Он просто смотрел на меня. Не было никаких намеков или изменений в выражении его лица... Но все-таки между нами пробежала искра. По крайней мере, я так думала, что это было так. Но я не могла быть полностью уверенной в этом, в настоящем мире, а не воображаемом.

— Это не так, — начала я.

— Хорошо, — ответил он, а его губы изогнулись в улыбку. — Вы не снимайте его, просто растяните его, чтобы я смог подняться чуть выше.

Мое дыхание остановилось, когда я приподнялась на локте и стала расстегивать свой лифчик.

Спасибо, Господи, что я не надела тот, который расстегивается спереди!

Полоска от лифчика вокруг моего тела ослабла, и я обратно легла в прежнее положение, сгибая руки и складывая их под своей щекой, а затем я посмотрела на Хейми.

Он сел в кресло и пододвинулся слишком близко, и не говоря ни слова, положил свою руку на меня, включил пистолет и стал рисовать вереницу бабочек.

Лежа в таком положении, мне не на что было смотреть, кроме как на Хейми. Его глаза были сконцентрированными, а брови нахмуренными. Его язык метался между зубами, это было едва заметно по движениям его скул. Это заставило меня задаться вопросом, каков на вкус будет его язык и губы.

— Вы в порядке? — спросил он, отрываясь от своей работы.

— Замечательно.

— Чем выше я поднимаюсь по вашим ребрам, тем больше вам будет.

— Я знаю. Я готова. Это будет стоить того.

Хейми смотрел на меня все это время. Он изучал меня любопытным взглядом в течение нескольких секунд. Его губы зашевелились, как будто он хотел мне что-то сказать, но передумал и вернулся к своей работе.

— Хорошо, — наконец проговорил он. — Если вам нужно будет передохнуть, просто дайте мне об этом знать.

Я наблюдала за ним, пока он работал. Я смотрела на его лицо, на его руку, которая держала меня, и на его пальцы, которые держали пистолет. Я наблюдала за тем, как перекачиваются мышцы под кожей на его предплечье. Я наблюдала за тем, как блестели его темно-каштановые волосы. Я восхищалась тем, как завились кончики его длинных волос. Я подумала, что если Хейми не будет подстригаться, то его волосы будут лежать волнами. Я могла только представить себе, как я запускаю в них руку, и его волосы щекочут мне ладонь.

Хейми двигал рукой вверх и вниз, создавая бабочек, которые поднимались все выше и выше до моей подмышки. Когда он добрался до лямки бюстгалтера, он просунул пальцы и стянул лямку.

Он нарисовал бабочку прямо на месте лямки моего бюстгалтера, а затем спустился вниз, ближе к моей груди, чтобы нарисовать другую бабочку. Я почувствовала, как мои соски затвердели от прикосновения его руки, когда он рисовал бабочку. Я закрыла глаза и попыталась сосредоточиться на чем-то другом. Я решила сконцентрироваться на игле от пистолета, как она болезненно проникает под кожу, оставляя после этого красный след.

Когда покалывание прекратилось, я открыла глаза и удивилась. Хейми наблюдал за мной. Он не двигался. Не дрогнул ни один его мускул. Он просто смотрел на меня. На несколько секунд я была потеряна для всего, кроме него — взгляд его глаз, и то, как его рука вызвала ощущение жара, словно огонь, там, где она лежала на моей коже, то, как моя грудь жаждала, чтобы его пальцы скользили вверх хотя бы на долю дюйма.

Наконец, после неловкой минуты наблюдения за мной без единого слова, Хейми в итоге сказал, удивляя меня.

— Может быть, вам следует дать немного отдыха, и я закончу чуть позже. — Я увидела, что он смотрел куда-то поверх моей головы. — Вы здесь примерно два часа. Это достаточно долго для рисования татуировки.

Я была в шоке. Такое чувство, что я пролежала всего лишь несколько минут. Или всю жизнь. Я не уверена. Вроде как я думала о Хейми. С одной стороны, он идеальный незнакомец, который умеет рисовать бабочек, даже, если он смотрит на меня. Но с другой стороны, я чувствую, что я его совсем не знаю. Как будто мы... связаны между собой. Но не так, как можно было бы представить себе. Я чувствую, как будто между нами натянута тонкая нить. Между нами и внутри нас. Я, девушка, которую все время защищали, пытающаяся вырваться на свободу и начать жить так, как захочется. Я пытаюсь отодвинуть свой страх и решимость в сторону, и воспользоваться моментом.

Но не Хейми.

У меня такое ощущение, будто он жил, таким образом, очень долго, что он получал от жизни все самое лучшее, пока что-то не произошло, что заставило его остановиться. Остановиться и обратить внимание. И замедлиться. И отдалиться ото всех.

Я могла глубоко заблуждаться. Но если это не так, как двое таких людей встречаются посередине? И встречаются ли? Возможно ли это вообще?

Может быть, я слишком долго думаю о чем-то, что только мимолетно. Я имею в виду, он делает мне тату. Он не просил меня сближаться, ради бога.

Но все же...

Я уверена, это психически ненормально, черт возьми, что я не хочу, чтобы эта ночь заканчивалась, что я готова терпеть такой дискомфорт, чтобы остаться здесь еще дольше.

Ты жалкая. И отчаявшиеся.

Но тот другой голос внутри меня снова говорит, напоминая мне, что нет другого такого времени, как настоящее. Никому не обещан завтрашний день. У нас есть сегодня. Прямо сейчас. И ничего более.

Рука Хейми на моих ребрах, укачивающая меня нежно назад и вперед, вывела меня из ступора. Я не знаю, как долго я наблюдала за ним, погруженная в свои мысли, ничего не говоря, но я думаю, что слишком долго. Я кивнула и улыбнулась, заставляя себя принять положение, сидя, держа одну руку на груди.

— О, прости, — сказал Хейми, вращаясь на кресле, чтобы установить оборудование, поэтому он смог дать мне, немного уединения.

Уставившись на его широкие плечи, я поправила лифчик и застегнула его. Я опустила рубашку, а затем протянула руку к трусам, подтягивая их вверх, где они и должны быть.

Хейми встал, чтобы выбросить что-то в мусор. Когда он вернулся обратно ко мне, то наши взгляды встретились. Вот тогда импульс и ударил меня. Он ударяет меня, словно порыв ветра со скоростью девяносто миль в час. Это затруднило мое дыхание и заставило мое сердце биться настолько сильно, что отдавалось в ушах. И единственный раз в своей жизни я откинула мысли в сторону. Я не думала очень долго. На самом деле, я вообще не думала об этом. До того, как я смогла передумать, я слезла со стола и шагнула к нему. Он не двигался, не отстранился, просто стоял, высокий и совершенно спокойный. Смотрел на меня. Мне было интересно, знал ли он, о чем я думаю, что я чувствую. Что я собиралась сделать. И мне стало интересно, остановит ли он меня.

Я не думала слишком долго. Если задумалась бы хоть на мгновение, то я бы струсилась. Я не могу больше позволять себе бояться жизни.

Я сделала еще шаг к нему, собираясь с духом, чтобы просто сделать это, просто сделать это. Но Хейми удивил меня, когда сделал шаг, который позволил нам быть достаточно близко, чтобы соприкоснуться.

Он так рядом; моя грудь почти касалась его груди каждый раз, когда я вдыхала. Я на самую малость, подошла к нему, желая контакта. С ним. Идеальным незнакомцем.

— Слоун, — прошептал он, и звук моего имени на его губах снова леденили кровь в моих руках. Он потянулся, чтобы отбросить мои волосы через плечо. Кончики его пальцев задержались на коже моей шеи, прежде чем они опустились.

— Хейми, — вздохнула я, плаваясь под его взглядом. Я знала, что между нами что-то было. Ну, я надеялась. Надеялась, что я это не вообразила. Но сейчас я знаю, что мне это не показалось. Наглый и уверенный в себе, он хотел меня. И я тоже хотела его.

— Ты должна уйти через эту дверь и никогда не возвращаться.

Мое сердце остановилось. Все те вещи, которые, я думала, что он сможет сказать, появились из ниоткуда.

— Что? — спросила я слабым, неуверенным голосом.

— Тебе нужно уйти. И не оглядывайся.

Я попыталась прийти в себя.

— Но... но, что насчет оставшейся части моей татуировки?

— Я говорю не о твоей татуировке, и ты знаешь это.

— Тогда о чем ты говоришь? — спросила я, делая непонимающий вид, чтобы спасти то, что осталось от моей разрушающейся гордости.

— Я говорю о тебе. И обо мне. Об этом. О нас.

— Нет никаких нас.

— Будут примерно через тридцать секунд, если ты, черт возьми, не уйдешь отсюда.

— Что, если я не хочу уходить? — Я была в замешательстве. Он говорил, что он хочет меня? Или, что он хочет, чтобы я ушла?

— Я не спрашиваю.

— Почему?

— Почему что?

— Почему ты хочешь, чтобы я ушла?

— Потому что такие парни, как я, меняют таких девушек, как ты.

— Таких девушек, как я?

— Невинных девушек.

— Что, если я не невинная?

Его губы исказились в кривой усмешке.

— О, ты просто сама невинность. Я могу практически почувствовать это в тебе. Милая, чистая, нетронутая. И, если быть честным, я бы не хотел ничего лучше, чем ощутить это на кончике языка.

— Тогда что останавливает тебя?

Я наблюдала за ним, упорно борющимся с... чем-то.

— У меня нет времени и желания, чтобы быть вовлеченным в разрушение еще одной чьей-то жизни.

— Что заставляет тебя думать, что ты бы разрушил мою жизнь?

— Ох, поверь мне. Я бы сделал это.

— Но...

— Но ничего. Сегодня вечером я буду хорошим парнем, который тебе нужен, а не тем, которым я был. Несмотря на то, хочешь ли ты этого или нет. Я прошу тебя уйти, Слоун. Но я обещаю тебе, — обещаю тебе — что, если ты снова переступишь этот порог, я не дам тебе снова уйти.

Я разрываюсь на части между пьянящим восторгом и суровым отказом.

— Хейми...

— Иди, маленькая девочка, — сказал он мягко. — Иди, прежде чем я передумаю.

Глава 6. Хейми

Я проснулся от настойчивого жужжания. Сделав удар в сторону звука, я услышал грохот телефона, ударившегося о пол. С затуманенными глазами я перегнулся на край кровати, чтобы посмотреть на него. Несколько раз моргнув, мне удалось сфокусироваться на ярком экране. Я заметил две вещи. Во-первых, сейчас только без пятнадцати одиннадцать. Это, черт возьми, слишком рано, для кого-либо, чтобы звонить мне. Каждый, у кого есть мой номер телефона, знает, что я работаю ночью и сплю до позднего утра. Во-вторых, это мой старший брат Риз, который без сомнения желает узнать все свежие новости.

Я проклинал все на свете, пока наклонялся с кровати, чтобы достать свой телефон. Я нашел телефон и вернулся на место, затем большим пальцем провел по экрану, чтобы ответить на звонок.

— Что?

— Ты все еще в кровати?

— Черт возьми, да, я все еще в кровати. Ты знаешь, обычно я не ложусь раньше трех часов ночи.

— Ты спишь уже больше семи часов, слюняй. Скоро ты будешь в порядке.

— Я не сразу отправляюсь спать, мудак.

— Черт подери, ты вечно недовольный. Ты, должно быть, пил.

Риз всегда жаловался, что выпивка делает меня злым. Я предполагаю, что, может быть, он прав. Я почувствовал, что будто бы я смогу пробить кулаком стальную стену.

— Чего ты хочешь? — спросил я, игнорируя его замечание. Его счастье, что он забыл об этом.

— Просто проверяю... все ли в порядке.

— Все в порядке. Никаких изменений.

— Ты хоть дальше продвинулся?

— Ты говоришь это так, как будто легко сблизиться с этими людьми, когда это все, что угодно, но только не так просто. Они по своей природе подозрительны. Это то, что они делают, кто они есть.

— И я уверен, что ты не внушаешь доверия надежного парня.

— Что, черт возьми, это значит?

— Ты, чернильная кожа. Ты в шаге от того, чтобы стать преступником в глазах некоторых людей.

— О, точно, — сказал я с усмешкой. — Звучит знакомо.

— Я не говорил, что чувствую то же, что и некоторые люди.

— Ну, тогда «некоторые люди» могут поцеловать мой морщинистый зад.

— Слушай, я позвонил не за тем, чтобы затевать ссору. Просто... просто держи меня в курсе.

— Хорошо, — выдавил я, до скрежета стиснув зубы.

— И избавляйся от развязности.

— Заткнись, придурок, — выругался я, прежде чем повесил трубку.

Я вытянул руку, на достаточное расстояние, чтобы отключить телефонный разговор. Я уверен, как только я протрезвею, я буду чувствовать себя дерьмом от этого разговора, но прямо сейчас мне просто плохо.

Риз — хороший парень, и я люблю его. Вообще-то мы неплохо ладим. Нормально. С тех пор, как я переехал в Атланту наши отношения стали немного напряженными. Мы все находились под огромным стрессом. Потеря Олли изменила все.

Уже уставший от своих мыслей, я быстро сел. Слишком быстро. Моя голова закружилась и боль запульсировала в висках. Я прижал ладони к ним и сжал, желая, чтобы это прекратилось.

— Черт тебя подери, Слоун, — выругался я в пустоту спальни.

Я виню ее. Сто процентов. Какого черта она думала, приходя в мастерскую, вся такая милая и невинная?

Но я знаю, что это не так. Сладостью и невинностью я могу управлять. Это никогда не привлекало меня. Сладость и невинность, смешанные с этой природной сексуальностью, которой она обладает, — то, что искушает меня. Искушает по-плохому. Есть небольшой блеск в ее глазах, который говорит, что она хочет мне показать себя порочной, а не хорошей. И, о, как я мог показать ей порочность. Я мог показать ей порочность так, как она никогда прежде даже не представляла.

Но девушка, как она, заслуживает лучшего. И испорченность — это все, что у меня есть. Это все, в чем я заинтересован. Особенно сейчас. Это значит, что мне нужно держаться подальше от нее. Мне нужно перестать наслаждаться ею. Но я не привык отказывать себе в том, чего хочу. Включая женщин.

Слоун, должно быть, будет первая.

И это нравится мне меньше, чем я думал.

Игнорируя пьяное головокружение в глазах, я встал и направился в душ. Холодный душ.

Глава 7. Слоун

Единственная вещь, о которой я могла думать, когда открыла глаза, так это то, что сегодня четверг. А это означает, что завтра пятница. Что не будет занятий. А значит, я смогу выспаться.

Я перевернулась на другой бок и посмотрела на часы. Через три минуты зазвенит мой будильник. Это четвертое утро, когда я просыпаюсь раньше будильника, потому что меня раздражает его звук. И четырнадцатое утро, когда я просыпаюсь с мыслями о Хейми.

Прошло уже три недели, когда я видела или разговаривала с ним в последний раз. Когда он сказал мне, чтобы я ушла. И я ушла. Не смотря на то, что не хотела этого делать. Я хотела остаться, изучить то, что увидела в его глазах, почувствовать его прикосновения. Узнать все то, о чем он намекал, но так и не сказал.

Но я не сделала этого. Я ушла. А теперь каждое утро сожалею о своем решении.

Я откинула одеяло в сторону и пошла в душ.

Меньше, чем через час, я уже сидела на пассажирском сиденье в грузовике Сары.

— Отлично, ты не могла найти машину с еще большими колесами? — заворчала я, пытаюсь изо всех сил выйти из машины.

— Я деревенская девушка. А это то, чем девушки занимаются в деревне.

— Я тоже деревенская девушка, но у меня нет такого огромного грузовика.

— Это потому что, твой отец не задумывался о том, что женщина должна уметь управлять такими грузовиками.

Она переключила передачу и подъехала ближе к тротуару. Она оставит меня здесь. Это то, о чем как раз думал мой отец.

— Откуда он знает. Я думаю, что он просто набрал в Google «как стать леди», когда умерла мама и абзацы из разных статей, которые он смог найти, объединил в одну, по которой и воспитывал меня.

Сара повернула ко мне свою белокурую голову с копной кудряшек, и сузила свои голубые глаза.

— Все-таки, ты, наверное, права, но он проделал превосходную работу над тобой. Ты леди, это точно.

— Может быть, я устала быть леди.

Сара улыбнулась.

— Вот об этом я и говорю.

Я засмеялась.

— Я думала, что тебе мой бунт нравится больше, чем мне.

— О, я насладились им вдоволь. Наконец..., наконец-то, мы добились того, ради чего стоит жить.

— Ты могла бы жить все это время.

— И бросить свою лучшую подругу? Ни за что.

— Ты просто так это говоришь. Ты не стала ничего делать, пока я первая не сделала это.

— Ну-у-у.

— Да-а-а.

— Эй, я уже не девственница.

— Нет, но я не видела, чтобы ты делала татуировку.

— Это не моя шальная идея. К тому же, посмотри, что из этого получилось.

— Что ты имеешь в виду? Это еще не «получилось». Просто я не определилась еще, что я буду делать.

— Да, ты знаешь. Просто ты не можешь признать это.

— Не признать, что?

— Ты слишком труслива, чтобы вернуться и подвергнуть его испытанию.

— Я не трусливая. Просто я дала ему время.

— Время на что? На брожение? Это секс, а не вино, Слоун.

— Я знаю, но...

— Никаких «но». Что случилось со всем этим дерьмом в роде «расправить свои крылья» и «ловить момент», и «никакого сожаления»?

— Ничего с этим не произошло. Просто это... Я имею в виду, что он попросил меня уйти. Не очень легко возвращаться обратно после чего-то подобного.

— Слушай, ты великолепная, ты умная, ты веселая, как чертик, и ты можешь любому надрать задницу. Что не для любви? Поверь мне. Ты просто натяни ту улыбку, и этот парень будет стоять перед тобой на коленях.

— Без обид, но я не думаю, что это сработает с ним. Я имею в виду, он не похож на других парней вокруг.

— Он мужчина. Он думает своим членом. Пока ты помнишь об этом, ты прекрасна.

— Тебе следует нанести эту надпись на кружку.

— Я знаю. Я, как современный Конфуций.

— Если бы Конфуций был полон случайной мудрости, включая пенисы.

— Откуда ты знаешь, что он не был?

— Хорошее замечание.

— Сейчас же перестань менять тему разговора. Когда ты собираешься вернуться туда и позволить ему закончить с тобой? И потом «закончить с тобой»? — Сара фыркнула над своей одаренностью. Я затрясла головой, но не смогла сдержать улыбку.

— Не знаю. Но я сделаю это. — Я повернулась, чтобы посмотреть в окно на несколько секунд, прежде чем мне пришло в голову мысль. — Почему ты так заинтересована в моем целомудрии?

— Это противоречит природе для девушки достичь зрелого возраста двадцати одного года и все еще быть девственницей. Что-то подобное может нарушить пространственно-временной континуум. Прежде чем мы узнаем это, землетрясения случаются повсюду, вулканы исчезают, пещерные люди внезапно появляются в барах.

— Это не затерянный мир, Сара.

— Но мог бы быть. Это всего лишь я, делающая свое дело ради человечества.

— Вау, я никогда не полагала, что состояние моей девственной плевы может представлять детальный интерес для мира.

— Я знаю. Такая невинная. Такая беспомощная. Вот почему я здесь, милое дитя, — мирно сказала она. — Я буду твоим гидом.

Я мотнула головой.

— Это не может хорошо закончиться. Ты даже на парковке у бакалейного магазина теряешься.

— Эй! Это произошло один раз.

— И этого было достаточно даже для одного раза.

— Заткнись, шлюха!

— Не надейся, потаскуха.

Мы ухмылялись друг над другом. Такое добродушное подшучивание между мной и моей лучшей подругой.

Я не находила себе места. Я знала, что это произойдет. Я чувствовала себя так каждый вечер с тех пор, как я в последний раз видела Хейми. Я спросила Сару, не хотела бы она заняться чем-нибудь сегодня вечером, но у нее уже были планы со своим приходящим-уходящим парнем, Тоддом. И как жалко это не звучало, она, в основном, и была масштабом моих планов. Когда у нее были другие дела, то я оставалась дома. Я обычно рисовала. Или читала. Но по некоторым причинам ни того ни другого я не хотела сегодня вечером.

Не то, чтобы этому была некая случайная, таинственная «причина». Я прекрасно знала, что было причиной. Или лучше сказать, кто был этому причиной.

Хейми.

Я хотела пойти обратно, но что-то останавливало меня. Может быть, я в тайне надеялась, что он позвонит мне, что он передумает, и будет искать меня. Каждая женщина хочет, чтобы за ней ухаживали, правильно? Правильно. И я имею в виду, мой номер телефона есть в бланке. Но он не звонил, не искал. Он ясно выразил свою позицию и придерживался ее.

Может быть, мне тоже следует так поступить?

В сотый раз я посмотрела на часы на ночном столике. Встав с кровати, я начала снимать свою домашнюю одежду.

— Вот и все, — сказала я тишине в комнате. — Я не буду сидеть здесь, и думать о нем еще одну ночь.

Десять минут спустя я, одетая в джинсы и футболку Бульдогов, из своей машины направилась к «У Каффа». Есть много способов жить, и у меня есть много вещей, чтобы испытать. Сегодня вечером я буду сосредоточена на своей бестолковой семье. Может, если я добьюсь каких-то успехов в той области, моя уверенность повысится, и это приведет меня обратно к Хейми.

Когда я вошла в бар, в который мои братья постоянно заходили снова и снова столько лет, моя первоначальная реакция была менее, чем изумительная. Я не была впечатлена. Это всего лишь шумный, переполненный бар, как и любой другой. Только этот, который мне случилось знать, часто посещаем местными правоохранительными органами.

Если бы я уже не знала этого, то никогда бы не догадалась. Никто не одет в форму. Когда я осматривалась, я всего лишь видела кучу парней, одетых в обычную одежду, выпивающих, смеющихся и хлопающих друг друга по спине.

Единственное, что я заметила, — отсутствие женщин. Я имею в виду, что тут и там были рассеяны несколько, но не как в других местах, где соотношение больше в женскую сторону. Наконец, этот похож на те, что по телевизору. Нет, этот похож больше на гей-бар с несколькими бородачами, заброшенными в дополнение.

Я разглядывала сотни лиц в поисках знакомого. Учитывая, их сумасшедшие графики и нужду расслабиться после долгой смены, я рассчитывала, что хотя бы один из моих братьев будет здесь. Может быть, даже папа.

И я не ошибалась.

Около бильярдных столов я увидела мелькающую темно-русую голову. Я немедленно узнала Стивена. Он стоял, на целых два или три дюйма выше, чем кто-либо еще рядом с ним. Он не такой высокий, как Зиг и папа, но он большой парень, ростом шесть фунтов и четыре дюйма. Это делало его легко заметным в толпе. Это и его от природы разноцветные волосы — темно-русые с несколькими тусклыми пятнами. Никто не знал, откуда у него светлые волосы.

Мама говорила, что темнота, покинувшая его голову, ушла к его глазам. В отличие от наших темно-карих глаз, глаза Стивена почти черные. Как оникс. Как копу, они давали ему преимущество. Он мог быть довольно пугающим, когда смотрел ими на вас, особенно, если он был недоволен. Этого почти было достаточно, чтобы моя кровь успела заledenеть, но я знала, что он никогда не причинит мне боль. Я могла только представить, что должны чувствовать преступники.

Поворачиваясь в сторону бара, я протиснулась между двумя мужчинами и ждала, чтобы меня обслужили.

Когда крепкий бармен заметил меня, он неуклюже подошел ко мне и спросил своим грубым голосом «Удостоверение личности?» Я гордо достала свои водительские права и показала их ему. Он внимательно их изучил, посмотрел на мое лицо и затем изучил мою карточку снова. В баре для копов, без сомнений, он чувствует необходимость быть очень осторожным. В итоге, он кивнул.

— Что будете?

Я заказала ром с колой (один из немногих напитков, которые я знала, как заказывать). Он кивнул и отошел. Я улыбнулась. Это было хорошо. Очень по-взрослому. Очень независимо. Я только пила пиво один или два раза в своей жизни. Папа был уверен, что у меня никогда не было шанса преуспеть в бунтарстве. Или нарушение закона. Но сейчас я совершеннолетняя. И никто не может остановить меня. Даже мой отец. Или мои братья. И я здесь, чтобы показать им именно это.

Пару минут спустя бармен плавно подвинул ко мне мой напиток. Я вручила ему десятку небрежно, как будто делала это миллион раз. Он посмотрел на меня, и я мельком задалась вопросом, совершила ли я ошибку. Я была уверена, что этого будет достаточно, чтобы оплатить напиток и дать чаевые. Но, может, я ошибалась.

— Хотите сдачу?

Я вздохнула про себя с облегчением.

— Нет, оставьте себе.

Он что-то пробормотал, и, я взяла свой напиток и протиснулась обратно между двумя мужчинами.

Сейчас — самая трудная часть...

Я расправила плечи, сделала глубокий вдох и направилась к бильярдным столам. Прежде чем я дошла туда, большая рука опустилась на мое плечо.

— Какого черта ты здесь делаешь?

Я повернулась и увидела Зига, сердито смотревшего сверху вниз на меня. Он, должно быть, только что приехал, так как его напарник шел следом за ним. Я выдала ему свою самую широкую улыбку.

— Привет, Медведь!

— Привет, Слоун, — ответил он своим мягким голосом. Он немного выше меня с мышинными каштановыми волосами и большими голубыми глазами. Он кажется очень скромным. Вы бы никогда не догадались, глядя на него или слушая его, что он настоящий задира, но он такой. Если верить моим братьям, то он обладает черным поясом четвертой степени и скверным характером, от которого и происходит прозвище — Медведь, словно не будите...

Зиг взял меня за локоть и подвел к свободному столику. Он слегка подтолкнул меня локтем, пытаясь усадить меня. Я оказала сопротивление, опираясь одной рукой на стол и выпрямляя ноги.

— Зиг, прекрати! Я пролью из-за тебя свой напиток.

— В нем есть алкоголь?

Я подняла подбородок и встретила его глаза, автоматически выпячивая грудь.

— Да, есть. Мне двадцать один, помнишь? Выпивать — мое законное право.

— Я даже не собираюсь говорить, как это глупо для тебя, тебя из всех людей...

— Остановись прямо сейчас! Нет абсолютно никакой причины...

— Я сказал, что не собираюсь говорить это, — огрызнулся он. — Но почему, черт возьми, ты пришла сюда, чтобы сделать это?

— Именно поэтому я и приехала сюда. Я имею полное право делать что захочу, но почему вы, как неандертальцы, не можете это понять.

— Может быть, старые оправдания сработают на этом неандертальце.

— Зиг, я уже выросла. Я думаю, ты видишь это немного лучше Скотта, Стивена и папы. Особенно, Стивена и папы. Но мне нужно заставить их увидеть это.

— Почему? Что такого ужасного в том, как с тобой обращались?

Это очень похоже на удар под дых.

— Боже, Зиг, я не говорю о том, что со мной жестоко обращались или о чем-то таком. Пожалуйста, попытайся посмотреть на это моими глазами. Я не могу жить, словно заключенная, остаток своей жизни. Я не могу. И не буду. Но я надеюсь, что вы все сможете увидеть, кто я есть и чего я хочу. Быть счастливыми, когда я счастлива, если я делаю выбор, который вы бы хотели, чтобы я сделала или нет.

Зиг посмотрел на меня. И я понимала, что он над чем-то думает. Обрабатывает. И вроде бы Зиг, которого я знаю и люблю за то, что он был ближе всех в моей жизни, думает не только своей головой, но и сердцем тоже.

— Так чего же ты ждешь тогда?

— А? — спросила я, озадаченная его вопросом.

Зиг взял неполный запотевший стакан из моих пальцев и поднес соломинку к моим губам.

Я изучила его лицо и увидела одобрение. Неохотное одобрение, но это было одобрение, тем не менее.

Я опустила глаза вниз. Он злился на меня из-за татуировки. Но в тоже время он был единственным мужчиной в семье, который воспринимал меня как взрослую.

Я наклонилась и сделала большой глоток из соломинки, мои глаза улыбнулись ему в ответ. Пока я глотала напиток, он обжог все мое горло. Я машинально зашипела.

С глазами, которые сейчас отчетливо были удивлены, Зиг обхватил меня и похлопал по спине.

— Твою ж мать! Что здесь, скипидар? — спросила я.

Зиг открыто засмеялся.

— Молоко — для детей, сестренка. Добро пожаловать во взрослую жизнь. — Зиг поставил стакан на стол и повернулся к своему напарнику. — Почему бы тебе не сходить и, взять два пива и обычную колу? — Зиг залез в карман за бумажником и вручил ему несколько купюр.

— Что за черт? Я думала, ты был...

Зиг прервал меня:

— Пиво — для вас двоих. Я считаю, ты не сможешь одолеть более, чем одну бутылку, поэтому это пиво для вас. Кола — для меня, потому что кто-то должен будет отвезти твою изглаженную задницу домой.

Зиг толкнул меня в кабинку, а затем скользнул в нее следом за мной. Я наклонилась, чтобы положить голову на его плечо всего лишь на секунду.

— Ты такой хороший старший брат.

Он щелкнул по кончику моего носа, и я рывком выпрямилась, визжа при этом.

— Да, черт возьми. Потому что ты считаешь, что кто-то сможет ударить тебя по заднице за такое.

— Никто. Потому что все на мне. Часть жизни взрослого, правильно? Справляться с последствиями?

— Да, но ты никогда не должна была «бороться» с папой. Или Стивеном, на самом деле. Они, может, казались суровыми по отношению к тебе, но ты не знаешь, что такое суровость.

— Я защищу тебя, — сказала я, делая очередной глоток своего напитка. Жжение менее ощутимо в этот раз, и я могла оценить вкус рома, смешанного со сладостью колы.

— Я буду помнить, что ты сказала это.

— Пожалуйста, помни.

Все дело в употреблении алкоголя, и я поняла это, когда опьянела. Первую минуту у вас кружиться голова, а затем вы не можете видеть вдаль.

— Думаю, это будет твоя последняя, — сказал Зиг, когда я осушила свою третью Корону с лаймом.

— Я в порядке, — сказала я ему, чувствуя себя счастливой и никакого ухудшения. — Но я чувствую себя немного сонной. — Призналась я, подавив зевок. — Выпусти меня, чтобы я смогла сходить в туалет, а потом мы уйдем отсюда.

Зиг вышел из кабинки, а я стояла, все вокруг закружилось и поплыло перед глазами. Я потянулась и положила руку на стол, стала ждать, когда головокружение пройдет.

— Сможешь дойти до туалета самостоятельно?

— Конечно, я смогу, — ответила я, при этом мой голос звучал как-то неубедительно даже для меня самой. — Просто покажи мне дорогу.

Зиг взял меня за плечи и немного повернул, пока я не оказалась перед баром.

— Иди прямо. Они внизу, рядом с залом, но чуть левее.

Я напряглась, чтобы сосредоточиться на зале, про который он говорил. И сделав это, я кивнула.

— Поняла, — сказала я, выходя из кабинки и аккуратно лавируя между телами, пока шла.

В основном я никогда не была в таком ужасном состоянии, когда нужно в туалет. Я всегда приседала, и мой зад никогда не касался стульчака туалета в общественных местах. Но сейчас было труднее всего, особенно, учитывая тот факт, что нужно держать равновесие. Я сделала то, что смогла. Я прислонила ладони к серебряной стенке кабинки и откинулась назад, пока не оказалась над унитазом.

Я вполне осталась довольна собой, и я, даже, не коснулась сиденья унитаза. После того, как я сделала свои дела, я вымыла и высушила руки, а затем посмотрела на свое отражение в зеркале.

Мои черные волосы по-прежнему оставались гладкими и прямыми, и мой минимальный макияж тоже остался без изменений. Зато мои глаза выглядели по-другому. Они казались уставшими и не сфокусированными. Я выглядела пьяной.

Я облизала языком сухие губы и прижала холодные руки к горячим щекам, а после повернула голову в сторону бара.

Пока я проходила по переполненному залу обратно к Зигу, я желала немного большей ясности.

— Слоун Аннелль Локк, просто какого черта, как ты думаешь, ты здесь делаешь?

Я знала этот тон. Я знала этот голос. И, несмотря на мою решимость и раннюю показную храбрость, я съежилась. Это был мой старший брат, Стивен. Он был плохим, как и папа, потому что использовал мое полное имя, когда был пьян.

Я повернулась на голос.

— Стивен! — сказала я с энтузиазмом. — Ты именно тот, кого я искала. Пожалуйста, скажи мне, что папа — здесь. Это будет просто замечательно.

— Нет, он не здесь. И тебе лучше тоже поблагодарить свои счастливые звезды.

— И с чего же это? — спросила я смело.

— Он бы закопал твой зад на год, если бы увидел тебя пьяной.

— Ну, это было бы немного трудновато с тех пор, как мне двадцать один. Я не делаю ничего плохого.

— Нет, черт возьми!

— Да, черт подери! — сопротивлялась я также настойчиво.

— Не в этом смысла, и ты знаешь это.

— Тогда в чем смысл? — огрызнулась я, разозлившись за секунду.

— Смысл в том, что...

Я прервала его:

— Нет никакого смысла, Стивен. Я не живу больше так. Я самостоятельный человек. Я принимаю свои собственные решения, и никто не несет ответственности за них, кроме меня. А сейчас — отвали! Я пришла сюда в надежде, что вы поймете и что, может быть, просто вы все перестанете обращаться со мной, как с ребенком. Видимо, я ошиблась.

Я начала уходить, но Стивен схватил меня рукой и повернул обратно лицом к нему.

— Просто куда, как ты думаешь, ты сейчас собираешься?

— Домой, — сказала я, пытаюсь выдернуть свою руку, но я не могла вырваться из его крепкой хватки.

— Как это? За рулем? Я думаю, нет. — Он начал уходить, толкая меня сквозь толпу впереди себя.

— Отвали от меня! — Я боролась с его хваткой, но это было бесполезно. Он был просто слишком сильный.

— Нет. Ты идешь со мной. Прямо. Сейчас.

— Стивен...

— Я предлагаю тебе убрать свои руки от нее. Прямо. Сейчас, — сказал знакомый голос за нами. Мой живот сделал небольшое счастливое сальто, и я обернулась, чтобы увидеть Хейми, стоящего в нескольких футах от нас, его руки, скрещенные на груди, и злой взгляд, искажающий его великолепное лицо.

— Не вмешивайся, засранец, — ответил неукротимый Стивен.

— Я не буду просить тебя снова, — сказал Хейми.

Стивен мгновенно остановился. Он был уже рассержен, и он был братом с самым ужасным характером. Как только он повернулся, его пальцы впились в мою руку.

— Черт, Стивен! Больно же, — сказала я.

— Как насчет этого? — начал мой брат; его голос спокойный, но жесткий. — Как насчет того, чтобы ты убрал и не совал свой нос в мои дела, прежде чем я почувствую, что мне нужно сделать это за тебя?

Хейми сделал шаг в сторону Стивена. Очевидно, он не испугался угрозы.

— Делай, что должен, приятель. Я не собираюсь никуда уходить до тех пор, пока ты не уберешь от нее свои руки.

— Ты, на самом деле, не хочешь делать этого, — предупредил Стивен.

— О, я думаю, что хочу, — сказал Хейми, и в уголках его рта заиграла улыбка.
Дерьмо! Где Зиг, когда он мне нужен?

Я встала перед Стивеном, встретившись с ним взглядом.

— Стивен, я в порядке. Я не сяду за руль. Просто вернись к тому, чем занимался. Не создавай неприятностей.

Копы не создают неприятности в барах для копов. Другие люди создают неприятности в барах для копов. И это точка зрения, которой будет придерживаться каждый коп в этом месте. Просто так установлено. Если Хейми ввяжется в это, то есть только один способ, как это закончится. Хейми на заднем сиденье полицейской машины.

Стивен даже не посмотрел на меня, когда я говорила с ним. Он был сфокусирован на Хейми и только на Хейми. Намеренно, как будто он делает заявление, Стивен положил свои руки на мои плечи и переместил меня себе за спину.

— Ты можешь рассчитывать только на один бесплатный выход. Ты не получишь второго шанса. — Чтобы сконцентрировать его внимание, Стивен схватил меня за руку и снова толкал вперед.

Я услышала, как Хейми произнес «Парень, я просил тебя по-хорошему...», а затем начался ад.

Я почувствовала, как пальцы Стивена исчезли и я развернулась. Я увидела, как он развернулся на каблуках и наносил удар кулаком прямо в лицо Хейми. Я не могла дышать. Стивен был огромным и тренировался обезвреживать преступников. Одна только мысль о том, что мог сделать его кулак с красивым лицом Хейми....

Мои мысли остановились, когда Хейми с легкостью уклонился от кулака Стивена. Он сделал это с легкой грацией и поднялся с улыбкой.

— Это мне уже больше нравится, здоровяк. Что ты еще можешь?

Боже мой, он насмехается над моим братом!

Твою ж мать, это не закончится ни чем хорошим.

Стивен поднял кулак и нацелился на живот Хейми. Тот сделал несколько шагов в сторону и скользнул взглядом по толпе. Он воспользовался моментом и толкнул Стивена в толпу.

Стивен спотыкался несколько футов, прежде чем смог остановиться и развернуться. Я увидела гнев на его лице, когда он пошел обратно к Хейми. Вот, когда начинает появляться истинная природа человека.

Я выпила. В первый раз. В баре. Со своими братьями. И вспыхнула драка. Из-за меня.

Это навсегда останется моим первым впечатлением о них, как взрослого человека.

Инстинктивно я крикнула и остановилась напротив Хейми.

— Стоп!

Я не была уверена в том, что мое присутствие между ними или мой голос остановит их, но что-то Стивен не хотел сдаваться. И прежде, чем он продолжит, я быстро затараторила.

— Стивен, хватит выпускать свой гнев на совершенно незнакомого человека. Я развернусь прямо сейчас и поеду домой. Зиг будет за рулем. Ты переступил черту и ты можешь ожидать, что такое дерьмо будет каждую ночь, оставшуюся жизнь, если ты не перестанешь обращаться со мной, как с ребенком. Если вы так играете со мной, отлично. Но я буду делать то, что я хочу, нравится вам это или нет.

После того, как я закончила разглагольствовать, я развернулась лицом к Хейми, игнорируя тот факт, что мое сердце замерло, когда наши взгляды встретились.

— А ты... это не твое дело. Как я помню, у тебя нет времени на девушек? — Хейми поднял темную бровь. Кроме того, он даже не шевельнулся. Не сказал ни слова. Просто

смотрел на меня. — Я ценю тот факт, что ты пытался защитить меня, но я не нуждаюсь в защите. Даже в защите своей задницы от брата.

Он нахмурил брови.

— Это твой брат?

Я взглянула на Стивена через плечо.

— Да. К сожалению.

Когда я повернулась обратно к Хейми, то его лоб был еще больше покрыт глубокими морщинами.

— Сейчас я надеюсь, что у вас двоих есть здравый смысл, чтобы прекратить это, а не вести себя, словно ослы на стоянке. Я ухожу.

С этими словами и приподнятой головой с прямой спиной, я ушла, стараясь изо всех сил не спотыкаться. И, кажется, я сделала, чертовски хорошую работу.

Глава 8. Хейми

Святое дерьмо! Он ее брат? Я не смог решить, это хороший поворот событий — неожиданный подарок человеку, который пытается сделать что-то хорошее — или это самый худший вариант в моей жизни, вручая мне способы с помощью которых, я мог бы уничтожить себя. В любом случае, это интересная игра.

Передо мной сложный выбор. Должен ли я отпустить ее? Должен ли я сделать что-то немыслимое, и пусть эта девушка моя жизнь? Или я позволю ей пройти мимо меня? В любом случае, я легкомысленная задница, и все это сводится к одному вопросу: кому еще я могу причинить боль? Своей семье? Или невинной девушке?

Глава 9. Слоун

Я услышала треск звонка, но проигнорировала его. Возможно, это торговый агент. Кто-то украл знак «Нет домогательству» перед соседским домом около года назад. Адвокаты все равно продолжали приходить. Каждые пару месяцев, кто-то покупал другой знак и вбивал его в траву рядом с входом на наш участок. И каждые пару дней после этого кто-то приходил и воровал его. Ни знаки, ни воровство знаков не препятствовало потоку адвокатов. Меня только интересовало, не производил ли один из них знаки. Это было бы прекрасно.

Звонок раздался снова, и я перевернулась, чтобы посмотреть на часы. Без двадцати десять.

Моя голова пульсировала, словно мое сердце переместилось из грудной клетки и поднялось вверх. Я простонала в тишину, довольная, что все мужчины в доме или на работе, или в тренажерном зале по пути на работу. Самое последнее, что мне нужно на вершине своего сильного похмелья, — это куча высокомерных я-же-говорил-тебе и самодовольные взгляды.

Я услышала надоедливый звук звонка в третий раз. Скрежеща зубами, я отбросила одеяло и потопала вниз к входной двери. Я дернула ее, готовая выпустить нечестивый ад на бедного, ничего не подозревающего продавца вакуумного очистителя, но я резко остановилась, когда увидела Хейми, стоящего на крыльце. Он был похож на дуновение свежего воздуха, в своих джинсах с низкой посадкой с дырой на одном колене, черной футболке «Черного пятна» с невероятным рисунком спереди и в своих солнечных очках-авиаторах, защищающих его глаза от резкого света.

Я посмотрела украдкой, когда взглянула на него; солнце вонзило тысячу крохотных игл, сквозь мои глаза, прямо в центр моего мозга.

— Что ты здесь делаешь?

Я увидела, что его губы изогнулись в насмешливую улыбку, и, когда он поднял руку, я в первый раз заметила, что он держал, — чашку кофе.

Я потянулась и взяла его обеими руками, поднося выпускающий пар напиток к губам и делая осторожный глоток. Даже аромат заставляет меня почувствовать себя немного лучше. Как будто в чашке есть жизнь.

— Давай заходи, — сказала я, когда повернулась и отошла от двери.

Только когда я сидела в гостиной на диване с подогнутыми под себя ногами, я осознала, как я, должно быть, выглядела: клетчатые розовые шорты, небольшая розовая футболка с надписью «Поцелуй меня» спереди, волосы, собранные в хвостик, вчерашний макияж, несомненно, размазавшийся по всему лицу.

Я закрыла глаза, избавляясь от мысленного образа, и сделала очередной глоток кофе. Спустя целую минуту или две, когда в комнате не было ничего, кроме тишины, я открыла глаза и огляделась вокруг в поисках Хейми. Он сидел на краю кресла, опираясь локтями на колени и наблюдая за мной.

— Хорошо?

Я кивнула и сделала еще один глоток.

— Откуда ты знаешь?

— У меня было похмелье или даже два.

— У меня это первое.

— М-м-м, я собираюсь увидеть все сорта «впервые» от тебя. Счастливый я.

Клубок тепла лениво разматывался в глубине моего живота. Казалось, что он намекал на другое «впервые», темное, запретное «впервые». Его выражение ничего не выдавало, и его глаза были спрятаны за очками. Несмотря на это, мне не нужно было видеть их, чтобы знать, что он смотрит на меня. Я могла почувствовать его взгляд. Как прикосновение. Как теплый палец на моих губах. Нервно я облизала их кончиком языка. Я не пыталась специально

дразнить его, но я не думала, что это имело значение. Я видела желваки в его челюсти, когда он скрежетал зубами. И я слышала свистящий звук, когда он втягивал воздух.

Мне нравилось напряжение, появившееся между нами, словно туго натянутый провод. Я хотела насладиться им, продлить его, не отталкивать его, как он попытался оттолкнуть меня.

— И последнее, — сказала я с обычным смехом, относящимся к моей рискованной затее, заключающейся в употреблении алкоголя.

— Может быть. Некоторые вещи, которые ты попробуешь, будут гораздо сильнее... вызывать привычку, тем не менее.

Мой пульс замедлился.

— И что это может быть?

— Я дам тебе возможность сказать мне.

Кофе казалось прохладным по сравнению с жаром, который проходил сквозь меня. Эта нежная интимная манера, с которой он со мной говорил, делала ужасные вещи с моими нервами. И приятные вещи с оставшейся частью меня. Но следовало ли этому быть? Это был парень, который попросил меня уйти...

— Что ты здесь делаешь? Ты проделал весь этот путь, чтобы принести мне кофе?

Я жила примерно в тридцати минутах от Атланты.

С моим отцом и братьями.

Все еще.

Но однажды я окончу университет, начну зарабатывать деньги, и я уйду.

— Я здесь, чтобы забрать тебя на твое первое занятие.

— Мое первое занятие?

— Да, занятие. Не ты ли говорила, что хочешь узнать все об искусстве нанесении татуировок?

— Ну-у, да, но не ты ли говорил, что не обучаешь других?

— Да, говорил. Но у тебя, у которой так много первых разов, чтобы разделить со мной, то я почувствовал необходимость поддержать.

— И что заставляет тебя думать, что я разделю с тобой еще больше первых разов?

Хейми широко улыбнулся, и мои внутренности вспыхнули пламенем.

— Поверь мне. Ты поделишься со мной еще много первых разов.

Мне не пришло в голову спорить с ним о его идее. В основном, потому что я не хотела. Я не могла думать ни о чем лучше, чем разделить все мои «впервые» с Хейми. Я не могла придумать более очаровательного человека, с кем расправить крылья. Я не буду отрицать, что я была довольна. Очень довольна. Но я также не должна была допускать этого.

— Это так? — Я была нарочно безразлична, несмотря на то, что я чувствовала все, что угодно, но не безразличие.

— Это так.

Он все еще улыбался. И это все еще переворачивало все внутри меня.

— И что же влечет за собой мое первое занятие?

— Тебя. Меня. И пляж.

— Пляж?

— Да, пляж. Так что поторопись и допивай свой кофе, потом иди и втисни свою милую задницу в бикини, и мы сможем двинуться в путь. Нам впереди предстоит долгая поездка.

Все, что я услышала, — это «милая задница» и «долгая поездка». Я собиралась провести день с Хейми. И он думал, что у меня милая задница.

Это. Лучшее. Похмелье.

Глава 10. Хейми

О чем, черт подери, я думал?

Я решил принять предложение Слоун, потому что это была отличная возможность, чтобы просто упустить ее. Я имел в виду, что это могло быть тем, в чем я нуждался. Мне просто нужно быть осторожным. Я не могу позволить ей сильно отвлечь меня. Разве что немного. Каждому необходимо немного развлечься, а исследование ее нетронутого тела определенно будет тем, что сможет развлечь меня. Но оно также может оказаться слишком отвлекающим.

Я думал, что мысль отвергать себя настигала меня. Я всегда относился к числу людей, которые привыкли получать то, что хотели. До недавних пор мне было плевать на последствия. Но несмотря на то, что я похоронил в себе того человека, он не умер совсем. И у меня было ощущение, что он мог воскреснуть в любой момент, чтобы воспользоваться этой ситуацией, какой бы дурацкой она ни была.

Какая-то часть меня задавалась вопросом о Слоун — и искушением попробовать ее — что связывает нас, что я даже перестал быть осторожным. И какой в этом смысл, есть хоть капля здравого смысла?

Я быстро откинул эти мысли в сторону. Да, это имело достаточно здравого смысла. В свои двадцать восемь я слишком стар, чтобы попадать в сети девушки вроде Слоун. За всю свою жизнь я набрался достаточно опыта, чтобы по соперничать с пятидесятилетним.

Но, черт подери, я не мог отрицать, что мне хотелось запустить свои пальцы, язык и свой член в ее милое маленькое тельце. Меньше десяти минут спустя, она, подпрыгивая, вошла в гостиную, держа в руках пляжную сумку, заставляя меня очнуться. На ней не было ничего кроме топа от бикини и самых маленьких шорт, которые я когда-либо видел.

— Готов? — с восторгом спросила она, блистая румянцем.

— О, да, черт возьми, я готов.

Глава 11. Слоун

На самом деле, я никогда не думала, на чем может ездить парень, вроде Хейми. Я бы не удивилась большому сияющему мотоциклу или скоростной спортивной машине, но то, что было припарковано на подъездной дорожке у моего дома, подходило ему идеально.

Это был старый автомобиль, но в абсолютно идеальном состоянии, насколько я могу судить. Откидной верх автомобиля был опущен. Из-за своей мускулистой формы, глянцевой черной краски и блестяще-серебристых гоночных полос, которые резко поднимались по складному верху, он казался опасным и сильным, как и его владелец.

— Я не знаю, что это за машина, но она идеально подходит тебе! — сказала я, когда подошла к пассажирской двери. Смотря на автомобиль, я не знала, что Хейми следовал за мной, пока он не опередил меня, чтобы передо мной открыть дверь.

— О, — воскликнула я, сильно удивленная, — спасибо!

Хейми кивнул, и в уголках его губ появилась усмешка.

— Мне в радость. — Мне нравилось, когда он едва так улыбался. Это придавало ему вид, будто он что-то замышлял, и я не могла сдержаться в волнительном предвкушении.

Я наблюдала за его походкой, пока он обходил вокруг капота автомобиля и с легкостью сел за руль. Он посмотрел на меня.

— Это «Camaro» 1969 года. — Сделал он акцент, как будто я и не подозревала об этой машине, Хейми завел двигатель. Глубокий, гортанный рык скорости. И силы. — Мы за четыре часа доберемся до пляжа. Эта малышка доставит нас туда ближе к трем.

Он сдвинул коробку передачи и медленно выехал с моей подъездной дорожки. Как только он свернул за угол на шоссе, он прибавил газу и включил музыку. Я почувствовала беззаботный смех пузыря в горле. Музыка, ветер, солнце, Хейми, — все это похоже на свободу. Я расправила свои крылья. И все это было необыкновенно.

Все было просто замечательно, когда мы стали подъезжать к Тайби-Айленд⁵, к краю Саванны. На всем пути мы не разговаривали, из-за кабриолета очень плохо слышно друг друга. Но нам и не требовались слова. Поездка была просто замечательной, даже без единого слова.

Хейми нашел место для парковки на общественной стоянке и припарковал свой автомобиль. Он выключил двигатель и рывком схватил мою сумку с заднего сиденья. Я вышла из машины раньше, прежде чем он успел открыть мне дверцу, и встретила с ним у передней части машины.

— Я надеюсь, что ты взяла солнцезащитный крем, — сказал Хейми, проведя рукой по моей руке. — Я не хочу, чтобы твоя фарфоровая кожа сгорела.

— Взяла, — тихо ответила я, чувствуя его прикосновение.

— Отлично, тогда давай сделаем это.

Я улыбнулась, вспоминая, что он сказал то же самое в первый вечер, когда мы встретились. Хейми протянул свою ладонь. Я вложила в нее свою, борясь с желанием улыбнуться еще шире.

— Я готова.

⁵ Тайби-Айленд (англ. Tybee Island) — прибрежный курортный город в округе Чатем американского штата Джорджия, в 25 км на юго-восток от Саванны. Расположен на небольшом острове Тайби (Tybee), самой восточной точке штата.

Он не смотрел на меня, когда говорил, и его голос был низким, поэтому я не была полностью уверена, что услышала его правильно, но прозвучало это так, словно он прошептал: «Я, конечно, надеюсь на это».

Мы перешли улицу и стали пробираться к горячему песку. Это прекрасный пляж на сегодняшний день, но он далеко не коммерческий (и, следовательно, переполненный), как другие пляжи.

Хейми меня удивил, когда повел меня к небольшому квадрату, очищенного от песка, зашел с правой стороны в самую толпу и в центре бросил сумку.

— Мы остановимся здесь.

— Не то, чтобы я жалею, но почему мы здесь?

— Чтобы наблюдать.

— За чем наблюдать?

— Людьми. Их телами. Все это будет твоим холстом, — сказал он, окидывая рукой толпу людей, гуляющих по пляжу. — Эти люди. Чем лучше ты знакома с человеческим телом, с тем, как кожа двигается и меняется, с тем, как она натянута на костях и мышцах, тем лучше будет твой навык, чтобы создать великолепную татуировку.

— О, — ответила я, не зная, что еще сказать, но должным образом впечатлена его философией. — Звучит хорошо.

Когда я расстилала полотенце, я прекрасно понимала Хейми. Он стоял слева от меня, лицом ко мне. Из-за своих очков он мог бы наблюдать за людьми позади меня. Или он наблюдал за мной. Я не могу быть в этом уверенной. Как бы то ни было, из-за этого снимать шорты было как-то неловко. И захватывающе.

Я растянулась на своем полотенце и, пользуясь возможностью, наклонила лицо в сторону солнца и исподтишка наблюдала за Хейми. Мне кажется, что наблюдать за красивым телом Хейми гораздо интереснее, чем за другими полуобнаженными телами мужчин.

Я посмотрела на его сомкнутые губы — только на миг он их сомкнул — и мне стало интересно, знает ли он, что я наблюдаю за ним. Он снял очки, прежде чем стянуть с себя рубашку. Он положил ее на песок и прежде, чем положить свои очки на песок, его глаза встретились с моими глазами. Да, он знал, что я наблюдала за ним.

Я видела Хейми без рубашек и раньше, но сейчас он казался еще более красивее, чем раньше. У него невероятно широкие плечи, однако одно плечо покрыто замысловатой татуировкой, которая доходила до идеальной груди. Его грудь была покрыта небольшим количеством волос, сужающаяся по мере приближения к его идеальному прессу. На одной стороне его груди была красиво нарисована серия букв и цифр, которые тянулись от его бедра, спрятанные за джинсами, до его ребер, к подмышке. Мне хотелось спросить, что эта татуировка означает, когда он стал снимать джинсы. Слова застряли у меня в горле.

Он расстегнул ширинку и ловко просунул пальцы под шлевки. Он выглядел очень сексуально, что мне пришлось представить себе, как ослабляется застежка моего бюстгальтера. И шорты. И вся одежда лежит рядом с нами.

Он стянул джинсы вниз, по ногам, обнажив черные плавки, и кроме того совершенно идеальные ноги, которые я еще никогда не видела. Они были мускулистыми и не слишком волосатыми, и я увидела, что конец татуировки выглядывал из-под подола его плавков. Она должна покрывать его правое бедро.

Он положил свои джинсы поверх рубашки и повернулся лицом к океану. Мой рот стал сухим, когда я увидела его со спины. Я молила Бога, чтобы мы оказались в воде, и чтобы у меня появился шанс почувствовать тонкий материал плавков, который прилип к идеальной его нижней части тела.

— Ты же взяла солнцезащитный крем, не так ли? — спросил он, глядя на меня через плечо.

— Конечно. Я очень послушная, — сказала я, насмехаясь над ним и доставая из сумки крем. Хейми дал мне дотошную инструкцию по уходу за моей татуировкой, особенно как защитить ее от солнца.

— Послушная? Ммм.... Мне нравятся послушные, — сказал он это суровым голосом. Он до сих пор смотрел на меня, наблюдал за мной. И у меня во рту по-прежнему пересохло, как он это делает.

— Я хорошая девочка, помнишь?

— Как я мог забыть?

Я не была уверена в том, что это означает, поэтому я обрадовалась, когда мои пальцы нашли знакомую форму солнцезащитного крема. Я взяла его и показала Хейми.

— Хочешь немного?

— Пожалуйста, — сказал он, взяв крем из моих рук. Он протянул мне крышку от крема, и я взяла ее. Я завороченно смотрела, как он нанес немного лосьона на руку, грудь и живот, его кожа сверкала на солнце, пока он растирал крем. — Можешь ли ты намазать мне спину? — тихо спросил он.

Мои глаза остановились на уровне его глаз и я, молча, проклинала темные очки, которые скрывали от меня его глаза. Все, что я видела, это было мое отражение лица, мой интерес и мое желание. Я не знала, что он чувствует сейчас, если вообще что-то чувствует.

— Конечно, — сказала я, готовясь встать на ноги.

— Оставайся на месте. Я подойду к тебе, — сказал он, садясь между моими ногами.

Я почувствовала теплое дыхание, брызнула каплю солнцезащитного крема себе на ладонь и расставила в сторону ноги, чтобы наклониться, и массируя втирать лосьон в бронзовую кожу Хейми.

Я нанесла крем на плечи, провела рукой вниз по спине, по его широкой спине, внизу по его бокам, убедившись, что нанесла крем на его татуировку на ребрах. При этом я все время игнорировала тот факт, что его мышцы дергались и изгибались под моими ладонями.

— Сделано, — я выдохнула, чувствуя себя сбитой с толку.

— Теперь ты, — сказал он, повернувшись, чтобы встать на колени, и взяв тюбик близ моего бедра. — Перевернись.

Медленно, но я выпрямила ноги, а затем осторожно перевернулась на живот, я еще никогда не была в таком крошечном купальнике.

Первое, что я почувствовала, это прохладу между лопатками. Он нанес лосьон зигзагом по всей моей спине и остановился у основания позвоночника. Прошло несколько секунд, и я почувствовала теплые руки Хейми. Он начал с лопаток, разводя руки и смыкая их на моей шее.

Я дышала с трудом.

— Почему ты так напряжена? — спросил он.

— Поездка, я полагаю, — пробормотала я, зарываясь лицом в скрещенные руки.

Хейми начал спускаться вниз по моей спине, его пальцы скользнули под застежку моего купальника. Он переместился к моим ребрам, тщательно смазывая лосьоном моих бабочек.

Его мазки стали медленными, и я почувствовала, как он сместился вниз.

— Бабочки получились очень красивыми. Может быть, мы закончим на этой недели.

Я почувствовала его теплое дыхание на своей коже и задрожала. Снова.

— Тебе же, конечно, не холодно.

— Нет, мне не холодно.

— Тогда отчего дрожь по всему телу? — прошептал он, а его голос был рядом с моим ухом.

— Я боюсь щекотки, — пробормотала я, не до конца сформулировав предложение.

— Правда? Где ты больше всего боишься щекотки? Здесь? — спросил он, играя кончиками пальцев вдоль моего бока. Я вздрогнула, но, не потому что он щекотал меня. — Здесь, — спросил он, приближаясь к моим подмышкам. — Или ниже?

О, Боже, о, Боже, о, Боже!

Я перевела дыхание и удержала его, пока он опускал руки вниз по моей спине, прошелся по бедрам и далее вниз в сторону песка, кончики его пальцев дразнили мой живот. Инстинктивно, я прогнулась, приподнимая немного свои бедра.

Я услышала, как он непристойно дышал, прежде, чем его руки исчезли. Я повернулась и увидела, что он уже стоит на ногах, его челюсти плотно сжались, он растирал остатки крема на груди.

— Давай, пошли, понаблюдаем за людьми.

— Подожди! Мне нужно нанести крем на лицо.

— Встретимся внизу, у воды, — сказал он сухо, и, затем он повернулся и ушел.

Глава 12. Хейми

Вот и я. На пляже. В окружении полуголых женщин, газировки и белого песка, но ни что из этого не привлекает мое внимание. Я просто смотрю на все это, чтобы не пялиться на Слоун, которая наносит толстый слой солнцезащитного крема на свои длинные ноги, подтянутый живот и между пышными грудями.

Боже, наблюдать, как она растирает лосьон, напоминает сладкую пытку. Другие женщины, с которыми я проводил время, не особо заморачивались по поводу таких вещей, как солнцезащитный крем. Они и так были хорошенькими. Но со Слоун все по-другому. Она очень наивная. И, кроме того, я не думаю, что она осознавала, насколько дьявольски горяча и сексуальна. На самом деле, я думаю, что это только делает ее еще красивее. Может быть, это как раз то, что делает ее неотразимой. Чем больше я нахожусь рядом с ней, тем больше мне хочется ее, и тем больше я чувствую, что она должна быть моей. И теперь, когда я знаю, кто ее брат, то это может быть очень плохой новостью для нас двоих. И ни одна женщина не стоит этого риска. Ни. Одна.

— Хорошо, что сейчас? — спросила Слоун, за моей спиной. Я повернулся и обнаружил ее, стоящую слева от меня, смотрящую на меня. Ее глаза были скрыты за очками. Но мне не нужно было видеть их, чтобы знать, что в них. Притяжение. Очарование. Я не знал, пыталась ли она спрятать это или думала, что я не замечаю. В любом случае, я увидел это там. Просто, как милый маленький носик на ее лице. И это сводило меня с ума.

— Давай пройдемся, — сказал я, разворачиваясь к пляжу. Я вышагивал ленивой походкой, в то время как на нас накатывали волны. Она будто парила. Когда дул ветер, я ощущал запах ее духов смешанный с ее солнцезащитным кремом — аппетитный аромат. Это было непередаваемо.

— Что мы ищем?

— Просто оглянись вокруг. Посмотри на открытые участки кожи. Посмотри, как она движется, когда ходят люди. Посмотри, как она натягивается, когда люди наклоняются или бегут. Посмотри на то, как она сияет, когда люди расслаблены. Когда ты делаешь татуировку на коже, которая будет жить и дышать с человеком, тебе необходимо рассмотреть все варианты. Морщины, жир, кости, мышцы и возраст. Все это может повлиять на твою работу. И им придется жить с этим. В течение долгого-долгого времени.

Мы шли рядом друг с другом, и я указывал на татуировки разных людей, объясняя ей, почему я бы хотел или нет сделать им татуировку.

Я задавал Слоун вопросы, пытаюсь понять, что она чувствует. Я задавал такие вопросы, в которых она была татуировщиком, и должна подсказать человеку, почему стоит делать татуировку в том или ином месте.

Я подозревал, что она будет достаточно откровенно говорить об этом искусстве. Увидев ее эскиз, я уже не сомневался, что у нее есть талант. Но теперь я начал думать, что она действительно могла бы работать в тату-салоне. И это делало ее еще более привлекательной для меня. Это не означало, что у нас появились общие интересы — делать татуировки — потому что этим не так легко можно поделиться с другими. Я почувствовал, что между нами образовалась какая-то связь, которую я не мог предвидеть, и которой мне следовало избегать.

Но в данный момент, это служит для определенной цели. Мне не нравится сама мысль о том, что кто-то может получить травму, но я не могу нести ответственность за всех остальных. У меня есть свое дерьмо в жизни, чтобы беспокоиться обо всех. И некоторое для меня важнее, чем все остальное. Оно должно быть. И пока я не вижу этого до конца, оно должно стать преимуществом. Конец истории.

После двух часов прогулки по пляжу и рассматривания людей профессиональным взглядом татуировщика, я заметил, что стало очень жарко.

— Ты умеешь плавать?

Слоун широко улыбнулась.

— Да, я люблю плавать.

— Тогда у нас есть два варианта. Либо ты бежишь в воду сама, либо я тебя туда отнесу.

Улыбка стерлась с ее лица, пока она обдумывала мои слова. Ей потребовалось две, может три секунды, чтобы развернуться и с визгом побежать к воде. Я немного притормозил, а затем бросился к ней, обнял и продолжил прокладывать путь сквозь соленые волны. Я продолжал идти, пока вода не оказалась на уровне моего бедра. Выбрав удобный момент, я бросил Слоун прямо в надвигающуюся волну. Она снова завизжала, но волна над ее головой быстро заглушила все звуки.

Я видел, как ее очки соскользнули и погрузились на пару футов в воду. Я нырнул за ними, проследив, чтобы Слоун твердо встала на ноги. Ее голова в мгновение оказалась над поверхностью воды. Я улыбнулся, когда услышал ее шипение. Она выпрямилась, убрала с глаз длинные и черные пряди.

— Ты... Ты... — бормотала она. Мне, наверное, должно было быть стыдно, если бы она закричала, но этого не было. Я увидел, как ее губы изогнулись в улыбке.

— Я... Я... Что? Я быстрый, а ты медленная?

Слоун пробираясь через волны шла ко мне.

— Ты следующий, мистер.

— Уууу, обещания, обещания, — я со смехом начал пятиться назад. Она ускорила, я ускорился. Она бросилась, я уклонился. — Не поранься, маленькая девочка, — я издевался над ней, пока выпрыгивая, она пыталась ухватиться за мою руку.

— Я не маленькая девочка, — ответила она, бросившись на меня. Я отошел в сторону, и она опять плюхнулась в воду.

— Докажи это, — передразнил я игриво.

Слоун остановилась. Просто остановилась. Она остановилась и посмотрела на меня. Через ее остроконечные ресницы, я смог увидеть вкрапления золотого в ее шоколадных глазах. Я заметил, что ее сочные губы слегка приоткрылись, а из-за нашей игры, грудь тяжело вздымалась.

Она подняла руки, чтобы разгладить свои волосы. Из-за этого движения ее купальный костюм полез вверх по груди, показывая ее маленькие твердые соски. На секунду, сложилось такое впечатление, будто я смотрю на журнал купальников «Sports Illustrated».

Мои глаза проследили ее изгибы. Капельки воды стекали вниз по ее горлу и во впадинку между грудями. Ее живот сжимался с каждым вздохом. Ее бедра ритмично двигались через воду, пока она шла ко мне.

Когда я вернул взгляд к ее лицу, то увидел, что ее глаза устремлены на меня. Она не отводила глаз, пока не дошла до меня и не остановилась.

Она запрокинула голову наверх, чтобы посмотреть на меня. Кроме этого, она не двигалась. Не говорила. Она была настолько близко, что я чувствовал тепло ее тела, несмотря на прохладную воду, омывающую мою кожу.

Я увидел, что она протягивает ко мне свои руки. Я почувствовал, как ее теплые руки обвились вокруг меня. Я наблюдал, как она вставала на цыпочки. Я задержал дыхание, ее губы были все ближе и ближе.

И затем они коснулись моих губ.

Поцелуй был мягким, невинным и мимолетным. И когда она отклонилась назад, я увидел, что есть на самом деле женщина с добрыми глазами, в которых я вижу себя. Женщина, которая знает, чего она хочет. Может быть, я не дал ей достаточного уважения. Может быть, я что-то упустил, пока любовался ее милой улыбкой и красными щеками. Может быть, она из тех женщин, которых я знал, но не доверял им.

Да, эта девушка знает, чего она хочет. И, в то время, пока она не столь осторожна в желаемом, как другие, с которыми я переспал, она до сих пор знает, как использовать то, что у нее есть.

И она пользуется этим.

Прямо сейчас.

На мне.

Когда она снова склонилась ко мне, я отстранился от поцелуя, с целью затащить Слоун поглубже в воду, и показать ей то, что она просит от меня. И дать ей попробовать на вкус то, что она хочет.

Но прежде, чем это произошло, она вздрогнула и отстранилась от меня.

— Ой! — на первый взгляд показалось, будто она наступила на что-то. Шипящий звук вырвался сквозь стиснутые зубы, а затем она закричала. — Вот дерьмо! Что-то укусило меня.

Она бросилась прочь от меня, разбрызгивая вокруг себя воду, пытаясь спугнуть то, что укусило ее. Она завизжала и схватила свою правую ногу.

— О, Боже, Хейми, что-то укусило меня!

Я увидел, что она не шутит. И она становилась все более рассерженной. Я побежал к ней.

Двигаясь так быстро, как только можно в воде, я подбежал к Слоун взял ее на руки и побежал к берегу. Я упал на колени на мокрый песок и осторожно положил ее перед собой. Я заметил, как исказились черты ее лица от боли. Она была бледнее, чем обычно.

— Покажи мне, где, — скомандовал я.

Слоун указала на правое бедро. Вот тогда я и увидел красные косые полосы, наполненные красными точками.

Ожог от медузы.

— Тебя ужалила медуза, — объяснил я ей. — Успокойся.

Я проверил ее кожу, чтобы убедиться, что больше не осталось щупалец от медузы. Когда я убедился, что их нет, я встал.

— Ты ведь не собираешься пописать на меня⁶? — спросила она, ее глаза были испуганными, не смотря на боль.

Я не смог помочь, зато усмехнулся.

— Нет, мне просто нужно пойти и найти что-нибудь. Оставайся здесь. Я скоро вернусь.

Я побежал по пляжу туда, где были наши вещи. К счастью, мы были недалеко от наших вещей. Я схватил солнцезащитный крем из сумки Слоун и побежал обратно. У меня ушло всего несколько секунд, чтобы вернуться к ней.

Держа крем над царапиной, я выдавил немного крема.

Она визгнула от боли.

— Не делай этого!

Она уклонилась в сторону от меня.

⁶ Этот миф стал особо популярен после одного из эпизодов сериала «Друзья». Одну из героинь фильма ужалила медуза, и ее друг вызвался пописать ей на ожог, дабы снять боль... и это помогло! К сожалению, в жизни не все так просто. На самом деле химический состав яда медуз разнообразен: одни медузы жалят кислотой, другие – щелочью (вот почему уксус не всегда помогает). Состав же мочи, в свою очередь, хоть и индивидуален у каждого человека, не способен нейтрализовать ни кислоту, ни щелочь. Содержание солей и электролитов в моче (а именно они помогают при укусах медуз) может оказаться настолько мало, что моча действует на ожог также как и пресная вода, значительно усилив боль

— Не двигайся. Я должен убедиться, что жала нет. — Еще раз, очень осторожно я обработал рану кремом, пока окончательно не убедился, что там жала нет. Я могу точно сказать, что Слоун кричала от боли, и никак не хотела успокаиваться. В конце концов, я снова взял Слоун на руки и понес ее обратно в воду.

— Что ты делаешь? — спросила она, прижимаясь к моей шее, и извиваясь своим телом, так что мне пришлось поставить ее в воду.

Я отпустил ее на отмели, на достаточной глубине, чтобы промыть ногу.

— Вот это поможет. Просто доверься мне. Мне нужно промыть ногу соленой водой. Это поможет от ожога.

Я сложил руки чашечкой и зачерпал воды, чтобы обработать ногу. Я снова и снова промывал ногу, надеясь, что вымою остатки жала и нейтрализую токсины.

— Тебе хоть немного лучше? — спросил я, проверяя ее цвет лица. Она по-прежнему была бледной, но не на столько, как было сначала.

— Немного.

— Ты не чувствуешь отдышки или что-нибудь в этом духе?

Она сделала паузу, чтобы оценить себя, но покачала головой и ответила.

— Нет, я чувствую себя отлично.

— Пойдем. Давай найдем близлежащий медпункт или больницу, чтобы тебя осмотрели.

Я снова наклонился к ней, чтобы взять на руки, но она изо всех сил сопротивлялась.

— Нет. В этом нет необходимости. Только медузы могут ужалить?

Я посмотрел на ее лицо. Она выглядела встревоженной.

— Ну, конечно, не обязательно идти в медпункт, но я все-таки чувствовал себя бы лучше, если бы тебе оказали какую-нибудь медицинскую помощь. — Я увидел, как она закусил губу. — Зачем? У тебя неприязнь к больницам или что-то другое?

— Это не так. Просто это... это...

— Что? Расскажи.

На секунду она положила свою голову мне на грудь, чтобы скрыть свое лицо.

— Просто я ненавижу свою семью, и я не хочу, чтобы они об этом узнали.

— Почему? Но ведь ты это сделала не нарочно.

— Я знаю. Просто они... просто... все это сложно.

— Сложно, — повторил я.

— Да. Сложно. — Я замедлился по мере приближения к полотенцу Слоун. Я поставил ее на полотенце и присел рядом с ней.

— Разве они не знают, что ты здесь?

— Нууу, — ответила она, уходя от ответа. — Не совсем.

— Это из-за прошлой ночи? Но я ведь не боюсь твоего брата, если это то, о чем ты переживаешь.

— Нет, нет. Это не так. Просто это....

— Ты можешь мне рассказать. Чтобы это не было. Я не осужу. И не буду злиться, если тебя это беспокоит.

Она зарычала.

— Хммм. Это не так. Просто это... мне стыдно.

Я пододвинулся ближе, переместив вес на бедро.

— Хорошо, расскажи мне, что происходит.

— Слушай, моя семья просто очень... любит меня контролировать. Мне было трудно их убедить, что я уже выросла, и что они могут мне дать возможность жить своей жизнью. Мне двадцать один год и это очень важно для меня. Они придут в бешенство, если узнают, что я

была с парнем на пляже, меня ужалила медуза, а затем я оказалась в больнице. Если они узнают, то в течение следующих нескольких месяцев, они будут говорить мне всякое дерьмо, когда я захочу выйти из дома.

— Не обижайся, но почему ты просто не уедешь от них?

Слоун вздохнула.

— Это не так просто. Есть вещи... в общем, это не так просто. Поверь мне.

Каждый человек имеет право на свои тайны и свою личную жизнь. Я из тех людей, которые верят в это, так что я не стал давить на нее.

— Хорошо, хорошо. Давай найдем отель и, по крайней мере, поедем туда, где ты сможешь отдохнуть. В этом случае, ты не потратишь время на жалкую автомобильную дорогу и на сомнительную семью сегодня. Ты скажешь своей семье, что ты с другом, и что ты будешь дома завтра. Правдоподобно звучит?

Я увидел, как она часто задышала. На ее лице снова появилась улыбка.

— Это звучит здорово.

Я тихонько выдохнул.

— Хорошо, итак для начала вот что сделаем. Давай уйдем с пляжа и пойдем через Саванну, чтобы найти место для ночлега. Тогда мы сможем уйти отсюда. Здорово?

— Здорово, — повторила она.

Я собрал вещи в ее сумку — одежду, обувь, солнцезащитный крем, свои солнцезащитные очки.

— Дерьмо. Должно быть, я потерял твои очки.

— Все хорошо. Они были дешевыми. И я предполагаю, что они упали в воду, когда ты пытался спасти меня.

— Как мило с твоей стороны, — шутливо ответил я. — Я куплю тебе еще одни очки, прежде, чем мы уйдем отсюда.

— Это правда, не нужно.

— Может быть, и нет, но я все равно это сделаю.

Я перекинул сумку через плечо и наклонился к ней.

— Я могу идти сама, — сказала она, вставая на ноги и загребая песок ногами. Она обернулась и схватила свое полотенце, чтобы вытряхнуть из него песок, а когда она одевалась, я заметил, что она нахмурилась.

— Что? Что-то еще не так. Что это?

Она пожала плечами и покачала головой, давая понять, что я прав.

— Просто это... На самом деле это не имеет значения.

— Просто расскажи мне, — снова попробовал я, пока она над чем-то думала.

— Я не думала, что я буду в отеле, так что я не взяла достаточно денег с собой. А моя карта...

— Эй, это моя идея. Тебя даже не было бы здесь, если бы я не предложил прийти сюда на пляж.

— Но ты не предложил бы, если бы я не попросила научить меня рисовать татуировки.

Я видел, что она была обеспокоена, чтобы признать, что деньги это просто вещь.

— Ты знаешь, что существует много способов, с помощью которых я бы тебя научил этому? Я просто хотел увидеть тебя в купальнике. Так что не злись на меня.

Я увидел, что в уголках ее рта начала появляться улыбка. Мне хотелось вернуться назад в воду, чтобы снова ощутить их вкус.

— Ты просто...

— Я парень. Мне нравится смотреть на твое тело. Это мое наказание. Давай оставим все как есть, хорошо? — Мне не удалось убедить ее. — Боже! Прекрати бить меня по голове! Я же извинился! Что я должен сделать для тебя? Разместить тебя на ночь? Проверить твои раны? Помочь тебе подготовиться к постели? Убедиться, что ты сходишь в душ? — Я резко вздохнул. — Прекрасно. *Черт!* Я сделаю все это. Просто хватит уже говорить об этом. Дерьмо, женщина!

Слоун рассмеялась, и я протянул ей руку, чтобы она смогла облокотиться, пока мы шли. Я сомневался, что сейчас она будет более милосердной, поэтому решил не предлагать ей, нести ее на руках.

Хотя я бы не возражал.

Пройдет слишком много времени, прежде чем я пойму, что она без ума от меня. Тем не менее, сегодняшний день показался мне чистым адом.

Глава 13. Слоун

Не то, что мне не нужны были причины, чтобы быть очарованной Хейми, но будучи объектом его тщательного внимания, и видя, что он берет всю ответственность за происходящее, это добавляло ему привлекательности. И было много причин, чтобы начать все заново.

По дороге к Саванне от Тайби, он сделал остановку и купил бутылку уксуса и коробку пищевой соды. Когда я спросила, для чего это все ему понадобилось, то он просто пробормотал: «Не спрашивай». Он также купил мне кока-колу и сникерс, сочетание которых я раньше просто обожала, а теперь практически опьянела от этого. Даже, если я и не знала, для чего это надо, но, все равно, почему то, я чувствовала себя как-то глупо.

Чуть позже я сидела в машине на улице перед большим особняком. Хотя на самом деле это был шикарный отель, кирпичи цвета заката с замысловатой резьбой, лепниной и причудливым шпилем, похожий на карету, стоящую недалеко от входа. Если бы мне надо было бы отгадать, что это за здание, то, скорее всего я бы ответила, что это какая-то историческая достопримечательность. Это здание находилось прямо в парке «Форсит». Я ждала Хейми, пока он регистрировал нас в этом отеле.

Я уже успела позвонить Саре, чтобы предупредить ее, что ей придется поддерживать мою легенду до утра. Она завизжала и потребовала подробностей, а также хотела знать, планирую ли я переспать с Хейми или нет.

— Сара, — сказала я, перебивая ее. — Меня ужалила медуза, и я совершенно запуталась. Я не думаю, что это лучшее время, чтобы потерять девственность. — Она была ужасно разочарована, но согласилась прикрыть меня. Затем я позвонила отцу, и его голос мне показался немного подозрительным, но он не стал, допрашивать меня, и для меня это вообще стало неожиданностью.

Сейчас я наблюдала за людьми. Когда они проходили мимо, я задавалась вопросом, есть ли у них татуировки. Мне потребовалось совсем немного времени, чтобы понять, что Хейми полностью овладел моим разумом. Но если я наверстаю упущенное, то я буду думать о миллионах вещах еще хуже, чем потребовалось бы Хейми.

Двери гостиницы снова открылись, и оттуда вышел Хейми. Я с жадностью начала его разглядывать — высокий, стройный, плавная походка.

Он надел джинсы и футболку, прежде чем мы покинули Тайби, но теперь, когда я знала, что под ними, мне нравилось смотреть на него еще больше. У него уверенная грациозная походка, которая заставляет меня затаить дыхание. Хейми посмотрел по сторонам, прежде чем его взгляд остановился на мне. Он не улыбнулся, и даже не кивнул. Он просто подмигнул мне. И мое сердце сделало кульбит.

Это хороший способ, чтобы расправить крылья!

Я пыталась спрятать глупую улыбку, и пыталась контролировать свои разбушевавшиеся гормоны и свое воображение, которые не давали мне покоя в последнее время.

— Все готово, — сказал Хейми, садясь за руль. Он завел машину, и мы поехали вокруг дома, чтобы подъехать к этому отелю с другой стороны, где нас уже ждал портье у входа, чтобы поздороваться с нами. Он сначала подошел к моей двери, чтобы открыть ее и вежливо предложить мне руку. После того как он помог мне выйти из машины, портье закрыл дверь и направился к двери Хейми.

— У вас есть сумки, сэр? Я могу послать за носильщиком, чтобы...

— Нет, спасибо. У нас была незапланированная поездка, — ответил Хейми, выходя из машины и протягивая сложенную купюру в руку портье.

Портье кивнул.

— Хорошо, сэр.

Хейми подошел ко мне и положил руку на мою поясницу.

— Готова? — спросил он, взмахнув рукой.

Прищурившись, я посмотрела на него.

— Ты действительно хороший, — я наблюдала за ним. — Очень хороший.

Он выглядел беспечным.

— Я смотрю много фильмов о Бонде.

Он открыл дверь для меня, и я шагнула в роскошный вестибюль. Лиственная порода похожа на цвет кофе, а мебель выглядит как смесь французского и итальянского антиквариата. Но я могу ошибаться. Что, черт возьми, я могу знать о дизайне, если я видела его только по HG TV? Очень мало. Но в любом случае, это захватывает дух.

Несколько человек обратили на нас внимание, пока мы шли к лифту. Я рада, что на мне шорты и длинная рубашка, которая прикрывает мой зад. Это никаким образом не заставляет меня быть уверенней, но, по крайней мере, я не чувствую себя как Джулия Робертс во время прогулки по Риджент-Бeverли-Уилшер.

Мы доехали на лифте до нашего этажа. Двери лифта открылись, и мы вышли в элегантный коридор. Хейми повернул налево, так что я пошла за ним. Он остановился, когда прошел четыре двери, и провел ключ-картой под дверной ручкой. Загорелся зеленый свет и дверь открылась. Хейми толкнув дверь, сделал шаг назад, позволяя мне первой войти в номер.

Комната была роскошной. Это первое слово, которое приходит мне на ум. Толстый темно-коричневый ковер, но на несколько оттенков светлее, чем стены. Также были оттенки темного цвета, подушки красного цвета и мебель из красного дерева, но сама кровать была белоснежной — белое покрывало, белые подушки и белая спинка. В общем, выглядело это потрясающе.

— Ну, — сказала я, осторожно присаживаясь на край кровати. — Я думаю, мне не стоит спрашивать, сколько зарабатывает татуировщик в салоне.

Хейми проигнорировал меня, пока шел в ванную.

— С какой стороны кровати тебе привычнее спать? — спросил он, когда появился с охапкой полотенец и мочалкой.

Я растерялась, не зная, что ответить на его вопрос. Мы в номере, где есть одна кровать. Одна большая и роскошная кровать. И мы вдвоем.

— Эмм, это не имеет никакого значения. Я могу...

— Это не вопрос с подвохом, Слоун, — сказал он с улыбкой на лице. — Мне просто нужно знать с какой стороны положить эту стопку полотенец.

— С этой стороны, — ответила я, похлопывая по кровати слева от себя.

— Эти шорты нужно снять, — сказал он небрежно, что даже у меня мурашки побежали по коже. — А затем снять покрывало и лечь. — Приказал он мне, складывая свой груз на противоположной стороне кровати.

Я сделала, как он сказал. Когда я растянулась на кровати, я чувствовала себя как-то неловко.

— Хейми, я могу спать на любой стороне кровати. На самом деле, я не побеспокою тебя, если ты тоже будешь тут спать.

— Это не имеет значения. Я не сплю в кровати, если в ней кто-то уже спит.

— Ни с кем?

— Нет.

— Вообще никогда?

— Нет.

— Почему? Я имею в виду...

Он посмотрел на меня и улыбнулся, когда складывал два полотенца.

— Ты имеешь в виду, что я парень. Я должен спать со всеми. Именно поэтому я должен спать с тобой в одной кровати, не так ли?

— Нет, это не то, что я....

— Конечно, это, — прервал он меня. — Но ты не права. Женщины, с которыми... я провожу время, знают, что они должны уйти раньше, прежде чем я выйду из ванной. Я на самом деле... не очень хороший парень.

— О, — ответила я. Я о таком даже не задумывалась, но я была очень удивлена. Он не казался таким типом вроде давайте-займемся-любовью-и-обнимемся. Но также я не могла представить себе, что он будет таким... холодным. — Ты никогда не... Я имею в виду...

— Не в течение долгого промежутка времени, — сказал он, устраивая полотенце под моей ногой, а затем, смачивая мочалку уксусом, который купил в магазине. Он прижал примочку к красным царапинам и точкам на моем правом бедре. — Тебе придется подождать, пока впитается все это, но это трудно сделать, учитывая, то место, где пострадала твоя кожа. Кроме того, нужно было больше уксуса, чтобы можно было наполнить ванну. Так что придется так обрабатывать.

После того, как он приложил компресс к моей ноге, он отошел к столу. Вернулся он с книгой в кожаном переплете.

— Откуда ты узнал про это?

Хейми пожал плечами, все его внимание было приковано к тому, что он читал сейчас, а не на меня.

— Я проводил много времени на пляже, когда был ребенком. Почерпнул немного вещей здесь и там. — Я не понимала, он специально пытался, сменить тему или нет, но так или иначе, у него это получилось. — Ты голодна? Мы можем заказать что-нибудь в номер.

— Я не ослабла!

— Ох, извини, «бросившая вызов», — сказал он, подняв пальцы в виде воздушных кавычек.

— Я не бросала вызов. Я могу встать и пойти на ужин. Не позволяй мне сдерживать тебя.

— Ты ведь не сдержишь меня. Я ведь застрял в номере в тихом отеле с женщиной в бикини. Как я смогу сдержать себя?

Я не смогла не улыбнуться.

— Я уверена, что это вряд ли то, о чем ты думал в течение дня.

— О, я могу с уверенностью сказать, что я думал днем о самых разных худших способах оказаться на пляже, лишь бы не работать. — На его лице появилась самая похотливая усмешка.

Я села в вертикальное положение.

— Вот дерьмо! Ты должен был работать сегодня? Я даже не подумала об этом, когда звонила домой. Вдруг у тебя будут неприятности?

— Тише, тише, — сказал он, присаживаясь на кровать рядом со мной. — Я уже позаботился об этом.

— Боже, я не хочу создавать тебе проблемы.

— Ну, я не хотел ничего говорить, но...

Я схватила подушку и кинула ее в его голову. Хейми засмеялся.

Мой живот был полон, и на улице уже давно было темно. После повторного применения компресса к моей ноге, Хейми делал какую-то смесь из пищевой соды и воды, и намазал мою

ногу. Несмотря на то, что я действительно ничего не могу делать с этой смесью на своей ноге, должна признать, что после укуса чувствую себя намного лучше.

Хейми встал со своей половины кровати.

— Не возражаешь, если я приму душ? Смыть с себя весь этот песок и соленую воду?

— Нет, не против.

— Ты можешь принять душ утром, но сегодня тебе лучше держаться подальше от горячей воды столько, сколько ты сможешь.

— Хорошо. Я подожду до утра.

Хейми толкнул дверь ванной комнаты, но не закрыл ее полностью. Я уверена, что он так сделал, чтобы он мог услышать меня, если мне что-нибудь понадобится. Или меня мучить. Я могла видеть, что он делает, даже, если он один. Он влиятельный, харизматичный, как будто смесь противоположностей, и я учусь этому.

Я слышала, как брызнула вода. Я закрыла глаза и представила себе весь процесс. Я слышала, как кольца занавески для душа заскользили вдоль перекладины, когда он отдернул ее, чтобы залезть в ванную, а затем снова этот звук, когда он закрыл ее за собой. Слишком ясно я могла себе его представить, шагающим голым в кабинку и, взяв с собой кусок мыла, настолько белый кусок, что отличался от его загорелой кожи, и втирал его на груди и животе. Я могу представить себе капельки воды, скатывающиеся по его спине и на его идеально изогнутых ягодицах. Я очень мало могла представить себе с абсолютной ясностью. Очень мало. Но одна моя часть хотела большего, а вторая не могла себе этого позволить.

Мои глаза все еще были закрытыми, когда выключилась вода, и я слышала мягкое трение полотенца по его коже, и я представила, как он обернул полотенце вокруг талии, как он пробежался пальцами по волосам, чтобы разгладить их.

Вентилятор в ванной комнате стал громче, и я открыла глаза. Хейми стоял в дверном проеме, с завернутым полотенцем вокруг талии.

— Ты спишь?

— Нет, просто... думала.

— О чем ты думаешь? — спросил он, небрежно шагая к кровати и устраиваясь поперек кровати, облокотившись на локти, лицом ко мне. Он скрестил ноги у лодыжек и ждал, выражение его было заинтересованным.

— О коже, — ответила я честно. Я просто не сказала ему, что думала о его коже в частности. Я поспешила, чтобы продолжить. — Я думала о том, что будет с кожей, когда рисуешь на ней.

— Хочешь попрактиковаться? — спросил он.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, я уверен, что здесь есть ручка. Ты можешь что-нибудь нарисовать на мне, если захочешь. Потом это смою.

— Серьезно?

— Конечно. Что тут еще делать?

Я могла бы назвать несколько вариантов, ответив на его вопрос, но я не стала озвучивать, ни один из них. У меня на ноге какая-то белая дрянь, я не принимала душ в течение дня, и мои волосы в соленой воде.

— Может быть, есть что-то особенное, что ты хотел бы, чтобы я нарисовала?

Хейми встал и пошел к столу, и вернулся с ручкой, на которой написано название отеля.

— Хм, ну, я думал о том, чтобы написать татуировку «Live, no regrets»⁷ на правом боку. В надписи есть некоторые моменты, с которыми придется трудно. Не должна быть богато

⁷ «Live, no regrets» – перевод с английского языка «Жить, без сожалений».

украшена. Может быть, есть некоторый узор, который будет спускаться от букв L и G⁸. Я не знаю. Я как раз хотел сделать набросок, но теперь... получится на некоторое время. Ты можешь сделать свою надпись.

— Хорошо, — ответила я, охваченная этой идеей. — Это твой жизненный девиз или что-то другое?

— Это было... чужое. Того, кого я знал.

Что-то в его голосе подсказывает мне, что эта тема закрыта для обсуждения. Но также что-то в его голосе заставляет меня расспросить его, увидеть от чего именно он убегает. А вдруг эта женщина. Может быть, женщина, с которой он спал рядом. И завтракал. Но так давно.

Я выбросила эти мысли из головы, пока я сидела на кровати, я думала, как сделать эту работу.

— Как я могу... Я имею в виду, где ты будешь...

— Ты правша или левша?

— Правша.

— Отлично. Ложись на левую сторону, а я буду лежать прямо перед тобой.

Я стремглав перевернулась на кровати на левый бок, куда предлагал Хейми. Я предполагала, что он ляжет спиной ко мне, чтобы мне было удобно рисовать на его правом боку. Но я растерялась и была немного взволнована, когда он лег ко мне лицом, положив голову на мою ногу, чуть ниже царапин от медузы, и положил свою руку на мою талию, открывая для меня свои ребра.

Хейми посмотрел на меня, его глаза были цвета омута, темно-синей воды.

— Я могу быть очень... приспособляющимся.

— Да, ты можешь, — сказала я, лишенная воображения, мои нервы оказались в натянутом состоянии. — Я надеюсь, что ты не боишься щекотки.

— Только в одном месте, но ты не будешь даже рядом с этим местом со своей ручкой, — сказал он, подмигивая мне.

Я почувствовала, что я покраснела, и опять я проклинала беспорядок на своей голове. Какая прекрасная возможность была бы в противном случае. Я прочистила горло и сосредоточила все свое внимание на том, что я собиралась нарисовать на Хейми.

Когда стержень ручки в первый раз коснулся кожи, оно сползло чуть вперед. Я потеряла кончик стержня над своей ладонью, чтобы обратно привести его в рабочее состояние. Первые несколько штрихов выглядели необыкновенно. Я никогда и никому до этого не рисовала на коже. На самом деле, я даже никогда и не писала на своей коже. Но чем дальше, тем больше у меня получалось, становилось легче.

Долгое время, я скользила по коже и ребрам, пока рисовала буквы и узоры. Мне настолько это понравилось, что я находила те места, где можно вернуться назад, чтобы дорисовать узор или добавить какие-то маленькие штрихи.

Я понятия не имела, как долго я рисовала, но когда закончила, то посмотрела на него сверху вниз, и он просто наблюдал за мной. Тихо. Пристально.

— Все сделано.

— Ты действительно теряешься в этом искусстве, не так ли?

Я улыбнулась ему, скрывая свое смущение.

— Да, я вроде все сделала.

— У нас есть много общего.

Я не знала, что сказать на это. Но это признание делало меня счастливее.

⁸ Здесь имеется в виду первая буква слова Live (L) и третья буква слова regrets (G).

Глаза Хейми изучали меня. В них, как правило, я обычно видела либо теплоту или дразнящий блеск, но сейчас все было не так. Они, кажется, были... встревоженными. Как будто он боролся с чем-то. Я удивилась, а вдруг он не захочет иметь ничего общего с кем-то другим. Я удивилась, а вдруг он не захочет, чтобы кто-то был рядом с ним.

Ни говоря, ни слова, Хейми отодвинулся от меня, встал с кровати и направился в ванную. С открытой дверью в ванную, я смогла увидеть, что он рассматривает мою работу в зеркале. Он провел пальцами по некоторым деталям, но ничего не сказал. И его глаза, его глаза по-прежнему оставались сдержанными. И мне стало тревожно во второй раз.

В конце концов, он вернулся в комнату.

— Это хорошо, Слоун. Действительно хорошо.

Я выдохнула и застенчиво ему улыбнулась.

— Спасибо.

— Я не думаю, что у тебя будут какие-то проблемы, чтобы научиться делать татуировку.

— Правда?

— Вообще никаких проблем.

Я села в кровати, собираясь с мыслями для того, что я хотела спросить. Это потребует чуть больше обязательств со стороны Хейми и я не уверена, что он согласится на это. Сказав, что он будет учить меня рисованию татуировок, отличается от того, если бы он стал мне наставником.

— Вот в чем дело. Я в выпускном классе по UGA и не только у меня Продвинутое черчение и Анатомия в этом семестре, но также у меня есть факультативный проект по черчению, который может содержать в себе практическую точку зрения, если мне одобрит мой профессор. Ты бы, гм, ты бы хотел стать моим наставником? Я могла бы использовать этот опыт вместе с тобой в качестве рисования и анатомии с практической точки зрения. Из всего того, чем занимаются некоторые мои одноклассники, это было бы очень допустимо, и убило бы двух зайцев одним выстрелом.

Хейми внимательно наблюдал за мной. Я не могла знать, о чем он думает и это заставляло меня нервничать, пока я ждала.

— Я думаю, что я смог бы это сделать. Мы могли бы начать с некоторых оригинальных эскизов, затем заняться работой, где необходимо дорисовать что-либо по трафарету. Затем, в конце концов, можно будет использовать пистолет на коже.

Я была взволнована по нескольким причинам, но в последнюю очередь не включается потраченное время вместе с Хейми.

— Это было бы здорово! И я действительно очень ценю это!

Он показал мне свою натянутую улыбку, когда он, рассеяно, провел пальцами по надписи, которую я ему нарисовала.

— С удовольствием! — Он на несколько секунд задержал на мне свой взгляд, прежде чем, он неловко посмотрел в другую сторону. — Я собираюсь ненадолго уйти и найти для нас некоторые вещи. Зубную щетку, зубную пасту, и тому подобное. Тебе что-нибудь нужно?

Я не знаю, почему, но я почувствовала, что он очень стремится уйти от меня.

— Нет, со мной все будет хорошо, пока мы завтра не вернемся домой. Зубной щетки и зубной пасты будет достаточно.

Хейми кивнул.

— Я собираюсь переодеться и ненадолго отъехать.

Я кивнула, как хорошо, что он опять исчез в ванной комнате, закрыв за собой дверь. Когда он вновь вернулся, он держал свой мобильный телефон.

— Какой у тебя номер телефона? Я позвоню тебе, и ты сможешь записать мой номер, вдруг тебе что-то понадобится?

Я подумала, что это странный вопрос, так как он собирается купить всего пару вещей. Как долго его не будет?

Я держала свои мысли при себе, тем не менее, я смогла быть такой покорной, когда диктовала ему свой номер телефона. Он ввел его в свой телефон, и через несколько секунд мне пришло сообщение. Там просто было сказано: «Хейми».

Затем он сразу же ушел. Я провалялась без сна примерно полчаса, прежде чем я легла в кровать, чтобы поудобнее устроиться. Все события сегодняшнего дня обрушились на меня и мои глаза стали слипаться.

Я не знаю, когда я заснула, но когда я проснулась, весь свет в комнате был выключен, кроме лампы на столе. Я увидела Хейми, сидящего за столом, и он что-то зарисовывал в блокноте. Его голова была согнута, а лицо напряжено при мягком, немного тусклом свете. Я повернулась, чтобы посмотреть на часы. Было двадцать минут третьего ночи. Когда я повернулась назад к Хейми, его голова и глаза смотрели на меня. Он ничего не говорил и не делал. Я откинулась назад на кровать, закрыла глаза и пыталась выкинуть из головы все мысли, чтобы снова вернуться ко сну.

И, спустя некоторое время, я это сделала.

Глава 14. Хейми

Слоун была тихой все утро. Я был уверен, что так она реагировала на то, что я исчез на некоторое время прошлой ночью. Мне нужно было собрать мысли воедино, все обдумать. Вид тех букв на моем боку напомнил мне о моей цели, моей миссии. И я должен был выполнить ее, хоть мне и нравилась Слоун, и я чувствовал себя виноватым за то, что делал с ней. Точка. Если бы я рассказал ей все, она, может быть, даже поняла. Но я этого никогда не узнаю, потому что я не могу ей рассказать. Я не могу доверить ей это. Она могла все разрушить, и это был риск, который я не мог принять.

Как только она проснулась и сказала, что ее нога была в порядке, я предложил ехать дальше. Была суббота, поэтому у нее, возможно, не было планов, но они были у меня. Мне нужно было вернуться к работе. И мне необходим был сон, так как я не спал прошлой ночью.

Когда мы были в часе езды от Саванны, начал накрапывать дождь, поэтому я выключил музыку и съехал на обочину, чтобы поднять верх. В то время как я выезжал обратно на шоссе, до моего слуха донесся урчащий звук.

— Дерьмо, черт подери! Какой же я дурак! — сказал я вслух, как только начал изучать знаки, которые мы проезжали по межштатной автомагистрали.

— Что? — спросила меня Слоун озадаченно. — Почему ты дурак?

— Ты же даже не завтракала. И я уверен, ты голодна.

Она пожала плечами.

— Я в порядке. Ничего страшного.

— Перестань быть такой согласной. Тебе нужно четко говорить мне, чего ты хочешь.

— Серьезно, я в порядке. Это не...

Она была такой милой и понимающей, что заставляло меня чувствовать себя еще хуже по поводу того, что я сделал. Что я делал...

— Слушай, я чувствую себя дерьмом, и ты только все усугубляешь. Назови меня эгоистичным ублюдком. Скажи мне остановить машину и наполнить едой, твой чертов живот. Ударь меня кулаком в ногу. Сделай что-нибудь! — Моя напыщенная речь получилась злее, чем я подразумевал. Я мог сказать это по надутому выражению, которое сейчас заволакивало черты лица Слоун.

— Отлично, — сказала она. Она была в нерешительности мгновение, прежде чем потянулась через сиденье и ударила меня кулаком в ногу. И это не был слабый удар маленькой девочки. Это был удар, который она, возможно, отвешивала тому своему йети-подобному брату. — Остановись у ближайшего ресторана и накорми меня завтраком, ты, эгоистичный ублюдок.

В ее голосе была искренность — настолько много, что это наводило меня на мысль, что в ней самой была злость, которую нужно было выпустить наружу, без сомнений, результат прошлой ночи.

— Я не говорил, что ты должна была делать все это, — проворчал я, поддразнивая ее. — Черт.

Она свирепо посмотрела на меня несколько секунд. Я уставился в ответ, приняв оскорбленный вид. В итоге, она смягчилась и улыбнулась.

— Прости. Я становлюсь ворчливой, когда хочу есть.

— Ворчливой? Что, черт возьми, ты говоришь! Ты злая, как змея!

Она засмеялась и игриво шлепнула меня по руке.

— Нет.

— Сейчас я должен объяснить, почему я такой безвольный?

Она закатила глаза, а ее лицо стало более расслабленным, ведь именно это и было моей целью. Это не позволит сейчас оттолкнуть ее. Она нужна мне. И мне необходимо, чтобы она поговорила со мной.

Я увидел знак «Айхопа» и свернул в нужную сторону. Через несколько минут мы сидели в кабинке с меню в руках.

После того, как мы сделали заказ, и официантка принесла нам кофе, Слоун непринужденно сказала:

— Я не виню тебя за то, что ты забыл про завтрак.

— И почему же?

— Ты сказал, что не относишься к числу парней для завтрака.

— Сказал, разве нет?

— Я польщена тем, что ты сделал для меня исключение.

— Мы не спали вместе, так что это не считается.

— Значит, ты не приглашаешь на завтрак девушек, с которыми занимаешься сексом?

— Нет.

— И почему так?

Я пожал плечами.

— Просто у меня нет времени или склонности, чтобы... увлечься кем-то. — Слоун не встречалась со мной взглядом. Она осторожно подула в свою кружку, чтобы охладить кофе, прежде чем сделала глоток. Я воспользовался возможностью поменять тему. — Итак, расскажи мне о своей семье.

Она вздохнула.

— Ну, у меня есть три брата. Они все копы. Мой отец — тоже коп. Сказать, что они чрезмерно заботливы, то же, что назвать Мексиканский залив дождевой лужей.

Я старался не казаться слишком заинтересованным, каковым был на самом деле.

— Три брата? Все копы? Вау! Держу пари, это трудно. Расскажи мне о них.

— Зиг — самый младший. Он не такой суровый, как двое других. Мы всегда были близки, и он не так строг ко мне, как двое других. Он закончил полицейскую академию около года назад. Следующий — Скотт. Он нечто среднее между обоими моими родителями, но с заносчивым характером. Он может быть понимающим временами, но он не всегда такой. И еще есть Стивен, которого ты встретил той ночью «У Каффа». Он медведь. Прямо как папа. Эти двое никогда бы не выпустили меня из дома, если бы у них была возможность.

— Вот почему он вел себя как настоящий самодовольный придурок? Ему не понравилось, что ты была там?

— Да, я появилась там, не предупредив их каким-либо способом. Я хотела сделать замечание. И я сделала. О, парень, я всегда так делаю.

— Кажется, он не очень хорошо это уловил.

— Ну, вообще, к тому времени, как я встретила Стивена, то я немного выпила. Это, возможно, было не лучшее время.

— Ты знала, что он будет там?

— Да, моя семья посещает «У Каффа» довольно часто. — Она сделала очередной глоток кофе, и ее брови нахмурились. — Говоря об «У Каффа», что ты там делал? Я думала, это бар для копов.

Я выпускник со своими целями.

— Ты представляешь, сколько всего копов с татуировками? Они почти так же опасны, как и люди в войсках.

— О, — сказала она. — Я и не думала об этом таким вот образом.

Я тоже сделал глоток своего кофе.

— Итак, что говорит твоя мама обо всех этих чрезмерно заботливых мужчинах?

Улыбка Слоун погасла, и у меня тотчас же появилось ощущение, будто я ступил на большую кучу дерьма.

— Она, возможно, всего лишь закатила глаза, если бы знала. Она умерла, когда мне было семь лет.

— Господи, Слоун, прости.

— Не переживай. Она прожила хорошую жизнь, насколько, она смогла. У нее был острый лимфобластный лейкоз⁹. У нее это впервые появилось, когда она была еще маленькой девочкой. Она делала все возможное в течение долгого времени. К сожалению, у нее был рецидив¹⁰. И это случилось уже в зрелом возрасте, а прогноз, как правило, очень плохой. Она снова заболела, когда ей было двадцать восемь лет, а умерла, когда ей было тридцать.

— О, черт. Прости, что поднял эту тему.

— Не переживай. Правда. Она была прекрасной матерью. Она никогда не позволяла, чтобы ее удерживали от реальной жизни. Она была полна решимости, выжать из жизни, как можно больше счастья. И она сделала это.

И разве это не удар по здоровью?

Я почувствовал себя настоящим уродом, что поднял эту тему.

— Я рад, что она смогла сделать это. Жизнь коротка. Это все для нас, чтобы взять от жизни максимум.

— Именно! — сказала Слоун решительно. — Поэтому я хочу начать жить сейчас. Моему отцу и братьям это может не понравиться, но я взрослый человек, и они не могут вечно держать меня под замком в защищенной-от-боли, защищенной-от-ошибок, защищенной-от-жизни башне. Они должны научиться отпускать меня.

Ее слова... о Боже, ее слова!

— Иногда отпустить гораздо труднее, чем ты можешь подумать.

Слоун посмотрела на меня поверх своей чашки кофе, ее выражение было... необычным.

— Я не сомневаюсь, что это так, но, то необходимо. Мы должны двигаться дальше. Прямо как те слова на твоём боку «Жить, без сожалений».

Я кивнул, уставившись в черную жидкость в своей кружке. До того, как кто-нибудь из нас сказал бы что-то еще, подошла официантка с нашей едой. Позже я побольше расспрошу ее о семье. Но прямо сейчас, я думаю, нам обоим нужен перерыв.

⁹ Лимфобластный лейкоз – злокачественная опухоль, которая развивается из предшественников клеток крови лимфобластов, первоначально располагается в красном костном мозге, а затем метастазирует в лимфатические узлы, селезенку, нервную систему и другие внутренние органы.

¹⁰ Рецидив в медицине — возобновление болезни после кажущегося полного выздоровления (ремиссии).

Глава 15. Слоун

— Ты шутишь? И это все? Все, что произошло? — спросила Сара с пассажирского сиденья. На этой неделе была моя очередь водить машину до школы, поэтому подруга решила начать понедельник с допроса, которым мог бы гордиться КГБ.

— Ага.

— Девочка, нам нужно посмотреть порно. Тебе необходима помощь. Серьезная помощь.

— Мне не нужно смотреть порно, Сара. И мне не нужна помощь. Он прямо сказал, что его не привлекают «невинные» девушки. Он ведет себя так, будто моя жизнь рухнет, если он увлечется мной.

— Тогда ты должна убедить его в обратном. Без рубашки. Это всегда помогает изменить мужское мнение.

— О Боже, Сара! Это тебе нужна помощь.

— Нет, тебе. Я уже говорила тебе об этом и скажу еще раз, Слоун, ты нуждаешься в этом парне, чтобы расправить свои... крылья, — она намеренно замолчала, а когда я посмотрела на нее, то увидела на ее лице дьявольскую ухмылку.

— Ты отвратительна, знаешь?

— Ты бы думала иначе, если бы набралась смелости и, наконец, избавилась от этой надоедливой девственности.

— Я стараюсь! Но это не так просто, как я думала.

— Это так же легко, как в твоих мыслях. Ты просто нервничаешь.

— Это не так! Совсем не так. Я хочу его. Ужасно хочу. Но по какой-то причине он полон решимости, не поддаваться этому. Я не знаю, что это. Это больше, чем просто моя... неопытность. Похоже, что он хочет оставить меня в покое, но не может. И он сожалеет об этом. — Я обдумала свои собственные слова. — Ну, может быть, «сожалеет» не совсем верное слово. Я не знаю, как объяснить. Он будто хочет быть со мной и в то же время не хочет. Он будто чувствует, что следует держаться от меня подальше, и в то же время нет. Это странно.

— И горячо! — добавила Сара.

Я злобно усмехнулась:

— И это сводит меня с ума!

— О, держу пари, что это так. К тому времени как ты получишь этого жеребца, оседлай его и скачи до тех пор, пока вы оба не развалитесь. Это может быть хорошей идеей, особенно для первого раза.

Я ненавижу думать о своем первом разе и уж тем более говорить об этом. Я знаю все подробности, важные детали и физиологию. Я просто хочу поскорее пройти через боль и неудобства, чтобы не терять времени даром и двигаться дальше.

— Ну, если и есть кто-нибудь, кто способен сделать первый секс девушки безупречным, так это Хейми. Я бы поставила на него большие деньги.

— И я жажду все-е-ех подробностей. Ты меня слышишь?

— Я слышу тебя.

— И лучше тебе поторопиться. Ты женщина. Используй все инструменты, которыми тебя наградил Господь Бог и поставь уже этого парня на колени.

Я вздохнула:

— Я стараюсь.

— Нет, не стараешься. Ты просто пустила ситуацию на самотек и позволяешь управлять «случайностям». Но это неправильно. Ты должна взять все в свои руки и контролировать все, что с тобой происходит.

— Я работаю над этим, Сара. Поверь мне.

Я сказала это, зная, что Сара не поверила мне ни на одну секунду. Чем больше проходит времени и Хейми не делает никаких шагов, тем безнадежнее я себя ощущаю. Но я не собираюсь сдаваться. Если бы я могла выбрать кого угодно в мире, кто стал бы моим первым, это определенно был бы Хейми. Ему было тяжело и трудно, но он открылся мне совершенно с другой стороны. Он может быть заботливым, ранимым, а в некоторых вещах даже неуверенным. Возможно, он не предназначался для меня, но что-то пошло не так и мы встретились. И теперь я не могу его забыть.

То, что я не могу — или не хочу — рассказать Саре так это то, что это намного важнее для меня, чем просто страх облажаться во время секса. Я не достойна Хейми. Хейми заслуживает кого-то лучше, чем я. Я просто не могу ей этого сказать.

— Так, когда вы снова встретитесь?

— С тех пор, как начались занятия, Хейми не хочет, чтобы я приходила к нему слишком поздно и на следующий день чувствовала себя уставшей, поэтому он сказал, чтобы я распланировала предстоящий четверг и вечер пятницы.

— Как мило, — сказала она с сарказмом. — Он должен успокоиться и просто сделать это.

— Сара... — я закатила глаза. — Тебе следовало родиться парнем.

— Почему? Потому что я говорю правду?

— Может быть.

— Вот поэтому я и не парень. Парни лгуны. Они скрывают многие вещи и говорят нам то, что мы хотим услышать. А я этого не делаю. Более того, Бог создал меня женщиной. Кстати, он не прогадал.

— Тебе действительно стоит это запомнить.

— Я работаю над этим. Я работаю над этим. — Один взгляд в ее сторону сказал мне, что вероятно, она думает над этим. И если она это сделает, я уверена, что в конечном итоге, один из них будет под моим Рождественским деревом.

Я покачала головой и снова закатила глаза.

Сара сумасшедшая девушка.

К тому времени, когда наступил четверг, я была *более чем готова* снова увидеть Хейми. Я чувствовала, что становлюсь зависимой от этого парня и время, проведенное вдали от него, ощущалось почти болезненно. Смешно, конечно, ведь я практически его не знала.

Но все же...

Я тщательно подбирала наряд для своей первой ночи «в студии», как ее называл Хейми. Мне хотелось выглядеть сексуально и зрело. На самом деле это было трудно, но я должна была хотя бы попытаться. Я выбрала джинсы, превосходно обтягивающие мои бедра, и футболку без рукавов, в которой моя грудь выглядела удивительно хорошо, а талия казалась еще тоньше. При движении футболка немного задиралась, открывая некоторые участки кожи и показывая моих бабочек, которые мне так нравились.

Я припарковалась в конце улицы, чтобы не занимать свободные места для клиентов, и выбралась из машины, оставив сумочку, но взяв с собой папку с бумагами для босса Хейми, чтобы он мог заполнить их. Освобождение от школы и прочее, а еще Хейми будет наставником. И все это будет официально. Он будет приставлен ко мне до конца семестра, и эта мысль волновала меня до костей.

Когда я вошла, в вестибюле было всего два человека. Видимо, они ждали своей очереди. Улыбнувшись, я направилась к двери, ведущей в дальнюю комнату. Я не была уверена, что могу просто войти, поэтому я просунула голову и огляделась в поисках Хейми. И я нашла его. Сразу же. Мой взгляд устремился к нему, как земля обращается к солнцу. Я могла различить

только его голову скрытую перегородкой, которая отделяла его рабочую зону. Он с кем-то разговаривал. И судя по той части лица, что мне удалось увидеть, это была женщина.

Я была настолько увлечена разглядыванием Хейми, что не заметила, как рядом со мной возник молодой парень. Он выглядел не на много старше меня. У него был ирокез и несколько пирсингов на лице. Тем не менее, он выглядел очень мило в образе панка с обаятельной улыбкой и искрящимися зелеными глазами.

— Ты ищешь Хейми?

— Да, я уже нашла его, но не хочу мешать.

— О, ты не помешаешь. Она не клиент.

— Ты уверен? Я не хочу создавать для него проблем.

— И как бы ты это сделала?

— Ну, его босс может рассердиться, если...

Парень усмехнулся:

— У Хейми нет босса. Он сам босс.

Я была озадачена.

— Он управляет этим местом?

— Да, конечно. Он менеджер.

— Ох, — ровно произнесла я. Интересно, почему он никогда не упоминал об этом.

— Это будет нашим маленьким секретом, правда. Он не распространяется на этот счет. Я просто предположил, что он сказал тебе, поскольку вы много времени проводите вместе.

— Откуда ты знаешь?

— Он сказал, что ждет тебя, чтобы показать тебе веревки. Какую-то вещь, которую он сделает для твоей школы.

— Верно. Да, он... помогает мне.

— Тогда чего же ты ждешь? Возвращайся назад, — сказал он, приятно улыбаясь. — Я уверен, что он захочет увидеть тебя, — я не совсем уверена, что ответила на это высказывание, потому, что он отвлек меня, протянув руку, и представился. — Кстати, я — Пол. Один из внештатных художников.

В ответ я улыбнулась и протянула руку:

— Привет, Пол. Рада познакомиться с тобой. Я — Слоун.

— Слоун, — повторил он. — Будет очень приятно видеть тебя здесь, Слоун.

Девственница или нет, я все-таки способна определить, когда мужчина оценивает меня. А Пол определенно оценил меня. Высоко оценил.

— Ты флиртуешь, Пол, — сказала я прямо. — Но ты мне все равно нравишься.

— Я знал, что ты это скажешь. Девушки не могут устоять передо мной. Хочешь потрогать мои волосы?

Парень наклонил голову немного вперед, демонстрируя мне свой жесткий могавк¹¹. Этот глупый жест заставил меня улыбнуться. И я на самом деле захотела прикоснуться к его волосам, которые он практически пихал мне в лицо.

— Что это? — спросила я, прикасаясь к шипам.

Пол поднял голову, прошелся пальцами по своим колючим волосам и ухмыльнулся мне.

— Ты даже не захочешь узнать. — Он стал пятиться к стулу, где появился новый клиент. — Увидимся, Слоун.

¹¹ Mohawk (также и по русски могавк) или ирокез - это вид прически - выбирается участок волос в виде полоски по направлению взгляда человека (паралельно) разного размера и вокруг него бреют на лысо, образуется высокая полоска из волос на фоне лысины.

Я улыбалась, наблюдая за тем, как он шел навстречу к здоровому мужчине. Протянув руку для рукопожатия, парень взял руку клиента, слегка поглаживая заднюю сторону ладони, как-будто они были старыми приятелями или что-то вроде того.

Пол. Так символично.

Я снова вспомнила о Хейми. Прошагав через всю комнату, я направилась к маленькой коморке, где он работал. Повернув за угол, я увидела, что «не клиент» действительно женщина. Роскошная блондинка склонилась над Хейми, так будто была очень близко знакома с ним.

Когда я остановилась, оба повернули головы в мою сторону. Хейми выглядел раздраженным. Женщина казалась... голодной.

— Простите, что помешала, — сказала я, обращаясь к женщине. Я посмотрела на Хейми. — Пол сказал, что я могу пройти. Но если вы хотите, я подожду в холле...

— Нет, все в порядке, дорогая, — произнесла женщина. Вблизи я смогла рассмотреть ее совершенное лицо с холодными серыми глазами, — я уже ухожу, — она послала Хейми ослепительную улыбку. — Еще раз спасибо, малыш. Я все верну. Обещаю, — прежде чем отстраниться, женщина прижалась губами к Хейми. — Ты можешь вернуться к работе.

Она проскользнула мимо меня, оставляя за собой шлейф дорогих духов. Я могу только представить, сколько высокомерия в этой женщине. Я не хочу думать об этом, ведь на самом деле мне это не нужно. Пусть Хейми сам решает, что мне нужно знать.

Не удивительно, что он не заинтересовался мной. На самом деле, нет. За тысячу лет и даже с командой пластических хирургов, нет ни единого шанса соперничать с женщиной, которая выглядит так, как эта. Ни. Единого. Способа.

Я почувствовала, как в горле растет комок. Я не должна позволять этому расстроить меня. В том смысле, что Хейми для меня лишь средство избавления от девственности. Верно?

Верно?

— Я могу вернуться позже, если ты сейчас занят, — сказала я ему, при этом мой голос даже не дрожал.

— Нет, в этом нет необходимости. Мы были... мы были заняты. — Хейми посмотрел на папку, которую я сжимала в руках. — Мне нужно заполнить эти бумаги?

— Да, я полагаю, что ты можешь подписать их все, так как ты менеджер. — Он даже не вздрогнул, когда я сказала об этом. Он не должен волноваться о том, знаю я или нет.

Хейми достал листы из папки и положил их на не большую стойку рядом с коморкой. Пока он читал их, тишина и любопытство — слишком сильно давили.

— Итак, она... привлекательная?

— Наверное, — рассеянно отвечает он.

Он больше ничего не объяснил. Я должна была отпустить это. Но я не смогла. Просто не смогла.

— Она работала здесь раньше или что?

— Нет.

— Она твоя сестра?

— Нет.

— Кузина? Ростовщица? Монахиня? — Я загибала пальцы, ожидая, когда он остановит меня.

Он не улыбался и даже не смотрел в мою сторону.

— Нет, она мой старый друг.

— О, — сказала я, не чувствуя облегчения, — я думала, может быть у тебя были родственники в городе или кто-то в этом роде.

— Нет, никакой семьи в городе нет, — кажется, он отвлекся. Сейчас он не выглядел счастливым. Я не могла ему ничем помочь, но догадывалась, что это было как-то связано с появлением его «старого друга». Это рассердило меня. Когда Хейми закончил заполнять документы, он отдал их обратно мне и положил ручку на стол. — Итак, есть несколько человек, которые ждут своей очереди. Давай посмотрим, что их интересует. Может быть, сегодня мы сможем получить для тебя пару эскизов и трафарет.

И такое отстраненное отношение сохранялось на протяжении всей ночи.

К моему ужасу.

Это заставило меня задуматься, правильно ли я поступила, согласившись на нашу «профессиональную» договоренность с Хейми. Я предполагала, что мы будем больше времени проводить вместе, но теперь это уже не казалось такой хорошей идеей.

Глава 16. Хейми

Появление Саши в моей жизни никак не улучшило моего настроения. Я чувствовал себя мешком набитым грязью. А ее присутствие только лишний раз напоминало об этом. Конечно, для Слоун эта работа будет отличным вариантом. Ей и ее проклятой добродетели будет со мной намного безопаснее. И мой окончательный план тоже является намного безопаснее.

И все же мне не нравилось это.

Единственная хорошая вещь заключалась в том, что Саша как раз тот тип женщин, к которым я привык. Правда или нет, но она знает меру. Возможно, я смогу загнать свои разочарования в ее податливое тело.

Если только мне удастся засунуть по глубже мысли о более желанном теле, чтобы сделать это.

Глава 17. Слоун

Каким-то образом, мне удалось убедить себя, что сегодня будет намного лучше. Что раздражение Хейми над его «старым другом» рассеялось, и мы смогли бы продолжить наш вечер. Мои надежды не только официально смешались, как только я прошла через дверь, но и забились, разрезались, ранили и также загорелись.

Первое, что я увидела — это великолепную блондинку, оседлавшую бедра какого-то парня на одном из татуировочных стульев красочного дизайна.

Мое сердце опустилось.

И продолжало опускаться.

Она подняла голову достаточно стеснительно, но заметила меня, стоящую в дверях и смотревшую на нее.

— Ты, должно быть Слоун. Проходи и присаживайся на стул. Хейми скоро должен вернуться.

Она была дружелюбной и симпатичной, что, конечно же, заставило меня ненавидеть ее гораздо больше. Все же я сделала единственную вещь, которую я могла, поэтому села на стул и на колесиках откатилась подальше от ее клиента.

— Ты учишься, как с этим работать? — спросили меня парни.

— Пытаюсь, — сказала я серьезно.

— У нее будет самый лучший учитель. Я это знаю. Я научила его всему, что знала сама, — сказала она, подмигивая парню.

Вот дерьмо! Эта женщина, что взяла Хейми под свое крыло?

Во-первых, я чувствовала себя хуже не куда, но затем подумала об их связи, я даже на самом деле стала немного приходить в себя. Эта гламурная кукла была вовсе не возлюбленной. Хейми был ее протеже. Это дало мне абсолютно новое чувство к их отношениям, то, которое не запугивало меня до чертиков.

Я считала, что сейчас смогу на самом деле улыбаться этой женщине, и даже почти искренне.

— То есть, ты обучала его, как нужно работать, да?

— Ага. Не то, что это было слишком трудно. Хейми особенный. Каждое утро мы использовали эскизы за завтраком. Я знала, что у него есть навыки прежде, чем он взял пистолет.

Маленькая, неоперившаяся надежда, которая высунула голову, из пещеры моего отчаяния была эффективно уничтожена ее комментарием.

Каждое утро за завтраком.

Только Хейми не готовил завтрак. Уже давно. Он сказал, что не готовил завтрак в течение длительного времени. Теперь я понимаю, почему так долго.

— Итак, — начала я, прочищая горло. — Сколько потребуется времени, чтобы научиться всему? Я имею в виду, как долго ты обучала Хейми?

Я надеялась, что была тактична с ней. Боже, пожалуйста, позволь мне быть тактичной.

— Пару лет. Но я не думаю, что на самом деле, ему потребовалось столько времени. Я думаю, что мы просто научили рисовать его, если ты понимаешь, что я имею в виду.

Она разошлась в смехе — хриплый, неприличный звук, который заставил меня желать смерти.

— Ох, — сказала я. Если она собиралась бросить мне вызов, то нет никаких причин действовать осторожно. — Поэтому появился бизнес, который приносил удовольствие около пару лет, а само удовольствие появилось на много раньше. Ведь так? — Я добавила улыбку, поэтому не завидовала. Или злилась. Я почувствовала оба этих чувства.

— Это звучит, как, правда.

— Но, я думаю, это не займет у меня слишком много времени, — мне больно это признавать, но я знала, когда проигрывала. И не позволю этой женщине думать, что я выгляжу, как трусливая задница.

Даже, если это и так.

— Я бы не стала на это рассчитывать, дорогуша. Хейми любит смешивать бизнес и удовольствие. И ему трудно сопротивляться.

— Так вот почему ты вернулась? — спросила я прямо. Когда она подняла голову, я снова улыбалась. — Я имею в виду, что уверена, как ему трудно сопротивляться.

— Я не уверена, представилась ли я, верно? — размышляла она, не обращая внимания на мой вопрос. — Я — Саша. И я буду тут некоторое время.

Когда Хейми вошел через дверь, я хотела обнять его. Я была не уверена, что смогла бы продолжать дальше упорствовать хоть еще одну секунду. Если это поможет, я готова сделать. Как бы то, не было, я чувствовала, что она увидит это.

— Прости, я опоздал, Слоун, — сказал Хейми, направляясь прямо к своему месту. — Иди сюда. У меня была назначена встреча всего на несколько минут. Она хотела оригиналы. Думал, что мы с тобой поработаем над этим прежде, чем она окажется здесь.

— Звучит заманчиво, — сказала я, вставая и возвращая стул на место. Я посмотрела на Сашу. Она смотрела на Хейми. Мне интересно, если она оскорблена, значит, он не признает ее. Одна только мысль об этом заставляла меня улыбаться. — Рада познакомиться с тобой, Саша.

— С тобой тоже, дорогая. Еще увидимся. Я никуда не собираюсь.

Если бы я имела склонность думать на долю секунды, что от Саши не исходило никакой угрозы, то я просто была бы не права. Так же я не права на счет того, что смогу конкурировать с такой девушкой, как она. Не то, чтобы Хейми обращал на нее внимание. Может быть, он встретился с ней прежде, чем ушел. Эта ее реакция дала мне надежду. Почему бы ей не почувствовать во мне небольшую угрозу, даже, если не было никакой причины?

Эта сумасшедшая логика? Я думала про себя, как бы мне ускользнуть за своей сумочкой, которая осталась около стойки, там Хейми велел мне оставить ее.

Может быть. Но эта логика заставляла меня чувствовать себя лучше, находясь здесь. А также насчет моих возможностей. Поэтому да или нет, я использовала ее.

Может быть, Саша, в конце-то концов, не имеет всего этого.

С тех пор прошло три недели, как я стала делать наброски чернилами Stain. Три недели рядом с Хейми и стычек с Сашей. Три недели замечала все, что могло расцвести между нашими... остановками.

Сегодня вечером я попыталась вернуть его обратно, по крайней мере, посмотрела, есть ли какой-то способ. Саша не работает. Хейми сказал, что работы не слишком много и если будет немного клиентов, он сможет закончить мою татуировку. Только одна мысль о его руках на моем теле...

О, Боже!

Эта первая ночь, когда я волновалась, как бы, побыстрее добраться до салона, с того самого момента, когда по ночам появилась нить разочарования. Но только не сегодня. Эта ночь будет только для меня и Хейми. Я смогу наблюдать, где мы будем находиться, и как он будет вести себя, когда рядом нет Саши.

Он не заигрывал с ней, даже, когда я была рядом. Это больше было похоже на то, как Хейми вежливо ей отказывал. Она воспринимала это как должное. Я уверена, что Саша знала,

почему он был таким ворчливым. В конце-то концов, он не начинал, пока она не появлялась. Я не знала, что происходит между этими двумя, но это было похоже на какую-то прошлую историю, чем на современную.

Конечно, скорее всего, я принимала желаемое за действительное.

Черт!

Когда я приехала, Хейми ждал меня у стойки.

— Как ты себя будешь чувствовать, если мы здесь доделаем эскиз? Может быть, даже придется выгонять всех посетителей, которые придут? У меня есть клиент, на спине которого нужно доделать пару штрихов.

Я старалась не чувствовать себя слишком смущенной и улыбнулась ему.

— Отлично. Все, что ты хочешь, это мой эскиз?

— Да. Тот, который ты нарисовала на моем боку. Я хочу, чтобы ты сделала набросок, а затем мы сделали трафарет. Я буду твоим первым клиентом.

Мой рот приоткрылся.

— Ты шутишь, правда?

Он улыбнулся. Кажется, впервые за долгое время.

— Нет, я не шучу.

— Сегодня ночью?

— Нет. Сегодня, я, скорее всего, закончу твою татуировку. — Да! — Может быть, в следующий раз ты поработаешь, и мы сможем начать.

— Хорошо. Если ты закончишь это потом...

Я захватила какую-то бумагу из-под стойки и стремя голову бросилась к стационарному стулу, который стоял там. Хейми начал уходить и остановился в дверном проеме.

— Слоун, — начал он. Когда он замолчал, я посмотрела на него. Он удерживал взгляд на мне в течение нескольких долгих секунд прежде, чем заговорил. — Прими это как комплимент. Это значит, что я доверяю тебе.

— Спасибо, — я не знала, что еще сказать.

Хейми подмигнул мне, а затем исчез в соседней комнате. Еще раз поднималась надежда, как упрямый феникс, который отказывался быть сожженным в пепел.

Это окончательное время. Все ушли из салона — клиенты и работники, и остались только я и Хейми. Одни.

И он собирался закончить мою татуировку.

Я нервничала. Я не знала почему, но это чувствовалось намного больше, чем татуировка. В своей голове, я думала, что дам ему последний шанс, чтобы показать мне, что он все еще хочет меня прежде, чем я уничтожу кого-нибудь, и я все еще надеялась, что я что-то значила для нас. И я молилась, чтобы он дошел до конца.

— Итак, где ты доделаешь мне татуировку? — спросила я.

— Ох, верно. Твои бабочки. Эммм, — бормотал он, сморщив лоб. — Насколько, далеко ты хочешь продвинуться?

— Ну, мне остались последние штрихи здесь, — сказала я, указывая через одежду в область нижней части моего бюстгалтера — около лямки. — Я думала, что, может быть, там сделать не больше трех или четырех бабочек до этого места, — я указала место, немного южнее от своей подмышки. Я знала, что мне хочется спросить. Вопрос только: согласится ли Хейми?

— Хорошо, чтобы там доделать, необходимо снять одежду. Мне будет неудобно работать, если будет на тебе бюстгалтер. Это осложнит мне работу.

Его настроение на самом деле имеет значение. Не мой живот.

— И мы хотим, чтобы руки были свободны для работы, — дразнила я. Хейми ничего не сказал, но приподнял одну бровь. Дрожь пробежала по моему телу. Я прочистила горло. — Хорошо. Я сниму верхнюю одежду и возьму драпировку, если тебе будет удобно работать.

Прошла долгая пауза прежде, чем он ответил:

— Хорошо. Так тебе будет наиболее комфортно.

Я кивнула и улыбнулась, прежде чем развернуться, и пойти в гримерную. Я сняла рубашку и бюстгальтер, и надела свободную драпировку. Она распалась по обе стороны, так как это в основном большой лоскут ткани, который прикрывает грудь и спину. Я посмотрела на свое отражение в надежде, что Хейми не обратит внимания на мои раскрасневшиеся щеки и расширенные зрачки. Я глубоко вдохнула, выравнивая дыхание прежде, чем открыть дверь и вернуться обратно к нему.

— Хорошо, я готова, — я объявила Хейми, который стоял за столом, спиной ко мне. Он бросил взгляд через плечо, а его глаза были устремлены в верхнюю часть моего тела. Я заметила, как мышцы его челюсти задвигались прежде, чем он повернулся обратно.

— Садись там. Боком ко мне, пожалуйста. — Я сделала так, как он попросил, мои инстинкты подались панике, вместе с нервами. Я растянулась, обнажая свой правый бок и скромно заправляя драпировку вокруг своей груди. Когда Хейми повернулся ко мне лицом, он замер и несколько секунд просто смотрел на меня прежде, чем он сделал шаг вперед, чтобы занять свое рабочее место. Я заметила, как его брови немного нахмурились, и мне стало интересно из-за чего — из-за меня или из-за ситуации? Он сопротивлялся? Выдержит ли он? Это не из-за меня?

Я закрыла глаза и положила руку над головой, и загнала все свои сомнения в угол, пока Хейми подготавливал мою кожу. Так или иначе, но я все выясню.

— Итак, — начал он, и мое сердце ударилось об мою грудь. Сейчас мы начнем... — Расскажи мне о своих братьях. Ты сказала, что тот, который был в баре... был Стивен? Ты сказала, что он самый старший? Он должно быть довольно покровительственный.

Мои надежды и мое сердце стремительно рухнули. Это не совсем то, на что я надеялась.

— Эээ, да. Он очень покровительственный. Они все такие.

— Похоже, он единственный без необычного имени. У него есть прозвище или что-то в этом духе?

— Нет. Он слишком серьезный для того рода вещей. Я не думаю, что его партнер выберет такое же прозвище, как и для себя.

— Как зовут его партнера?

— Дункан.

— Это вполне нормально. Очень интересно.

Хейми тихо опустил плечо, он был готов приступить к работе. Я не знала, как реагировать на это — отсутствием реакции, разочарованием, унижением. И да, слишком много унижения. Я чувствовала себя обманутой, ведь он флиртовал со мной достаточно долго, чтобы меня задеть, а потом он просто... бросил. На эмоциональном уровне. А я все равно осталась... ждать.

Я ничего не сказала. Не хочу показывать, что эта светская беседа была увлеченной. Я просто хочу как можно скорее уйти домой и спрятать свое лицо.

— Ты, должно быть, знаешь многих своих друзей полицейских, я уверен в этом, — сказал Хейми, когда он наконец-то снова заговорил.

— Да, — ответила я расплывчато. Я чувствовала, что пора кричать!

— Я слышал, один раз ночью, что их звали Тамблин.

— Я не знаю. Единственное, что я знаю, так это то, что Тамблин — название улицы, где жил мой брат. Я не думаю, что когда-либо слышала, чтобы называли так полицейских.

— Вот дерьмо! Улица! — воскликнул Хейми. — Ну, тогда я думаю, что это не имеет смысла.

Я не ответила. Я понятия не имела, что он там бормотал и этот момент на самом деле не волновал. Я разрывалась между двумя вещами: расстроиться из-за отказа или действительно разозлиться над тем, что он ввел меня в заблуждение. Это не заставляло меня заинтересоваться в его болтовне.

Хейми попал в особо чувствительное место, и я завизжала.

— Ой! Вот дерьмо, как больно!

Хейми немедленно прекратил нанесение татуировки.

— Извини, — сказал он искренне. — Ты в порядке? — Он теперь склонился надо мной, чтобы посмотреть на мое лицо, которое наполовину было скрыто рукой.

— Я в порядке. Я просто... думаю, что ты просто попал в чувствительное место. Может быть, стоит уже закончить. Дальше моя кожа будет еще более чувствительной.

Ох, как верны эти слова на самом деле!

Хейми потерся ладонью о мою руку.

— Эй, ты уверена, что с тобой все в порядке?

Его темные голубые глаза изучали меня. Впервые за всю ночь, он, кажется, действительно разглядел меня. И от этого становилось только гораздо хуже.

— Я в порядке.

— Может, я закончу доделывать эту последнюю бабочку? Буду делать нежно, как только смогу. Я думаю, что тебе понравится намного больше татуировка, если я ее завершу.

После всего этого он заставлял меня чувствовать себя, как шпаклевка.

— Хорошо. Но только, эта последняя.

— Я буду нежным. Это не будет больно. Я обещаю.

— Не давай обещаний, которых ты не сможешь сдержать.

Хейми улыбнулся мне сверху вниз.

— Я и не даю.

Да, ты дал. Все дают. Кроме меня.

Он сел на свой стул и возобновил раскрашивание татуировки. Я приготовилась к тому, что почувствую боль, но ее не было. Может быть, Хейми действительно не дает обещаний, которые не в силах выполнить.

Или может быть, он дает слишком много обещаний.

Глава 18. Хейми

Нетерпеливо, я слушал приглушенный гудок на другом конце линии.

— Проклятье, Риз, возьми трубку!

Когда я услышал щелчок голосовой почты, то сбросил звонок и набрал номер снова. Я буду раздражать его, пока он не ответит.

— Алло? — приветствовал знойный женский голос, после второго гудка.

— Эээ, а Риз есть? — спросил я. Интересно, а если я набрал неправильно номер, но хотя я набирал номер из списка контактов. Нет, это точно номер Риза.

— Он в душе. Может мне ему что-то передать?

— Просто скажи ему...

Я остановился на полуслове, когда услышал сердитый голос своего брата на заднем фоне.

— Что, черт возьми, ты делаешь?

Я услышал, как женщина объясняла.

— Я устала слушать эту мелодию.

— Одевайся и уходи, — холодно потребовал Риз.

Ох!

У моего брата имеется неутолимая жажда к женщинам, так же, как и у меня, но он не может сдерживаться, когда любая из женщин приближается к нему или, появляется в его бизнесе или в жизни. И, если я удерживаю женщин на расстоянии вытянутой руки, то он удерживает их на расстоянии футбольного поля. Он жестокий мерзавец, но он мой брат, и я знаю причину, по которой он стал таким.

Спустя минуту или две, выслушав ее извинения и просьбу, а затем послушал ее приглушенный плач (Риз положил свою ладонь на микрофон), наконец, я услышал его голос и только его. Женщины больше не было.

— Кто это?

— Это я — Хейми, — коротко ответил я. — Это он. Я нашел его. Я знаю, что это он.

— Ты сделал? Как ты узнал?

— Я установил связь. Его младшая сестра, Слоун — девушка, про которую я рассказывал, сказала мне, что он жил на улице Тамблин. Это было недостающим звеном. Это он, Риз. Мы нашли его.

— Будь я проклят, — прошептал мой брат. — За мной последнее слово. Начинай следить за ним. Это не продлится слишком долго.

— Дашь мне знать, — сказал я, чувствуя облегчение в своей груди.

— Я дам, — пообещал Риз. — Хорошая работа, Хейми.

— Я сказал тебе, что найду его.

— Да, ты сделал. Спасибо, чувак.

— Я сделал это не для тебя.

— Я знаю. Он поблагодарил бы тебя, если был бы здесь.

— Я знаю, — признался я, закрывая глаза. — Я знаю.

Глава 19. Слоун

— Значит, ты не вернешься? — спросила Сара.

Я вздохнула, выглядывая из окна и наблюдая за пейзажами, проносящимися в расплывшемся пятне красок.

— На самом деле, я не хочу.

— Тогда не возвращайся. К черту его!

— Возможно, несмотря на это, мне следует. Я имею в виду, теперь это часть моего расписания. С тех пор, как я дала ему заполнить те чертовые бумаги. — Я все еще могла ударить себя за это. — Кроме этого, я не хочу, чтобы он думал, что может так просто выставить меня.

— Ты думаешь, он пытался выставить тебя?

— Нет, не думаю, что он пытался. Просто, по-моему, он потерял интерес, когда его шл*ха вернулась.

— Шлюха? Ой! Берегись коготков, детка.

Я широко улыбнулась Саре.

— О чем, черт возьми, ты говоришь? Это было мягко сказано.

— Мне нравишься новая ты! Я никогда прежде не видела тебя ревнивой.

— Наверное, потому, что никто кроме Хейми не осмелился приблизиться ко мне раньше. Мужчины с фамилией Локк так просто не дают приблизиться ко мне, но парень пытается встретиться со мной, я права?

— И этот парень, который не боится их...

Я снова вздохнула.

— Я знаю. Это полный отстой.

Сара хихикнула.

— Да, это полный отстой. Но, так же, и я поступаю, поэтому, может быть, это и не так плохо.

Я одарила Сару испепеляющим взглядом.

— Мне не нужно знать такие вещи, Сара. Никогда. Ты слышишь меня?

Она подмигнула мне.

— Ты должна сделать для себя заметки, а не критиковать меня.

— В этом нет никакой необходимости. Я не собираюсь быть в таком положении, когда можно будет их использовать в любой момент или в ближайшее время. Не сейчас.

— Девушка, по-моему, тебя надо побольше там оставлять. Почему ты не хочешь стать первой в том искусстве, о котором ты мне говорила?

Я, смутившись, нахмурилась на нее.

— Какое искусство?

— Обнаженное позирование. Разве не ты мне говорила, что ваш класс занимается этим в рамках исследования чего-то по анатомии или вроде того?

— Да, я делала, но я не хочу быть первой. Ты спятила?

— Нет, я не спятила! Я серьезно. Это именно то, что тебе нужно сделать. Ты говоришь о том, чтобы расправить свои крылья, ну, так сделай это! Это то, что ты никогда раньше этого не делала. Не новая ты...

— Новая я не значит «глупая я».

— Это не глупо. Это смелый шаг. И это что-то находится за пределами твоего комфорта, что делает еще больше оснований сделать это. Может быть, стоит учитывать, как другие оценят твое тело, дадут тебе другую точку зрения.

— Мне не нужна другая точка зрения.

— Да, тебе нужна. Эта шлюха превратила ваше доверие в дерьмо. У вас было все замечательно, пока она не появилась. Теперь, все что нужно, это хороший толчок, чтобы вернуть вас на вершину.

— Я могу найти другие способы поднять все это на вершину. Способы, которые не вовлекут меня в разборки перед зрителями.

— Ну, очень жаль, что ты так считаешь, Слоун.

— И почему? — когда Сара не ответила, то я посмотрела на нее. Она заметно съежилась.
— Сара? Почему?

— Потому что я попросила Трива подписать тебя на это.

Моя челюсть отвисла и теперь беспрепятственно лежала на полу грузовика Сары.

— Ты. Сделала. Что?

— Ага. Я сделала. Извини. Я думала, что ты будешь более-менее подходящей для него.

— Если бы ты думала, что ты делаешь за моей спиной, подговаривая Трива сделать это.

— Если это поможет, ты получишь пять очков за ваш экзамен, за это дело. Я даже не знала, что так будет, но, ведь все хорошо, правда?

— Сара... я... почему в мире...

У меня нет слов. Просто нет слов.

— Я делаю тебе одолжение, Слоун. Поверь мне.

— Я больше никогда не буду тебе верить. Никогда.

— Не говори так. Я люблю тебя! Я сделала это, только, чтобы помочь тебе.

— Тогда, пожалуйста, ради всего святого, никогда больше не пытайся мне помочь.

— Хорошо. Закончим с этим. Больше никакой помощи с моей стороны. Я обещаю.

— Не давай обещания, которые не можешь сдержать, — проворчала я.

Она ничего не сказала, как и я. Ее обещание продлится от силы неделю. Максимум. Мы обе знали, что она не сможет сдержаться.

Я не могла решить — это была горькая победа или все же поражение.

Я разговаривала со своим преподавателем про обнаженное позирование. Она была не очень симпатичной. Я не допускала возможности, чтобы кто-то еще мог предложить меня, поэтому мои отговорки звучали неубедительно. Поэтому она не согласилась, даже, на один из них. Поэтому, похоже я застряла, придется раздеваться и совершенно неподвижно сидеть перед ста вытаращенными глазами в пятницу вечером.

Победа снижает поражение, исходя из того факта, что это приведет меня к чернилам «Stain», по крайней мере, на одну ночь. Я искала выход. В некотором смысле. И теперь у меня есть этот выход. Несмотря на то, что это унижительный выход. Но все же... это выход.

Я ждала, пока придет мое время, чтобы уехать в четверг вечером, прежде чем, я упомяну это кому-нибудь на «работе». Я перекинула сумку через плечо, и я уже была в дверях, ведущих в вестибюль, когда повернула назад, чтобы поговорить с Хейми. Он убирался в другом конце комнаты.

— О, кстати, меня не будет здесь завтра. У меня есть дела в школе.

Хейми нахмурил свой лоб.

— Школьные дела? В пятницу вечером?

— Да, это на добровольной основе. Дополнительное доверие.

Когда, Пол говорил, все становилось только хуже.

— Не ты ли спрашивала про обнаженное рисование в анатомии, не так ли?

— Ох, да. Один раз.

— Я подписался на это, — сказал он счастливо. — Я веду вечерние занятия и мне дали десять мест. Я подписался. — Он посмотрел на Хейми и улыбнулся. — Я имею в виду, конечно, я подписал. Мы будем рисовать обнаженных цыплят. Кто-нибудь хотел бы потратить вечер пятницы на это?

Я нервно засмеялась, чувствуя, как кровь приливала к щекам.

— Ты хочешь поехать вместе? — предложил он.

— Нет, я, э-э-э, должна быть там раньше.

— Раньше? Для чего?

Я ничего не сказала, мое лицо пылало, во время разговора. Мало того, что мне придется раздеться перед коллегой, так теперь и Хейми будет знать об этом.

Убейте меня сейчас же!

— О, черт, — прошептал Пол. — Ты... ты же не... ты позируешь?

Хейми вошел в комнату, уловив мой взгляд. Когда я посмотрела на него, он наблюдал за мной, ожидая ответа. На его лице было то выражение, которое пробуждает бесстыдную сторону меня, сторону, которую я знала только мельком.

— Собственно говоря, да. В этом есть какая-то проблема? — обратилась я с вопросом к Полу.

— Ты смеешься надо мной? Нет, черт подери, в этом нет никакой проблемы.

Я покраснела от его комментария и оценила заблестевший свет в его глазах. Он не смог выбрать другое время, чтобы прийти. Может быть, Сара была права. Может, мне надо уже повысить свою самооценку.

— Ты не можешь быть такой серьезной, — сказал Хейми, наконец-то он что-то сказал. Его тон и сомнения раздражали меня.

— Конечно, я серьезно. Почему бы и не попробовать?

— Ты просто собираешься... раздеться? Перед совершенно незнакомыми людьми? И сидеть неподвижно, пока они изображают тебя?

— Да. Довольно много, — ответила я смело. — Может быть, я смогу привлечь несколько людей в бизнес. Я имею в виду, что я буду новой моделью для показа.

Хейми выглядел взбешенным, и я понятия не имела почему. Но в данный момент меня это не волновало. Это было хорошо. Очень хорошо.

— Я обязательно буду очень пристально смотреть, — сказал Пол, показывая дразнящую улыбку.

— Я уверен в этом, — ответил Хейми, закусывая губу. — Тебе было бы стыдно, если бы я присутствовал завтра вечером, не так ли?

Улыбка Пола исчезла.

— Что... ты серьезно?

— Нет, он не серьезно, — вмешалась я, прежде чем Хейми смог заговорить. — Сейчас у него здесь есть дополнительные руки. Саша — профессионал. Я уверена, она сможет подменить. — Я повернулась, чтобы посмотреть на Хейми. В моих глазах был вызов. — Правильно, Хейми?

Он ничего не сказал. Я удерживала его взгляд, чувствуя себя смелее, чем когда-либо. Я не буду играть незначительную роль, как Саша. С тех пор как она появилась, я не чувствую себя незначительной.

Я заметила, как голова Пола двигалась из стороны в сторону, смотря то на меня, то на Хейми. Интересно, а он чувствует напряжение.

— Я вернусь в субботу вечером, — сказала я Хейми, быстро оставляя его, и повернулась к Полу. — А с тобой мы увидимся завтра вечером.

С этими словами я развернулась и ушла, позволив бросить через плечо, когда была у двери, «Спокойной ночи, мальчики».

Я улыбалась всю дорогу до машины.

Моя храбрость продлилась до вечера пятницы, когда я сидела без одежды, кроме халата, на стуле в маленькой комнате, будучи загримированной студенткой местной школы косметологии. Она зафиксировала прическу и сделала макияж под строгим наблюдением моего учителя. Миссис Шулер сказала девушке, как мне надо выглядеть, и я с легкостью представила себе свое образ. И конечный результат, был близок к тому, что я представляла себе. Мой учитель оказался довольным, в конце концов.

Мои черные волосы были собраны на макушке и закреплены шпильками в виде белых цветов. Несколько прядей свободно свисали над моим плечом. Макияж вокруг глаз был дымчатый, но кожа осталась бледной, чтобы подчеркнуть мои рубиновые губы. Идея в том, что я буду выглядеть невинной — изящные локоны, словно ребенок, который обожает белые цветы — а также сексуальной — красные губы и дымчатые глаза — дихотомия¹², это то, что художники должны будут показать в своих эскизах. Я буду полностью обнаженной, откинувшись на один локоть, второй рукой буду держать ярко-зеленое яблоко на уровне горла, голова будет наклонена назад, а колено согнуто.

В некотором смысле, я была взволнована этим. Мне хотелось увидеть, как получаются рисунки. Я всегда была очарована тем, как по-разному люди могут изобразить один и тот же образ, и как они приносят жизнь своему искусству. Это заставило меня огорчиться, ведь я могла бы быть среди развивающихся художников, а не на столе, позируя им. Но сегодня здесь мое место. Может быть, в следующий раз, когда надо будет быть представленной перед классом, то я буду в достаточно здравом уме, чтобы подписаться на это, вместо этого моя голова забита мыслями о заднице одного парня, но я не стану даже мечтать о вышеизложенной ночи в его салоне, чтобы сделать что-то связанное со школой.

Я вздохнула. Те дни закончились. Моя голова уже не забита Хейми. Времена изменились. Я смотрела только в настоящее. Но, по крайней мере, мне удалось восстановить немного своего достоинства, благодаря Саре. Я никогда не смогу сказать ей об этом, конечно же. В противном случае, я никогда не услышу конец. Независимо от того, какие безумные планы она придумывает, она всегда надеется, что я буду вместе с ней, потому, что один раз она оказалась права.

Я улыбнулась и пожала плечами, подумав о своей подруге. Она бы гордилась мной, если бы могла видеть меня сейчас. Хотя я была рада, что она не могла. Достаточно и того, что я должна была смотреть в глаза Пола в студии после этого.

— Время пришло, — сказала моя преподавательница Анита Шулер, высовывая голову из-за двери.

Я сделала глубокий вдох, собрала каждую крупницу храбрости, которую могла найти, и с высоко поднятой головой вышла через дверь позади нее. Это все закончится через два часа. Всего лишь два часа. Я могу делать все что угодно в течение двух часов.

Правильно?

¹² Дихотомия (греч. διχοτομία: διχῆ, «надвое» + τομή, «деление») — раздвоенность, последовательное деление на две части, не связанные между собой. Способ логического деления класса на подклассы, который состоит в том, что делимое понятие полностью делится на два взаимоисключающих понятия. Дихотомическое деление в математике, философии, логике и лингвистике является способом образования взаимоисключающих подразделов одного понятия или термина и служит для образования классификации элементов. Объем понятия «человек» можно разделить на два взаимоисключающих класса: мужчины и женщины. Понятия «мужчины» и «женщины» являются дополнительными друг другу, поэтому их объёмы не пересекаются.

Правильно.

Миссис Шулер остановилась около двери в комнату, наполненную совершенно незнакомыми людьми, которые будут любоваться мной в течение нескольких секунд.

— Жди здесь.

Стекло в центре деревянной двери было занавешено. Я так думаю, чтобы люди, случайно проходящие мимо, не увидели меня голой. Слава Богу за это!

Я услышала, как она обратилась к студентам. Она напомнила им цель сегодняшнего занятия, как она и ожидала, каждый хотел работать. Я была рада, что она повторяла все снова и снова, следовательно, оберегая меня от любых унижительных реакций.

Когда она закончила, я ждала, неуверенная в том, должна ли я выйти сейчас или....

Но дверь снова открылась и оттуда выглянула миссис Шулер. Она держала ее достаточно долго, чтобы подбодрить меня.

— Иди туда с высоко поднятой головой. Не смотри вокруг. Представь, что ты единственная в комнате. Если необходимо, то проигрывай у себя в голове любимую песню снова и снова, пока все не закончится.

— Спасибо, миссис Шулер. Это так заметно, что я нервничаю?

— Нет, но я тоже делала это однажды в колледже. Я помню, каково это было. Поверь мне, — сказала она с доброй улыбкой, — когда все закончится, ты будешь рада, что сделала это.

— А до тех пор?

Она подмигнула мне.

— Просто продолжай думать о той песне.

Нервно, но я вернула ей улыбку. Я позволила упасть ей с лица, когда она открыла дверь. Я следовала за ней до конца, держа голову на уровне ее лопаток. Она подвела меня прямо к столу и стояла передо мной, пока я развязывала халат, и позволила ему упасть с моих рук на пол.

Так грациозно, как только я могла, я скользнула на стол, зная о ознобе, который появился на моих руках, когда моя кожа почувствовала холодную поверхность. Я старалась не думать о том, что должно быть затвердели мои соски. Последнее, что мне нужно, это чтобы были румяна все время.

Я передвигалась, пока не нашла комфортную позу на своей заднице, а затем я взяла яблоко и с легкостью приняла нужную позу. Я отклонила свою голову назад и вздохнув, взяла себя в руки.

Я почувствовала холодные руки миссис Шулер, когда она подправляла мои конечности. Она, маневрируя моей согнутой ногой, потянула ее немного дальше вперед, а яблоко опустила ниже на уровне груди. И, наконец, она, немного, приподняла мою голову, и я могла сказать, что так мне будет гораздо удобнее. Теперь, если мне нужно будет открыть глаза, которые я старалась не часто открывать, то все, что я бы увидела — была бы дверь напротив меня. Одна с куском черного фетра над дверным стеклом. Если я смогу просто сосредоточиться на том, что...

Я чувствовала ее поддержку и голос, где-то над левым плечом.

— Начали.

Именно с этим словом, с этим маленьким словом, я почувствовала истинное облегчение. Трудная часть позади. Я сделала это. Я сняла с себя одежду и забралась на стол, чтобы обнаженной позировать в полной набитой комнате художников. Теперь я просто должна ждать.

Просто ждать.

Минуты тянулись, как часы, и я начинала думать, на что мне смотреть сидя здесь. С такими мыслями, мои нервы вернутся. Затем, я вспомнила, что сказала миссис Шулер.

Песня.

Хотя есть, по крайней мере, десяток песен, о которых я могу сразу думать в своей голове, которые мне не только нравятся, но, и, которые имеют существенное значение в современной культуре, и только одна песня приходит на ум. «Still Remains», которую я слышала в студии. Та, которая, скорее всего, навсегда будет напоминать мне о Хейми. Сексуальном, неотразимым и неуловимым Хейми.

Я не знала, сколько прошло времени. Я не знаю, сколько раз проигрывала эту песню у себя в голове. Я не знала, как долго думала о Хейми, позволяя своим мыслям дрейфовать в океане мечты и фантазии, вращающихся вокруг того, как я надеялась, о чем мы поделимся, но и надеялась я, что мы могли бы быть вместе, и, возможно, навсегда.

Я должна признаться самой себе, что я надеялась на большее, чем просто секс. Я надеялась, что смогла бы испытать любовь, по крайней мере, хотя бы раз в своей жизни. Но с каждым днем, мне было интересно, возможно ли такое. Время проходит так быстро, так неожиданно. Моя мама думала, что у нее будет навсегда. Но у нее не получилось.

Мои веки трепетно открылись, и я поняла, что моя голова отклонилась назад вместе с моими плечами слишком далеко от той позы, в которую меня ставила миссис Шулер. Я подняла голову, мои глаза искали занавешенную дверь, в качестве ориентира. Но вместо того, чтобы увидеть деревянную дверь с куском черного фетра, я увидела Хейми. Стоящего в дверях напротив меня. Наблюдающего за мной.

Мой пульс участился, а желудок перевернулся с некоторой смесью смущения, любопытства и волнения. Я почувствовала, как мое дыхание участилось, но я замедлила его намеренно, решив не реагировать каким-либо ощутимым образом. Я не смотрела в сторону и не закрыла глаза. Я неподвижно держала голову и свой взгляд на нем.

Его глаза были напряженными. Они не выражали радость или гнев, просто были напряженными. Я могла сказать по цвету, что глаза не светились, играя настроением. Они... едва светятся, когда он чувствует себя игривым. Они более яркого синего цвета. Но не сегодня. Сегодня, они цвета глубокой-глубокой воды, которая остается на поверхности и при этом вспенивается.

Он опустил глаза к моему обнаженному телу, как будто, намеренно, заставлял меня, остановить его. Я почувствовала тепло, которое расплывалось по моему горлу, над яблоком и к моей груди. Оно задержалось там. Я не думаю, что должна была увидеть, где оно остановилось, чтобы знать, куда он сейчас смотрел. Если он дышал, выдыхая на мои соски, я не думаю, что это будет выглядеть более реалистичным, чем то, что я сейчас чувствую.

Наконец, когда мои соски отяжелели, и они не смогут смягчиться, Хейми двинулся дальше. Его глаза скользнули по моим ребрам, лаская живот и дразня мои бедра. Он сузил глаза на том месте, где была согнута у меня нога, и я, тем не менее, почувствовала его прикосновение в том месте.

Тепло заливало меня. Я начала краснеть и часто дышать, несмотря на мою решительность. Я закрыла глаза, закрыла снова, и не важно, что он делал со мной. Что он делал со мной через всю комнату. Перед толпой зрителей. Я старалась снова стать спокойной, какой я была раньше, пока спокойствие не ускользнуло от меня. Я снова вернулась к песне, которая застряла в моей голове, но теперь это ухудшало осознание о Хейми.

Против своей воли, я открыла глаза, потому что ничего не могла с собой поделать. На этот раз, он ушел. Дверной проем был пуст.

Я задумалась на несколько секунд, если я всего лишь представила его там, но какое-то движение слева привлекло мое внимание. В мгновение я повернула голову. Хейми обходил комнату, как я полагаю, он направлялся к моему преподавателю, чтобы поговорить с ней. Конечно, вот как он попал сюда сегодня. Это не совсем общественное мероприятие.

Быстро, прежде чем кто-то заметит, а Хейми сможет поймать мой взгляд на себе, я вернулась в свое положение. Но все, чтобы не случилось с этого момента, мой мир рухнул.

Мое спокойствие закончилось.

Хейми видел меня обнаженной.

И я наслаждалась каждой секундой этого.

Глава 20. Хейми

Черт возьми! Проклятье, черт побери!

Я снова сейчас в ярости, даже спустя три часа, когда я вошел в эту комнату и увидел Слоун, лежащую голой, растянувшись на столе. Я бы никогда не пришел. Я должен от нее держаться подальше. Я получил информацию, которая была необходима для меня. Не было никаких причин, чтобы сохранить эту уловку, гораздо меньше причин сохранить все на личном уровне. И это именно то, что я сделал.

Все, о чем я мог думать вечером в четверг, после того, как она ушла — это чем заняться сегодня вечером. Все что я мог делать, весь день, — это думать о том, как Слоун снимает с себя одежду и поразительно изображает позы для зарисовки группе студентов. Но, я не должен был идти туда и видеть своими глазами. Почему, черт возьми, я сделал это?

А теперь... теперь я не могу выкинуть ее образ из своей головы. Если бы я только подумал о том, что ее соблазн сладкой сексуальной невинности искушал, прежде чем...

Я захлопнул ящик в своем столе, и снова взглянул на часы. Она уже должна быть здесь.

— Какая, черт возьми, у тебя проблема? — спросила Саша, с того места, где она сидела в другом конце комнаты, рисуя что-то на мясистой руке какого-то парня.

— Занимался своим бизнесом, — огрызнулся я, ни капельки не заботясь о том, что выглядела она оскорбленной. Я не хотел отвечать на какие-либо вопросы. Нет никакого способа, чтобы я признался в том, что жду Слоун, что я поговорил с ее преподавателем, чтобы ее оставили в салоне вечером, потому что мне необходимо поговорить с ней о наставничестве. Нет, я никогда не признаюсь в этом. Или я сумасшедший, таким я чувствую себя сейчас, потому что она не пришла.

Нет, я никому не признаюсь в этом. Даже самому себе.

Глава 21. Слоун

Во-первых, я отказалась сделать то, что просил Хейми. Я сказала себе, что не останусь в салоне сегодня. Точка. Я не собираюсь быть у него на побегушках. Кроме того, я была унижена, когда просто думала о нем, после того, как все это случилось. Но затем, поняла, что это будет выглядеть намного хуже, если я не приду. Так вот, я ждала всех остальных, пока все не выйдут из салона, чтобы не было никаких свидетелей, к тому же намечался неловкий разговор.

Саша ушла самой последней. Конечно же. Я увидела, как открылась входная дверь и она вышла. Одна. Хейми нигде не было видно. По какой-то причине это дало мне облегчение и удовлетворение. Он не проводил ее до двери. Это должно быть означает, что он не подчиняется ее каждому слову и взгляду. По крайней мере, это я говорила себе, что это значит.

Я посмотрела, как он садится в свой ярко-красный маленький кабриолет и отъезжает от тротуара. Я еле сдержалась, чтобы что-нибудь не выкрикнуть. Эх! Я не любила женщин водителей.

Я смотрела, как задние ее фары исчезают за холмом и только потом, я вышла из своей машины. Я встала и выпрямила свою юбку, и, сделав глубокий вдох, я перешла через улицу. Когда я приблизилась к бордюру, то увидела, как Хейми подошел к двери. Я предположила, что он закрывался на ночь.

Я остановилась, когда он посмотрел на меня, наши глаза встретились через стеклянную дверь. Его рука замерла в воздухе, паря над замком. Он не шевелился в течение нескольких секунд. Это заставило меня задуматься, что он хочет поговорить со мной или просто игнорирует меня. Когда он направил свою руку к замку, я знала, что он решил. Наклонившись вперед, он открыл дверь и ждал меня, чтобы я вошла. Так я и сделала. Ни один из нас не сказал ни слова, пока он закрывал и запирали за мной дверь.

Не зная, какое противостояние ждет нас впереди, но я стояла, а подбородок и грудь были впереди, и ждала его, чтобы сказать ему все, что ему надо. Но он молчал. Вместо этого, он обошел стойку и направился к двери, которая вела в заднюю комнату.

Я подождала несколько секунд, прежде чем пойти за ним и обнаружив его, сидящим в кресле для татуировок. Он, без сомнения, удлинял и расширял стол, чтобы почистить его.

Хейми наклонился вперед, его пальцы были сжаты в кулаки и водили по обитой винилом поверхности. Хотя его голова была опущена, мне не нужно было видеть его лицо, чтобы знать, что он злится из-за чего-то. Я смогла увидеть это в каждой жесткой линии его тела.

Я медленно приблизилась, а пятки на моих сандалях издавали мягкий щелчок о плитку. Я почувствовала на своих голых руках и ногах прохладный воздух, и задрожала, когда остановилась в нескольких футах от него.

— О чем ты хотел поговорить со мной, Хейми?

Он не двигался и не говорил. Я увидела, как появляются вены вдоль его предплечья, а трицепсы сбиваются в кучу. У меня были сомнения по поводу прихода сюда. Теперь, я думала, что должна выслушивать свой желудок.

— Если ты не хочешь со мной говорить, тогда я пошла.

Я начала двигаться назад, когда он посмотрел на меня, прищуривая на мне свой сердитый взгляд.

— Не смей, — прорычал он. Он быстро поднялся из кресла и сделал два больших шага, подходя ближе ко мне. Прямо ко мне, его грудь находилась в дюйме от моей груди. — Ты собираешься рассказать мне, какого черта, ты сделала этот трюк?

— Какой трюк? — опешив, спросила я.

— Сняла одежду, и лежала нагишом, на столе, перед кучей слюнявых идиотов.

— Это был не трюк. Я делала это для школы. Я получила...

— Черт подери! Ты сделала это, чтобы вернуться ко мне. — Его зубы были так сильно сжаты, что я почти услышала, как они скрежещут.

— Вернуться к тебе? Для чего? Это же смешно.

— Ты хотела показать мне, чего я не смогу иметь, что я упускаю? Ну, разумеется, ты показала мне это.

— Хейми, это не имеет никакого смысла. О чем ты сейчас говоришь?

— Я сделал все, что в моих силах, чтобы подальше держаться от тебя. Чтобы сохранить этот профессионализм. Чтобы держать руки подальше от тебя. А затем ты пошла и сделала это.

Я увидела, как краснею.

— Ты эгоистичная сволочь! Это не имело никакого отношения к тебе. Это все имело отношение ко мне. Я не раздевалась и не показывала свое тело всем в этой комнате только для того, чтобы устроить для тебя спектакль. Я сделала это, чтобы доказать себе, что я могу. Это то, что я хотела!

— И тебе понравилось? Зная, что все взгляды были устремлены на тебя? Что все люди, находящиеся здесь, мужчины и женщины, были готовы перегрызть человеку глотку, лишь бы немного попробовать тебя на вкус?

— Это безумно! Никто в этой комнате так на меня не смотрел.

— Ох, вот в этом ты как раз ошибаешься, — он яростно зашипел. — Ты даже себе не представляешь, как ты выглядела. С волосами и с несколькими локонами, спадающими с твоих плеч. — Протянув руку, Хейми пропустил несколько прядей через свои пальцы. — Твои губы, такие красные и привлекательные. — Его глаза приподнялись к моему рту. У меня возникло внезапное желание облизнуть свои губы. — И твоя грудь, такая твердая и круглая. О, Боже! — застонал он. — Я никогда в своей жизни не хотел кого-то так сильно потрогать. Ни одного человека. Когда-либо. Мой язык покалывал, даже, если я просто размышлял о том, как буду сосать один из этих маленьких сосков. И когда ты посмотрела на меня, я смог увидеть это в твоих глазах. Ты хотела того же самого. Ты хотела, чтобы я прикоснулся к тебе. — Его голос был низким и хриплым, гипнотизирующим. Он лип к моей коже, как патока. — Скажи мне, ведь ты хотела, чтобы я прикоснулся к тебе.

Он создал вокруг меня сеть желаний, его слова были, словно нити из сильнейшего шелка, которые держали меня в плену. Я попала в их ловушку, и останусь в ней, пока он не отпустит меня или не сделает своей.

Прежде, чем я смогла подумать об этом, я ответила честно.

— Да. Я едва могла дышать, когда ты смотрел на меня, — призналась я, затаив дыхание.

— Я знаю, что буду завтра ненавидеть себя, но я хочу попробовать тебя, Слоун. Я не могу отказать себе еще хоть на одну минуту. Позволь мне показать тебе, о чем я думал, когда увидел тебя лежащей там. Позволь мне показать, что чувствует человек, когда он больше не может сопротивляться. — Его слова потерялись, когда его лицо оказалось около моего. Я почувствовала его дыхание, теплое и влажное, на своих губах. — Позволь мне показать тебе, какого это, когда твое желание сбывается.

И затем его губы коснулись моих губ. С первого прикосновения, я почувствовала, что он хочет поглотить меня. Они были твердыми и настойчивыми. Его язык был требовательным, когда он лизал мне рот, пытаясь проскользнуть вовнутрь. Я одобрила это. Я одобрила его.

Мы сплелись языками, и я хотела узнать какой он на вкус. Это даже лучше было, чем я предполагала.

Он втянул мою нижнюю губу к себе в рот и нежно сосал ее, пока его пальцы искали бретельки моего сарафана и скользили под ним. Он провел руками по моим рукам, опуская за

собой бретельки, снимая платье с моего тела. Я почувствовала, как прохладный воздух ударил мне в живот, когда оно оказалось на полу.

Его губы были еще на мне, когда Хейми скользнул руками по моей спине. Когда он достиг моего бедра, я почувствовала, как он застонал мне в рот. Он откинул голову назад.

— Что случилось? — спросила я, тяжело дыша и смотря в его красивое лицо.

— Ты не надевала что-нибудь еще?

Я пожала плечами.

— А какой смысл?

Как будто моя простенькая одежда каким-то образом еще больше разжигала страсть, Хейми зарычал, когда захватил мои губы, приподнял и развернул меня, чтобы усадить на стол для татуировок.

Не отрываясь от моих губ, я услышала жужжание небольшого мотора, когда Хейми посадил меня на стол. Когда это остановилось, он с легкостью скользнул бедрами между моих ног. Идеальный рост, идеальная позиция.

Он говорил рядом с моими губами, а его руки ласкали мою талию и руки.

— Каждую секунду, которую я потратил на красоту этой кожи, я хотел прикоснуться к ней губами.

Хейми осыпал меня дорожкой поцелуев от моего рта и вниз к моей шее, прижимая меня назад, когда он доходил до моего плеча. Я держала себя за счет ладоней, расправленных на столе позади меня.

— С каждой бабочкой, которую я создавал, я все ближе и ближе подходил к этому, — сказал он, нежно обхватив мою грудь, — и я думал про себя, почему я не могу сделать это еще раз. И не более, иначе я взорвался бы. — Хейми приложил ладони к моим соскам. Они болезненно покалывали, моя грудь отяжелела от нужды. — Я не знаю, сколько раз мечтал положить их в свой рот, — сказал он, и его губы пробирались к самой вершине. — Чувствую, как ты дрожишь, когда я так делаю.

Горячий рот Хейми закрылся над моим соском, и я задохнулась, ошеломляющее ощущение было настолько прекрасным. Он сделал все так, как я себе и представляла, дрожь чистейшего удовольствия прошла сквозь меня. Все, что я почувствовала это тепло — тепло от его рта, его рук, его тела, и в том месте, где он стоял между моих ног. Даже прохладная поверхность подо мной, казалась теплой.

— М-м-м, — зарычал он, звук завибрировал в мой сосок, — вот так.

Пока Хейми лизал и сосал одну, а с другой игрался, его пальцы вращали и зажимали, сжимали и щипали ее.

— Ничто не подготовило меня к сегодняшнему вечеру, — шептал он, поднимая руки, чтобы схватить меня, и убрать мои руки с поверхности и отклонить назад, на локти. — Я и не думал, что захочу большего, пока не увидел тебя сегодня вечером. Я знал, что независимо от того, как сильно я боролся, я бы не смог успокоиться, пока не почувствовал бы тебя на своих пальцах. Пока я не смогу вытащить их из тебя и облизнуть их.

Его руки скользнули вниз по моим бокам прямо под мою задницу, подтягивая мои бедра ближе к краю стола. Хейми вклинивался телом V-образно. Его тело и одежда задевали меня, заставляя меня почувствовать боль от большого напряжения, чтобы заполнить пустоту, и, чтобы Хейми успокоил свой пульс.

Затем его губы снова оказались на мне, а руки нашли путь к тому месту, которое больше всего жаждало. Я почувствовала, как один кончик пальца коснулся меня, и Хейми провел им вдоль моего сгиба. Я снова задыхалась, не привыкшая к тысячам ощущениям, которые он пробуждал.

— Тебе нравится? — прошептал он около моих губ. — Ты хочешь большего?

Я не могла говорить. Все, что я смогла дать ему, это один короткий, запыхавшийся стон.

— Правильно, детка. Я хочу это услышать.

Его язык облизнул мои губы, пока он массировал мою пульсирующую плоть пальцем.

— Черт, ты такая мокрая, — простонал он. — Я так сильно хочу оказаться внутри тебя.

Он скользнул своим языком мне в рот, когда его палец вошел в меня. Медленно и осторожно, он облизывал мой язык, глубоко вдыхая, когда его палец исследовал мое тело. Я почувствовала давление, когда Хейми начал сгибать палец и медленно вытаскивать его. Напряженность давила на мой живот, и между моими ногами возникло напряжение. Я хотела просить, умолять, но слова не выходили из меня. Только звуки.

— Я хочу заставить тебя кончить для меня, Слоун. И я хочу слышать тебя, когда я это сделаю.

Он ввел еще один палец и начал двигать ими во мне, в то время, как он использовал большой палец другой руки, чтобы прикоснуться к чувствительной мышце в верху моих складок. Я чувствовала, что была на грани развала, когда он взял мой клитор между своими пальцами и сжал.

— Правильно, детка, — сказал он, когда мои бедра начали двигаться против его рук. — Посмотри вниз, Слоун. Посмотри, что я с тобой делаю.

Хейми откинул свою грудь подальше от моей груди, чтобы я смогла сделать так, как он просил. Два пальца одной руки исчезали внутри меня, а костяшки его пальцев давили на мои складки. Его другая рука прикрывала мое бедро, и большой палец выводил плотные маленькие круги над моим клитором.

— В следующий раз, когда ты будешь смотреть, ты увидишь, как мой член входит и выходит из тебя гладкий и влажный. И ты увидишь, как я вхожу и выхожу. Прямо здесь, — сказал он, слегка ударяя меня распухшей плотью, когда он ввел еще один палец в меня.

Его голос становился все тише и тише, а звуки дальше и дальше — и мой мир стал более сфокусированным. Все тускнело по сравнению с тем, что делал со мной Хейми своими руками.

И тогда мое дыхание остановилось и застряло в плотном кармане моей груди. Я закрыла глаза, когда громкий стон вырвался из меня. Свет пробивался сквозь мои веки. Огненный дождь прошел через меня. Жаркий, горячий и светящийся полился из моего сердца и рук.

— Вот оно, Слоун. О, Боже, это оно. Идет ко мне.

Его пальцы были волшебными, а слова — пьянящим эликсиром. Через несколько секунд уже ничего не было, кроме сильного напряжения и онемения, которое проникло в мои конечности, делая их тяжелыми. Мои руки больше не могли меня держать, и я упала на поверхность стола. Мое дыхание вернулось, содрогаясь рядом мелких конвульсий.

Когда я, наконец, смогла открыть глаза, я посмотрела вниз и увидела, что Хейми наблюдает за мной, с хищным взглядом на лице. Когда я смотрела на него, он медленно поднес свою руку к своему рту и скользнул языком по длинному пальцу.

— Преисподняя... — выражение прервалось, когда он стиснул зубы и закрыл глаза. Он наклонился вперед, а его ладони крепко сжали по бокам мои бедра, и он снова склонил голову. Я услышала его рык и почувствовала, как он ударил ладонями по поверхности стола. Когда он заговорил, мне пришлось напрячься, чтобы услышать его.

— Я остановлюсь сегодня, Слоун. Я хочу, чтобы этот выбор был твоим.

— Выбор? — спросила я, смущаясь.

Хейми посмотрел на меня. Он выглядел так, словно ему было больно.

— Да, это решение ты должна принять, когда нет никакого давления, никто не сможет повлиять на тебя. Когда я без всякого смущения захочу войти вовнутрь тебя.

Тяжесть между моими бедрами отступила, и я вернулась к жизни со звоном в ушах его слов.

— Ты не давишь на меня.

— Я знал много разных женщин. Но, не таких, как ты. Не одну. Я хочу поступить правильно.

Я сомневаюсь, что он что-то значил для них, но его слова заставили меня почувствовать себя... ничтожной. Я повернула голову в сторону, подальше от его взгляда.

— Это не то, что я сделала специально, — объяснила я, стараясь не оправдываться о своей девственности.

— Это не плохо. Это не то, что я сказал. Это совсем не плохо. Я точно не знаю, как это тебе удалось, но я действительно рад, что ты не девственница.

— Ну, у меня не было особой возможности. С такими отцом и братьями, как у меня, парни, не особо комфортно чувствуют себя, поймав свою удачу. Я полагаю, что они просто слишком сильно боялись мужчин Локков.

— Тогда их потеря — это мой выигрыш, — сказал он, подтягивая меня в сидячее положение, и нежно говоря мне на ухо, теревшись своей щекой о мою. — Просто знай это, Слоун, я не смогу снова уйти от тебя. Ты должна быть уверена в том, что ты хочешь. И я тот человек, которого ты хочешь.

Я откинулась назад и, встретив взгляд Хейми, попала в штурмовую синюю глубину.

— Я хочу этого, — просто призналась я.

— Я, возможно, не смогу дать тебе завтраки и обещания, но смогу принести тебе удовольствие о котором, ты даже и не мечтала. Этого будет достаточно.

— Я не хочу обещаний. Большая часть обещаний — это простая ложь. Эти слова предназначены заставлять других чувствовать себя лучше. Но, в конце концов, это просто ложь. Неутешительная ложь, — сказала я ему в момент простой честности. — Так что не беспокойся о том, чтобы давать мне обещания. Я бы предпочла твою правду.

На мгновение, прежде чем он скрыл свой взгляд, я увидела вспышку сожаления. Я не уверена была, что это означало, и я сделала все возможное, чтобы не заикливаться над этим. На всем, что может занять в это особое время. Какие бы не были у Хейми секреты, он сохранит и поделится. Прямо, как у меня. У всех нас есть какие-то причины, чтобы скрывать вещи. Я из тех людей, которые не могут отказать другим.

— Тогда, вот что я тебе дам. Правду. И начну прямо сейчас, — сказал он, взяв мое лицо в свои руки. — Я хочу тебя, Слоун. Я хочу сделать что-нибудь для тебя и что-нибудь с тобой. Я хочу показать тебе, какого это, когда кто-то боготворит твоё тело. Я хочу, чтобы ты испытала удовольствие от мужчины, который должен преподнести тебе, так чтобы ты никогда не чувствовала себя ничтожеством. Просто знай, что, пока мы вместе, ты моя. Вся моя. Больше никого. Ты поняла? — Я кивнула. — Не пойми меня неправильно. Мне понравилось смотреть на это красивое тело в той позе, как картинку невинности и греха, и все завернутое в гладкую, сливочную кожу. Но... — сказал Хейми, нахмутив свой лоб, — мне не понравилось, когда другие люди так на тебя смотрели.

— Я ничего не хотела делать, ничего подобного с одним из них. Или даже то, что я знала любого из них. Ну, кроме Пола. — Мои щеки загорелись, просто думая о том, чтобы снова встретиться с ним.

— Я знаю. Но мне все равно это не понравилось.

Я не стала улыбаться, потому что это было бы невежливо и неосмотрительно. Но мне хотелось этого. Внутри себя, я улыбнулась.

— Ты не будешь делать этого снова, правда? — спросил он.

— Боже, нет!

Я почувствовала его дыхание на своей щеке, когда он выдохнул.

— Хорошо. Мне бы не хотелось, чтобы я бросился на тебя и утащил оттуда.

На этот раз я улыбнулась.

— И что заставляет тебя думать, что все будет хорошо?

— Потому что кто-то просто сказал мне, что пока она моя, она только моя. И это включает в себя посторонние взгляды. Я бы не хотел выбивать дерьмо из кучки студентов, потому что они были не в том месте не в то время.

— Ты бы сделал это? — Я не могла отрицать того удовольствия, которое приносили его слова.

— Черт, да, я сделаю это!

— Ну, что же, я далека от того, чтобы подвергать опасности жизни других людей. Наверное, мне лучше одеться.

— Исключение только, если ты со мной. Вместо политики «открытых дверей» у нас есть политика «необязательной одежды».

— Это касается всех ваших сотрудников?

— Нет, только горячих студенток, которые выглядят как ангелы и на вкус как конфеты.

Я кивнула и поняла, что смогу смотреть в его глаза вечно и никогда не заскучаю. Я могу слушать его голос все время, и никогда не пропускать другие звуки. На какое-то время, как бы долго это ни продлилось, я собиралась быть с Хейми. И когда бы это не закончилось, я никогда не оглянусь назад с сожалением.

Я подумала о рисунке, который он попросил нарисовать меня в гостиничном номере «Жить, без сожалений», и мне стало интересно, чьи это слова. Я не могла не думать о Саше.

— А как насчет тебя? Ты тоже будешь моим?

— Если ты хочешь, чтобы я был.

— Как насчет Саши?

Хейми нахмурился.

— А как насчет Саши?

— Разве вы двое не...? Я имею в виду, разве ты не был... парнем?

— Мы были. Но не сейчас. Я делаю одолжение для старого друга. Больше ничего.

— Знает ли об этом Саша?

— Она должна. Но если она об этом не знает, то скоро узнает.

— Разве она не та, которая живет без сожалений?

И снова я увидела, как на одно мгновение на лице Хейми проскользнула боль.

— Нет, это не Саша.

Я сделала паузу, ожидая его продолжения. Надеялась, что он продолжит. Но знала то, что он не захочет.

— Ну, это хороший девиз. Может быть, мне тоже придумать для себя что-то красивое.

— Может быть, мы сможем сделать друг другу, — сказал он с лукавой усмешкой.

— Мне нравится, как это звучит.

— Почему-то я так и знал, что ты это сделаешь. Может быть, я должен добавить слово «дьявол» к описанию тебя.

— Нет, я думаю, что это больше всего подходит для тебя.

Я снова заметила странное мерцание через темные глаза Хейми. Оно исчезло так же быстро, как и появилось. Я изумилась, растерялась и с нарастающим чувством страха, подумала, как долго смогу игнорировать его.

Глава 22. Хейми

Я еще не спал, когда Риз позвонил.

— Оказывается, есть множество людей заинтересованных в этом ублюдке. Я не знаю, как долго он смог сохранить свой нос без этого дерьма, но он смог. Но теперь-то все закончится. Я позвонил своему другу, который работает в офисе генерального прокурора Джорджии. Это продлится не так-то долго, пока он не свяжется с ребятами из внутренних дел на местном уровне. Я надеюсь на него, что эта сволочь — Локк не создаст еще больше врагов на своем пути. Если есть, кто-то еще, настолько же подлый, как и он сам, и не держит обещаний, то кто-то другой сможет избавиться от этого беспорядка. Постоянным способом.

Я почувствовал, что моя голова начинает болеть. Это усугублялось с более долгим разговором Риза. Это то, что мы хотели. Это то, что нам нужно было сделать. Дело чести. И уважения. И это важно для меня. Для всех нас.

Но...

Это убьет Слоун. Конечно, это не моя вина, что ее брат засранец.

Но все-таки...

И если... нет, когда... она узнает, что я замешан в этом, все будет кончено. Она возненавидит меня, и все будет кончено, так и не начавшись.

Это не должно меня беспокоить. Я имею в виду, что я даже не знаю ее так хорошо. Я не должен быть дерьмом. Она является побочным эффектом. Сестра этого ублюдка, человека-сволочи.

Но все-таки...

— Просто держи меня в курсе, чувак. Я... я хочу знать, что происходит. Знаешь, чтобы я был готов.

— Готов? Готов к чему? — спросил Риз.

— Как, черт возьми, я должен знать? Я здесь на передовой. Кто знает, какие ответные действия могут начаться? Особенно, когда они узнают, кто я такой. Они установят связь.

— К тому времени это не будет иметь значения. Это будет рассматриваться. Так или иначе.

Я стиснул зубы.

— Все-таки я хочу знать.

— Отлично. Без разницы. Я буду звонить. Следи за своими действиями или спи с открытыми глазами, независимо от того, что ты чувствуешь, что тебе надо сделать. Но я все равно не думаю, что тебе будет, о чем беспокоиться.

— Ты не знаешь этих людей. Они заботятся о своих людях.

— Даже когда один из них подлый?

— Они как семья. Некоторые из них в буквальном смысле, как семья. Я думаю, что было бы ошибкой недооценивать их.

— Все равно. Я буду держать тебя в курсе, — сказал он своим коротким способом.

— Спасибо.

— До скорого. — Сказал Риз.

— До скорого.

Линия оборвалась, и я остался в тишине своего дома, размышляя.

Глава 23. Слоун

— Какого черта ты такая довольная в это время суток? — спросил меня Стивен, и, пошатываясь, зашел на кухню.

— И тебе доброе утро, — весело ответила я.

Я пила свой кофе, а он делал себе сэндвич. С тех пор как мы были детьми, он всегда делал себе сэндвичи на завтрак. Для него не было ничего необычного — сэндвич с арахисовым маслом или с жареной говядиной, иногда, даже сэндвич с тунцом, с самым противным в мире запахом для шести утра.

— Так что с тобой происходит? Я заметил, ты пришла поздно. Вот так сразу, да? — сказал он резко.

— Нет, я не собиралась приходить поздно.

— Дерьмо какое-то. Ты гуляешь до тех пор, пока не напьешься и не перезнакомишься с разными сомнительными типами.

— И на каких «сомнительных типов» ты конкретно намекаешь? — начала защищаться я.

— Ты же не думала, что я забыл? Тот парень? «У Каффа»? Вы встречались не в первый раз. И я видел его там раньше. Вероятно, он мелкий преступник. Тот тип людей, с которыми тебе лучше не связываться, — сказал он злобно.

— Он не какой-нибудь мелкий преступник или еще что-то.

— И откуда ты так в этом уверена?

— Потому что знаю, я знаю его.

— Единственный способ это узнать — запустить фоновую проверку.

У меня отвисла челюсть.

— Ты не серьезно.

Стивен посмотрел на меня так, будто не мог поверить в то, что я спрашиваю у него.

— Конечно, я серьезно!

— О Боже, Стивен, ты не можешь этого сделать вот так просто!

— Почему, черт возьми, нет?

— Ты... ты... это... Ты просто не можешь.

— Что же, твоя здравая логика прежде никогда меня не останавливала.

Моему удивлению не было предела.

— Ты собираешься проверять моих знакомых? — тихо спросила я. Стивен настолько был уверен в своей правоте, что не заметил опасности в моем спокойствии.

— Да. И что?

— Так и кого? — Я твердила себе, что нужно сохранять спокойствие. По крайней мере, до тех пор, пока я не смогу понять истинные масштабы этого предательства.

— Так... с кем ты общаешься последние пять или шесть лет?

Я была вне себя от гнева и возмущения, и... злости. Я никогда не мечтала о том, что моя безумная семья пойдет на такие крайние меры. Никогда.

У меня задрожали руки, оттого, что я ужасно злилась. Когда он продолжил, я все еще думала, ударить ли своего брата так сильно, как только я могла — прямо в живот. Желание лишь только усилилось из-за его прозаичного тона, как будто он ничего плохого и не сделал.

— Я бы уже сделал этого парня, но его сложно поймать. Это вызывает причины для беспокойства.

— Ну, ты можешь оставить гореть его в аду! Я не хочу, чтобы ты его поймал. Или разобрался с ним. Или даже больше, смотрел на него. Я хочу, чтобы ты ушел из моей жизни!

Стивен посмотрел на меня так, как будто я была глупым двухлетним ребенком, показывающий детскую истерику.

— Жестокое дерьмо. Мы — твоя семья. Мы заботимся о тебе. Это то, что мы делаем. Моя злость была немного рассеяна, поэтому я была расстроена.

— Стивен, это не нормально. Или разумно. Ты не можешь так со мной обращаться до конца моей жизни. Ты должен научиться доверять мне. И моему мнению. Ты должен позволить мне сделать свои собственные ошибки.

— Нет.

Я сжала голову двумя руками, жалея, что не могла облегчить пульсирующую боль прямо в висках. Я закрыла глаза и махнула руками в его сторону.

— Я сдаюсь. Если ты и дальше будешь себя так вести, то от меня не жди отношения к этому безумию. Потому что я не буду. Это вершина полностью недостижима.

— Слоун, с твоей историей...

— Стой, где стоишь. Ты должен отпустить меня, Стивен. Я расправлю свои крылья, нравится тебе это или нет. Не усложняй все это для нас, чем-то, что есть сейчас.

Я увидела несвойственный оттенок печали в черных глазах моего брата.

— Делай то, что тебе нужно. А мы будем делать то, что мы должны сделать.

Не говоря больше ни единого слова, Стивен взял свой сэндвич и ушел.

В субботу я подготовилась и оделась «на работу» с особой тщательностью. Конечно же, я предполагала (и надеялась), что сегодняшний вечер будет тем вечером, когда Хейми лишит меня девственности. Я всегда считала это досадным неудобством. Как будто я какая-то странная чудачка. Но сейчас я была рада, что ни у кого из парней не хватило храбрости, чтобы переспать со мной. Я бы очень хотела лишиться невинности в руках (и телом, и ртом) кого-нибудь вроде Хейми, а не какого-то перевозбужденного подростка.

Улыбаясь, я изучала свое отражение в черных стеклянных дверях тату-салона «Черное пятно». Мои волосы свободно лежали, как, мне казалось, нравилось Хейми, губы были накрашены яркой красной помадой с легким блеском, а мой наряд (я надеялась) воплощал отличное сочетание сексуальности и невинности. Так мне хотелось, и так я себя чувствовала — как девушка, которая вот-вот станет женщиной.

Моя обнаженная кожа на руках и ногах была гладкой, слегка загорелой и сияла сатиновым блеском с головы до пят. Я побрилась от щиколоток до подмышек. Я сжала губы на несколько секунд, надеясь, что везде побриться не было ошибкой. Но потом, понимая, что уже ничего нельзя с этим сделать, я толкнула дверь и вошла вовнутрь.

В лобби на стульях сидели клиенты. Наверно, ждали. Я прошла в заднюю комнату, заметив, что сегодня работали еще трое других мастеров. Я была рада, что это не был Пол, но было бы лучше, чтоб не было Саши. Но она была там. Она подняла голову, оторвавшись от татуировки, и направила свой взгляд на меня.

Я подумала, интересно, она знает уже, что между мной и Хейми что-то происходит. Я послала ей мою самую блестящую улыбку и прошла, не останавливаясь прямо в кабинку рядом с той, где работал Хейми.

Никого не было, когда я свернула за угол, и тогда я повесила свою сумку над шкафчиком, так, чтобы было понятно, что я здесь. Как только я встала, и прежде чем обернуться, я почувствовала сильное, горячее тело, прислонившееся к моей спине. Большая рука Хейми ухватила меня за талию, вызывая трепет где-то внизу живота, а сам он склонился ко мне. Я могла почувствовать каждый дюйм его крепкого тела, в том числе твердую выпуклость, упирающуюся в мой зад при толчках его бедер.

— Вот, черт, это будет длинная ночь, — прошептал он мне на ухо, а кончики его пальцев задвигались по моему животу. Я почувствовала, что стала задыхаться. — Тебе не стоит так изгибаться передо мной, ясно? А то я отволоку твою узкую, маленькую задницу в ванную, и тогда ты запомнишь свой первый раз совсем по другому, чем я себе представлял.

Его голос был темным и глубоким, и осипшим. Я услышала в нем чувственные обещания, которые превратили мои кости в желе. Осторожно, я повернулась в его руках и прижалась к нему грудью.

— А что будет не так?

— Я бы очень не хотел, чтобы твой первый раз был таким.

— Почему? Мне все равно. Раз это ты, мне не важно, где мы будем.

Я услышала, как он выдохнул воздух сквозь сжатые зубы.

— Черт, не говори так, если ты не думаешь так на самом деле. Я весь день думал, как мой язык будет внутри тебя, пробуя на вкус твою сладость. Еще две секунды, и я готов утащить тебя отсюда.

— Тогда чего же ты ждешь?

Он почти зарычал и проворчал.

— Ррр, у меня сегодня вечером клиенты.

Я не смогла сдержать улыбку.

— Что ж, не хотелось бы заставлять тебя долго ждать. — Я закусила нижнюю губу, когда его взгляд переместился на мой рот.

— Возможно, я был прав, — тихо сказал он.

— В чем?

— Ты можешь быть больше дьяволом, чем ангелом.

— Я думаю, что ты скоро это узнаешь.

На этом, я развернулась и направилась к лобби, чтобы проверить график, а через плечо мельком обернулась на Хейми, который смотрел мне вслед. Его темные глаза были прикованы ко мне. И я снова почувствовала, как жар разливался по всему телу.

Этот флирт на работе, это так забавно.

Как, оказалось, работать вместе с Хейми, с этим безумным напряжением между нами, с волнением и ожиданием, парящим в воздухе, очень волновало. И расстраивало. Когда я наблюдала за тем, как его руки работают над частями тел других людей, все, о чем я могла думать — это то, как его руки будут на мне, и как я не могу дождаться, чтобы снова почувствовать их. Именно поэтому я очень обрадовалась, когда его последняя вечерняя запись отменилась.

— Полагаю, это оставляет нам немного свободного времени, прежде, чем я закрою салон, — сказал Хейми с блеском в глазах. Мое сердце колотилось, и пульс пульсировал в дикой тангенциальной точке моего воображения. — Хочешь попробовать свои силы с тату-пистолетом?

— На самом деле? На чем?

— Да, действительно, — с ухмылкой сказал он, — на мне.

Я заулыбалась. Я была в восторге не только от того, что смогу почувствовать пистолет в руке, наконец-то, — но и что смогу прикасаться к Хейми... да, пожалуйста!

— Звучит интересно.

Губы Хейми изогнулись в улыбке, он опустил стул в горизонтальное положение и сел на него.

— Тогда приготовься сделать затенение. И поторопись, малышка. Время идет.

По какой-то причине, меня не обижало то, что Хейми называл меня «малышкой». В любом случае, больше нет. Это стало своего рода лаской. Сексуальной. Провокационной. Как малышка, которую он хочет научить чему-то плохому. И, вообще-то, так и было. Может быть, из-за этого мне не было обидно.

Прежде чем приступить к работе над татуировкой, я просмотрела все детали, как учил меня Хейми — от алкоголя и бритвы до стерильных игл и бутылок с пигментом, и подготовки электромагнитной машины, которую он предпочитал использовать для затенения, — я заметила мелкий тремор своей руки. Я не знаю, это волнение или нервозность, или жгучая жара, которую я чувствовала от взгляда Хейми на мне, когда я работала (потому что я знала, что он на меня смотрел), но из-за чего-то я разволновалась.

Я выкладывалась на все сто, прежде чем обратить свое внимание на него. Он сидел лицом ко мне, без рубашки. И смотрел на меня. В ожидании.

— Я хочу, чтобы ты поработала вот здесь, — сказал он, указывая на ребра, на которых уже есть чернила. — Я же сказал, что хотел бы добавить здесь немного штрихов. Это хороший способ, почувствовать пистолет, прежде чем отправляться на чистый лист. — Я кивнула, и, посмотрела на его талию и плоский живот. — Таким образом, я смогу руководить тобой. Научить тебя. Показать тебе, как это делать. — Я подняла на него глаза. Его сильные руки были напряжены, голос хриплый, а двусмысленные слова прозрачны.

— Тогда, непременно, покажи мне.

Хейми растянулся на боку. Его взгляд, и зажигательные слова преследовали каждое мое движение, пока я готовила его кожу к татуировке. Когда я закончила, он сел.

— Возьми этот шейдер¹³ и иди сюда.

Я сделала, как он просил, подкатив к нему столик, и взяв инструмент в руку, прежде чем взглянуть в его лицо.

— Что теперь?

Хейми обнял меня за талию, подтянул меня к расставленным своим ногам в виде буквы V и обнял мои пальцы. Он положил наши переплетенные руки себе на бедро и оперся на выпуклую мышцу, скрытую под материалом его обтягивающих джинсов.

— Почувствуй вес инструмента в своих руках, нужно использовать его как карандаш или кусок угля. Затенение — самый легкий способ начать. Просто позволь пальцам двигаться естественно, плавно. Назад и вперед.

Он начал гладить мои бедра плавными маленькими кругами. Я прилагала все усилия, чтобы сосредоточиться на пистолете и на том, что говорил Хейми, но мои мысли постоянно возвращались к маленьким кружочкам на моем теле. К его пальцам. И что они со мной делали. Куда это привело. И куда это может привести снова.

— Тебе нравится то, что ты чувствуешь? — спросил он. Я повернула голову, чтобы посмотреть на него. В его глазах был жар. Он больше не говорил об инструменте. Он думал о чем-то еще. О чем-то гораздо более интимном. И о многом другом.

— Мне нравится то, что я чувствую.

— Я знал, что тебе понравится, — хрипло ответил он. — Ты готова?

— Да, — сказала я, снова говоря о гораздо большем, чем-то, что я собиралась сделать в ближайшие пять минут. — Еще как готова.

— Тебе лучше быть готовой, — ответил он многозначительно. — Потому что я эгоистичный ублюдок, и всегда получаю то, что хочу. Даже, если придется взять это самому.

¹³ Имеется виду пистолет для нанесения татуировок - Теневик (Soft Shader) - применяется для для закраса кожи лёгкими (теневыми) пигментами. Правильно изготовленные теневые тату машинки должны вогнать тату иглу на нужную глубину, нанося при этом минимальным травматизм для кожи.

Интересно, он все еще подумывал утащить меня в ванную? Потому что, если это так, то я хотела, чтобы он знал, что я в игре. Я пойду. Куда бы он ни пошел, я пойду.

— Это по-прежнему эгоистично, если кто-то хочет, чтобы ты его взял?

— Я не знаю. Но думаю, что мне уже наплевать.

— Тогда возьми. Возьми то, что хочешь.

— Будь осторожна, с желаниями, малышка.

— Я не хочу быть осторожной.

Хейми наблюдал за мной несколько долгих секунд, прежде чем выпустить мою руку.

— Тогда покажи мне, что у тебя есть.

Отпустив меня, Хейми вытянулся на столе, а затем повернулся на бок, лицом ко мне. Я села на стул и опустила стол, пока мой «холст» не достиг нужной высоты. Инстинктивно, как будто он знал, что мне нужно (я уверена, что он это делал, всеми возможными способами), Хейми двинулся к краю, в нескольких дюймах от меня.

Теперь моя очередь спрашивать у него.

— Готов?

— Черт, да!

Я окунула кончик своего пистолета в черные чернила и поставила ногу возле педали на полу. Находя удобное положение для своих рук, я наклонилась к Хейми, держа оружие менее, чем в дюйме от его кожи. Я сделала глубокий вдох и нажала педаль, предварительно подталкивая гладкую кожу Хейми к острому концу.

Он не дергался и не произносил ни звука, но я чувствовала, что его мускулы под инструментом и моими руками сжимались в ответ на первый укол иглы. Я остановилась, но через мгновение, почувствовала его спокойствие, и продолжила.

Мне понадобилось немного времени, чтобы привыкнуть к инструменту, и применить его на коже, уловить ритм рисования и обтирания, рисования и стирания. Гладкая и тугая кожа Хейми была идеальным холстом. Его сформированное тело чувствовалось прекрасно под моими руками. Через несколько минут, я перестала, замечать, что я делала, а моя растушевка чудесным образом преображала его татуировку.

Не знаю, как долго я склонялась над Хейми, но взглянув на его лицо, я заметила что-то. Его глаза, смотрели на меня — они светились. Мы были как родственные души, я чувствовала и была уверена в этом, и Хейми тоже. Мы оба любили искусство. Это поглотило нас обоих. Такое счастье, спрятаться в этом от реальной жизни, от своих секретов.

Я в очередной раз вспомнила слова брата, о том, что Хейми трудно раскусить. И мне стало интересно, какие секреты есть у Хейми.

Глава 24. Хейми

Я не был удивлен, что Слоун в искусстве татуировки была как рыба в воде. Я понял это с первых же дней. Меня больше удивляло то, что делали ее чувственные руки с моей концентрацией. И это недопустимо. Я здесь только по одной причине. Это был отвлекающий маневр, и я знаю, что мне это не нужно. И все же это случилось.

Прагматик говорил во мне, чтобы я освободился от своего идентификатора и вытащил его из своей системы, чтобы я мог сосредоточиться над тем, что мне сейчас необходимо. Не на женщине. И уж точно не на этой женщине. После нескольких секунд своих размышлений, я принял решение. Для этого не потребовалось слишком много убеждений. Старик во мне пускал слюни, намекая на кровь в воде. Я почувствовал, как он подкрадывался вслед за мной, поднимая свою уродливую, гедонистическую¹⁴, эгоцентрическую¹⁵ голову. И только в этот раз я поприветствовал его.

Я тут же почувствовал укол совести. Но постарался задавить это чувство, напоминая себе «Жить, без сожалений».

— Тебе нужно позвонить домой и предупредить, что задержишься, сегодня вечером на работе, — сказал я Слоун.

Она подняла голову, и ее глаза встретились с моими глазами. Без лишних вопросов Слоун сказала:

— Хорошо. Насколько поздно я буду?

— Это зависит от тебя. Но ты обязательно будешь дома до рассвета.

Я увидел по ее лицу, что она не сильно была взволнована моим ответом, я ведь предупреждал ее раньше, что ни с кем не остаюсь до завтрака. Это должно закончиться, прежде чем мы уедем отсюда сегодня.

— Хорошо, — сказала она снова

— Почему бы тебе не начать собираться? Я попрошу Джилл закрыть салон.

— Я думала, ты никому не даешь закрывать салон кроме себя.

— Сегодня я сделал исключение.

Теперь я решил спустить своего внутреннего зверя с цепи, мне не терпелось как можно быстрее убраться отсюда. Со Слоун. Она хотела расправить свои крылья, показать миру, что она взрослеет. Я могу помочь ей с этим. Я помогу ей повзрослеть. Правильным путем. И очень быстро.

¹⁴ Гедонизм (др.-греч. — «наслаждение», «удовольствие») — аксиологическое учение, согласно которому удовольствие является высшим благом и смыслом жизни, единственной терминальной ценностью (тогда как все остальные ценности являются инструментальными, то есть средствами достижения удовольствия)

¹⁵ Эгоцентризм — это такая позиция человека, когда он настолько сконцентрирован на себе, на своих интересах, на удовлетворении собственных потребностей, что просто не способен войти в положение другого человека, понять чужую точку зрения, которая отличается от его собственной.

Глава 25. Слоун

Я вышла, чтобы позвонить отцу. Это весьма унинительно, когда твоя семья слишком опекает тебя, в твой двадцать один год. Я все еще должна была звонить домой и сообщать, где я буду. Но есть, как есть. И ничего не менялось. По крайней мере, сегодня вечером. Это то, чтобы я хотела сделать, но все еще приходилось работать над этим.

— Локк, — отец ответил в своей обычной манере. Я знала, что у него высветилось мое имя, но он ответил, в той же манере, как отвечал и на другие звонки. Я закатила глаза. Коп есть коп.

— Привет, папа. Звоню сказать тебе, что буду поздно сегодня вечером. Мы с Сарой...

— Нет. Вы ничего с Сарой... Тебе сразу надо идти домой вечером.

— Почему? Мы не...

— Не важно, — снова прервал он меня. — Это важно. Тебе надо прийти сразу же домой. На самом деле, у Зига сегодня вечером выходной. Он проследит, чтобы с тобой все было в порядке.

— Что-о? У меня будет полицейский эскорт от работы до дома в лице моего брата?

— Нет, твой брат, который по случаю является офицером полиции, удостоверится, что ты без проблем дойдешь до дома. И все.

— Ты цепляешься к словам, папа. Это смешно! Когда вы уже поймете, что я выросла? Что я могу...

— Это никак не связано с твоим возрастом, или тем, что ты выросла, Слоун. Стивену угрожали. Мы только предпринимаем меры предосторожности.

— Папа, вы полицейские. Вам все время угрожают. — Так и было на самом деле. Они пересажали около 90 % криминальных элементов в Атланте.

— Это не то же самое. Это... другое.

Мелкая дрожь пробежала вдоль моего позвоночника.

— Это как другое?

— Просто другое, Слоун. Послушай, это серьезно. И это не обсуждается. Зиг будет в два. Будь готова.

— Папа... — выдохнула я. С одной стороны, мне доставляло трудности, что со мной обращались как с ребенком, малышкой Слоун. С маленькой девочкой, какой я всегда была. Но с другой стороны, я заволновалась. Пока.

— Не спорь. Люблю тебя, детка, — и он повесил трубку. Конец разговора.

От досады я несколько мгновений потопала ногой, совсем не как взрослая. Но затем я успокоилась и вернулась назад. По всей видимости, мои сумасшедшие дни сексуальных исследований придется ненадолго отложить.

Хейми прибирал свое кресло, когда я вернулась назад.

Он посмотрел на меня. Я улыбнулась ему, но, видимо, он почувствовал мое расстройство. Он выпрямился и вопросительно изогнул бровь.

— Что такое?

— У одного из моих братьев что-то случилось на работе. Папа слегка волнуется, что это может коснуться и меня, поэтому отправил Зига проводить меня домой.

На секунду я подумала, как было бы распутно позволить Хейми соблазнить меня в ванной. Должно быть, у него были большие планы на завтрашнюю ночь — лишить меня девственности, но меня мало заботило, где это будет. Поскольку Хейми все равно это сделает, и это будет ночь безумной страсти, а другие детали меня не волновали.

Хейми нахмурился сильнее и шагнул ко мне, забросив стул. Он наклонился ко мне, чтобы увидеть мои глаза, и внимательно посмотрел на меня.

— Что это значит? Что-то случилось? С кем из братьев?

Я то ли смеялась, то ли хмурилась.

— Воу! Хейми, я и не ожидала такой реакции. — Я подавила нервный смехок.

— На самом деле я не знаю, что такого могло случиться. И что за опасность угрожает Стивену. Должно быть, это действительно что-то серьезное, раз папа так переживает. Обычно они ведут себя как пуленепробиваемые.

— Но почему твоему брату угрожали? И как это повлияет на тебя?

— Мой брат коп. За ним закреплена определенная территория. А что до остального, то это просто отличительная черта семейства Локка и их склонность к слишком острому реагированию, особенно, когда дело касается меня.

— Твой отец думает, что ты можешь быть в опасности?

Хейми, похоже, был искренне обеспокоен, и это мне нравилось. На самом деле, совсем немного. Я хотела улыбаться, но понимала, что такая реакция будет не подходящей.

— Папа считает, что даже ветер для меня опасен.

Хейми подошел ко мне ближе и накрыл мою руку своей.

— Слоун, я не шучу. Он думает, что ты в опасности?

— Он говорит так, будто я ребенок, который не хочет прислушиваться.

На этот раз я нахмурилась. Ни один опекающий меня человек не обращался со мной как с ребенком!

— Я не знаю, но, если он это сделает, то я уверена, он позаботится о том, чтобы я оставалась в укрытии до самого утра.

— Это может быть серьезно, Слоун. Перестань вести себя так, будто это ничего не значит, — огрызнулся Хейми.

— Перестань обращаться со мной как с ребенком. Я достаточно получаю этого от других мужчин в своей жизни. Мне не нужно этого дерьма и от тебя тоже, — огрызнулась я в ответ.

Выражение лица Хейми смягчилось, а его пальцы немного расслабились и начали ласково поглаживать мою руку.

— Прости. Я не это имел в виду. Я просто... Я просто беспокоюсь о тебе.

— Я очень ценю это, но со мной все будет в порядке. Моя семья позаботится об этом. Они могут задушить меня в процессе, но они будут уверены, что я в безопасности.

— Я уверен, наверно, что дом, полный полицейских, — самое безопасное место в мире, верно?

Странно, но было ощущение, что он хотел услышать от меня подтверждение своих слов.

— Дом, полный полицейских Локка? Да уж, это точно.

— Хорошо. Так мне будет гораздо спокойнее, — сказал он. Самое смешное было то, что по выражению его лица так нельзя было сказать. Он совершенно не выглядел так, будто ему стало лучше.

Глава 26. Хейми

— Я тебя провожу, — сказал я Слоун, пока она направлялась к двери, — пять минут вместо двух.

— Тебе не обязательно этого делать, — сказала она, выставив руку вперед, чтобы остановить меня.

— Я знаю. — Но это не мешает мне следить за ней. Черт, я ненавижу выпускать ее из поля зрения. Даже, на короткий промежуток времени. И не потому, что я чувствую вину. Безусловно, не из-за этого.

Она опять остановилась, когда подошла к двери, прежде, чем открыть ее.

— Серьезно, мой брат уже здесь. Я увидела его машину прямо там, — заявила она, показывая через затемненное стекло. Все-таки для меня этого недостаточно.

— Отлично, тогда я представляюсь.

Я протолкнул ее через дверь и осмотрел грузовик. Легко было его заметить — большой 4x4 и гигантский сутулый руль, верхняя часть которого освещена светом фонарей приборной панели. Я предполагал, что все ее братья огромные. Слава богу, Слоун унаследовала больше женских черт.

Я повернулся к грузовику. Слоун тоже развернулась. Я не знаю, почему мне показалось, что она не хочет, чтобы я встречал кого-либо из ее семьи, но мне было все равно. Я собирался убедиться, что он здесь, и поедет за ней домой, прежде чем я ее отпущу.

Окно опустилось, и из темноты поднялось что-то огромное, как скала. Когда мы остановились, возле водительской двери, я увидел, как ее брат выпрямился на своем месте. Интересно, он что спал?

— Зиг, это Хейми. Хейми, хм... Хейми, это мой младший брат, Зиг. — Я уверен, что короткое заикание объяснялось отсутствием фамилии, чтобы представить меня. Я никогда ей ее не говорил. Я действительно никому не называл свою фамилию. Это часть моей профессии. Людям не очень любопытно или незачем знать обо мне, слишком много. Большинство, наверное, думают, что я какой-то преступник, и это нормально. Меня не волнует, что обо мне думают.

— Приятно познакомиться, Зиг, — тихонько произнес я, протягивая руку через окно. — Я просто хотел убедиться, что ты уже здесь, чтобы смог проследить за ней до дома.

— Понял, приятель, — сказал Зиг, крепко сжимая мою руку. Это было одно из тех крепких рукопожатий, которыми показывают, что чувствуют угрозу, или, что он здесь главный и прочее дерьмо. Я часто такое испытывал. Очевидно, многие люди видят во мне угрозу. Я бы сказал, большая часть моей семьи такая. Мы привыкли к определенному уважению, и всегда получаем то, что хотим. Я полагал, что мы могли бы двигаться достаточно уверенно по жизни — лидировать. Это мы. Были такими с рождения.

— Итак, ты что-нибудь знаешь о том, что происходит? Слоун многого не знает. Должен ли я беспокоиться о ее походах сюда каждую ночь? Потому что я буду рад убедиться, что она нормально добралась домой.

Я не хотел показаться слишком любопытным, но, по крайней мере, хотел дать ему шанс, прежде чем позвонить Ризу, и посмотреть, что я смогу узнать.

— Тебе не о чем волноваться. Я позабочусь о том, чтобы она нормально добиралась домой в те ночи, когда будет работать здесь.

Черт.

Я кивнул один раз и похлопал по крыше грузовика.

— Звучит неплохо, чувак. Дай мне знать, если понадобится моя помощь.

— Договорились, брат, — кивком ответил Зиг. Он казался спокойным и искренним. Этот парень понравился мне с первого взгляда. Он не похож на старшего, Стивена. И вовсе не из-за обстоятельств, при которых нам пришлось познакомиться, а я бы все равно считал его старшего брата мудаком.

Я подошел к машине Слоун и помог ей забраться вовнутрь, плотно закрывая за ней дверь. Я подождал, пока заведется двигатель, и зажгутся фары, прежде чем отправиться обратно через улицу. Запереться. И позвонить Ризу.

В моем кармане зазвонил телефон, и, я закрыл передние двери и выключил уличный неоновый знак. Когда я вынул телефон из кармана и выключил свет, на дисплее засветилось имя ЛЕЙФ.

— Да, — ответил я.

— Как дела, старик? — сказал мой младший брат Лейф.

— Не плохо, малыш, — ответил я, подчеркивая свое обращение к нему. Хотя Лейф сейчас был на пару сантиметров выше меня и на несколько килограммов тяжелее, но в детстве он был коротышкой, и сейчас абсолютно ненавидел любое напоминание об этом. Поэтому, когда он подкалывал меня моим возрастом, то я подкалывал его в ответ. Обычно это его останавливало.

Я улыбнулся, когда услышал его рычание.

— Мудак, — пробормотал он, прежде чем продолжить.

— Думал, я поведусь. Как проходит охота?

— Вообще-то, я, наконец, добился определенного прогресса. — Никогда не думал, что эти слова будут для меня такими горькими. Я сразу же подумал о брате Слоун и об угрозе, которую он мог для меня представлять, и, то, к чему может привести в итоге то, что я решил провести ее до двери.

— Ты это сделал? Отличная работа, мужик! Может, наконец-то, справедливость восторжествует и в нашей жизни.

— Да, может быть, — сказал я рассеянно.

По какой-то причине, хоть части головоломки и сходились, все равно что-то было не так. Я говорил себе, что это не имеет никакого отношения к Слоун, но все же в глубине души я сомневался. По крайней мере, немного. Я не мог позволить ей занять все мои мысли. Я зашел слишком далеко. Это стало слишком много значить для меня.

Но, в то же время, я не мог это игнорировать.

— По твоему голосу не скажешь, что ты очень счастлив, брат, — говорил Лейф в своей спокойной манере. Он всегда был самым спокойным из нашей семьи.

— Я. Я... я просто хочу удостовериться в этом.

— Ну, так удостоверься.

— Обязательно, чувак. Мне просто нужно время.

— Это единственное, что у тебя есть.

— Не факт, — неопределенно говорил я.

— Ты говоришь о Ризе?

Я вздохнул.

— Да. Ты знаешь, какой он решительный. Когда я рассказал ему, о своих догадках, то он завелся как собака, прежде чем я успел договорить.

— Тогда тебе просто нужно перехитрить эту собаку.

Я улыбнулся. Несмотря на то, что в последнее время Лейф частенько доставал меня своими шуточками, а мне все еще нравилась его простота. Лейф — не тот тип, который может усложнить дело. Он прямолинейный и спокойный, и просто плывет по течению. Он видит вещи

в черно-белом свете. И я, как человек, живущий в тысячах оттенков серого, завидовал ему в этом.

— Наверно, я это сделаю.

— Гав-гав, чувак, — подшучивал он. — Гав-гав.

Лейф нажал отбой. Затем, я набрал номер Риза, и качнул головой, когда услышал сигнал его голосовой почты, и я понял, что голос действительно очень похож на лай который высмеивал Лейф. Я понимал, что разницу моих разговоров с Лейфом и Ризом, можно сравнить с нырянием в кипяток, а затем в ледяную воду. Я оставил Ризу сообщение, чтобы позвонил мне, когда он вернется.

По крайней мере, я не получу обморожения сегодня вечером. Я думал, как Риз отреагирует, когда я скажу ему, что мне нужно немного больше времени, пока я не узнаю еще что-нибудь по этому делу. Что-то здесь не так.

Глава 27. Слоун

Хейми стоял в дверях, смотря, как я садилась в свою машину, как он делал все последние дни. Через дорогу сверкнул свет фар от машины кого-то из моих братьев, как всегда за последние дни.

Я посигналила, что отъезжаю, махнув Хейми, трогаясь от бордюра. Сигнальные огни машины через дорогу тронулись за мной. Как все последние дни. Это кто-то из братьев. Или отец. Все время. Каждый вечер кто-то из них провожал меня домой. Теперь, это были такие правила. И меня это бесило. Но они не прекращали это, пока не закончится этот ад. Самое смешное, что никто из них не сказал мне, что существует угроза. И к этому надо было относиться серьезно.

Я хотела бы думать, что все это ерунда, но вряд ли это было так. Им, похоже, очень тяжело было так себя вести. По началу одна часть меня говорила, что они пытаются таким образом пресечь мои попытки избежать их контроля надо мной, но я же сразу, пресекла эти мысли, это было бы настолько обманчиво, я просто не смогла бы себе этого представить. Моя семья всегда была со мной честна и достаточно прямолинейна, и, если бы они хотели следить за мной, или Хейми, или еще кем-либо, скорее всего они бы прямо сказали об этом. Но сейчас все совсем по-другому, они все придерживались одной и, той, же истории, включая папу. Это должно быть правдой.

Я была рада, что их смешные меры безопасности, похоже, не ослабили растущую привязанность между мной и Хейми. Я боялась, что он потеряет ко мне интерес, как только поймет, что мы не можем заняться с ним чем-то непристойным в ближайшее время. Но, во всяком случае, мне казалось, что хоть это и расстраивало, но, все же, еще больше усиливало предвкушение.

То, что началось всего лишь с нескольких вечеров в неделю переросло в то, что я бывала в салоне теперь каждый вечер, по крайней мере, по несколько часов. И каждый вечер, у Хейми находилась возможность показать мне что-то новое, нечто потрясающе новое.

Иногда, он предлагал мне поработать над его татуировками, заштриховывая старую, и работая над новой на другом боку, которую он просил меня прорисовать или растушевать буквы. Я никогда не спорила, главным образом потому, что мне было все равно, что делать. Прикосновение к нему доставляло мне огромное удовольствие — штриховать его гладкую кожу, наблюдать, как напрягаются его мышцы, ощущать теплоту его тела.

Он никогда не отрывал глаз от меня, даже, когда я провожала его взглядом. Больше нет. В конце концов, однажды во время одного из таких моментов он внезапно остановил меня. Он взял у меня из руки пистолет и положил его рядом с собой. Он соскользнул со стола и поднял меня на ноги. Потом, он подтолкнул меня к шкафу, где никто не мог нас увидеть, и поцеловал. Он целовал меня жарко, страстно и отчаянно. Я могла только надеяться, что он испытывал подобные чувства. Сама мысль об этом была почти невыносима.

Было несколько раз, когда он помогал мне татуировать себя тоже. Я хотела, чтобы инициалы моей матери стояли в основании ноги, и несколько веток виноградной лозы окутывали мою лодыжку.

— Почему бы нам не поработать над тобой сегодня вечером? — однажды сказал он, когда в студии остались только Пол и еще один клиент.

— Надо мной? Seriously?

— Seriously, — сказал он с улыбкой, которая мне напомнила наши разговоры, которые мы вели в такой манере. Иногда, мне казалось, что я знала его вечность. Как будто, так и должно было быть — знать его всегда.

— Как будто я откажусь.

— Я на это и рассчитывал. Иди, готовь ногу. Я сейчас вернусь.

Я сделала, как он просил, и сидела в кресле, когда он вернулся. Он нес с собой ширму.

— Это для чего? — спросила я, смотря, как он ставил ее в нескольких футах от края кресла, расправляя ее так, что мы оказались запертыми в углу.

— Я уже давно думал принести ее сюда. Кажется, пришло время, — сказал он, пожав плечами.

Несмотря на его непринужденный тон, у меня в животе запорхали бабочки от мысли, что ширма сделала атмосферу еще более интимной. Я такая жалкая, я знала.

— Готова?

— Да, — сказала я, а затем чтобы было удобней работать, я приподняла ногу и согнула ее в колене.

— Итак, давай сделаем следующим образом, — говорил Хейми, и опустил стол в горизонтальное положение, а затем сел позади меня, и перекинул одну ногу через стол, пока не прижался к моей спине. Я чувствовала, как напряглись мускулы на его груди, я начала задыхаться от мысли, что ничего не чувствовала, кроме Хейми. Даже, запах алкоголя или игл в новых упаковках, или каких-либо других запахов, витавших в комнате, ничего. Только Хейми, и это был мой рай.

— Мы сделаем это вместе, — сказал он, а его губы были так близко к моему уху, что я чувствовала, как они щекотали меня.

Хейми обнял меня руками, взяв мои пальцы в свои руки, и мы вместе взяли пистолет, и нацелили иглу на мою кожу, вырисовывая первую букву. Наши руки двигались в такт, словно у нас было одинаковое видение того, что мы делали, как и наше искусство. С первой линии, с первого удара, и это было прекрасно.

Сегодня была, наверное, одна из первых ночей, когда мы не работали над тем, что он учил меня татуировке. Я упомянула о том, что у меня был дерьмовый день в школе, и совсем не было аппетита ужинать, когда вытаскивала из сумочки батончик гранолы. Хейми ничего не сказал, поэтому я, молча, проглотила батончик, но менее, чем через час нам была доставлена пицца.

— Что это? — спросила я, когда доставщик пиццы протянул ее мне.

— Парень сказал, чтобы я привез ее для горячей брюнетки. — От этих слов, я только еще больше прониклась к Хейми и к разносчику пиццы. Я одарила их своей самой яркой улыбкой и с радостью взяла коробку с пиццей.

Когда разносчик пиццы ушел, то Хейми вернулся к своей клиентке. Но вместо того, чтобы усадить девушку на свое рабочее место, он пошел в противоположном направлении к Джон-Джону. Я слышала, как Хейми объяснил ему чего хочет клиентка, передал Джон-Джону трафареты и попросил его начать, а он закончит с ней позже. Джон-Джон одобрительно кивнул, указывая девушке на свое рабочее место.

Мне показалось это довольно странным, поскольку Хейми, обычно, не позволял кому-либо еще участвовать в его работе. Он делал все сам, шаг за шагом, от начала и до конца. Я с любопытством наблюдала, как он пересек комнату, направляясь ко мне. Без единого слова Хейми раздвинул ширму, закрывая нас, поднял и посадил меня на стол, взял кусок пиццы с коробки и сунул его мне в рот.

— Ешь, — крикнул он. Сначала я была ошеломлена его строгим командным тоном, но затем, спустя несколько секунд, он добавил. — Я хочу смотреть.

Я почти уронила свою пиццу и чуть не набросилась на него. Только я не могла, главным образом потому, что импульсивный секс невозможен для девственниц. И мы находились в салоне, полном людей. Ничего из этих фактов не способствовало быстрому свиданию.

Черт возьми!

Итак, сегодня, кажется, уже в миллионный раз я оставила нас с Хейми неудовлетворенными. Я увеличила громкость на стереосистеме своей машины. Я ничего не слышала, кроме громких басов. Поэтому очень удивилась, когда увидела пролетевший мимо меня, повстречке внедорожник Скотта.

— Какого черта, Скотт? — пробормотала я.

Впереди я увидела наш дом, везде был включен свет, ярко освещено крыльцо и, даже, на заднем дворе горел фонарь. От страха, я почувствовала неприятное покалывание в позвоночнике. Затем я увидела, как Скотт тащит через двор Макса.

Я притормозила и прижалась к бордюру, с ужасом смотря на десятки пулевых отверстий, которые теперь усеивали белый виниловый сайдинг.

Мое сердце колотилось от страха, я начала чувствовать, как пульс отдавался в ушах. Я взяла сумку и начала искать свой телефон в маленьком кармане, но он оказался пуст.

— Черт!

И что я должна теперь делать? Инстинктивно я понимала, что сейчас лучше не выходить из машины. Папа бы спустил с меня шкуру, если бы я сделала что-нибудь такое.

Я наблюдала, затаив дыхание и молилась, чтобы дорогой Боженька уберег моего отца от этих пуль, ведь отец единственный, кто должен был быть сегодня вечером дома, после того, как я и Скотт уехали, а Стивен и Зиг были на работе.

Через пять минут я увидела, как открылась входная дверь, и из нее вышел отец. Я с облегчением выдохнула и даже улыбнулась, когда увидела, что он разговаривал по телефону, предлагая кому-то поцеловать его в зад. Он помахал мне рукой, и, даже, от бардюра я увидела глубокую морщинку между его бровей.

Я выключила двигатель и вышла из машины. Когда я пошла по тротуару, то переступала через кучу пустых гильз от патронов. Отец закончил разговор по телефону, когда я остановилась перед ним.

— Что случилось? — спросила я.

Папа кипел.

— Какая-то мать... — он провел рукой по своим каштановым волосам, отчаянно пытаясь удержать свой язык перед нежными ушками своей дочери, леди.

— Ты можешь сказать мне, папа, ну же, не стесняйся.

— Какие-то... мудаки только что навлекли гнев семьи Локка на свою... дрянную, дерьмовую, дерьмодную, дерьмососущую голову! — зарычал он, поэтому я решила воздержаться от аплодисментов в честь его искусственной импровизации со словом «дерьмо», лишь бы не использовать слово на букву «Ф» в присутствии своей дочери. Что за парень!

— Это имеет какое-то отношение к тем угрозам?

— Я уверен, что это дерьмо как-то связано. — На этот раз я улыбнулась. Когда отец это заметил, то он перевел свой гнев на меня. — Послушайте меня, юная леди, это совсем не смешно. Кто-то мог быть убит здесь сегодня вечером. Если бы ты была здесь и смотрела телевизор в гостиной... — папа побледнел. — О, Иисусе, что бы я делал, если бы тебя застрелили, Слоун?

Затем, гнев отца сменился его вездесущим беспокойством о моем благополучии. Он обнял меня.

— Но, ничего же, не случилось, пап. Я в порядке. С нами всеми все в порядке.

Ничего не говоря, он гладил мне волосы. Вокруг было неестественно тихо. Пока, тишину не нарушил звук приближающегося мотора.

Я повернулась, в надежде увидеть, как Скотт приближается к подъездной дорожке. Вместо этого я увидела машину Хейми, припаркованную рядом с моей машиной.

— Кто это, черт возьми, такой? — спросил мой отец, и я почувствовала, как все его мышцы напряглись.

— Это парень, с которым я работаю, пап. Помнишь, ты видел его в тот вечер, когда следовал за мной от салона?

— Точно. У него еще какое-то глупое имя, типа Хоми, — сказал он хрипло.

— Его имя Хейми, пап, не будь грубым.

— Слоун, — начал, было, он.

— Пожалуйста, не смущай меня, пап. — Сказала я уголком рта, он отпустил меня, и мы повернулись навстречу Хейми. Конечно, мне было бы проще, если б я сама пошла ему навстречу, но папа был в таком настроении, что, ни на шаг бы меня не отпустил.

Хейми вышел из машины и пошел по тротуару ко мне с папой. Я увидела, как он смотрел, по сторонам на разбросанные повсюду гильзы. Он нахмурился, когда остановился возле нас.

— Ты в порядке? — спросил он у меня.

— Я в порядке. Меня здесь не было. Скотт и я как раз возвращались домой. Скотт помчался его разыскивать. Думаю, он считает, что сможет поймать того, кто это сделал.

— Что случилось? — теперь он смотрел на отца, — Хейми, сэр, — говорил он, протягивая руку, — мы встречались несколько дней назад, когда вы приезжали за Слоун.

Папа пожал ему руку, и ответил немного грубо.

— Я помню. А что касается этой неразберихи, то кто-то ищет огромных неприятностей на свою задницу. — И его гнев моментально вернулся. Он начал расхаживать из стороны в сторону.

— И где, черт возьми, твой брат? Он должен был уже вернуться!

— Что ты здесь делаешь? — спросила я у Хейми, так как папа снова сменил тему.

— Ты забыла свой телефон в салоне, я подумал, что он тебе нужен.

Он отдал мне телефон, а его пальцы немного задержались над моими пальцами, прежде чем отпустить его.

— Серьезно, с тобой все в порядке?

Я улыбнулась.

— Я в порядке. На самом деле, мне даже жаль тех парней, которые все это устроили, они понятия не имеют, какую бурю навлекли на свою голову.

— Слоун, это не смешно. Это очень серьезно. Что, если бы ты была здесь? Что, если бы ты вернулась на пять минут раньше?

Я видела в его глазах беспокойство и раздражение.

— Но меня здесь не было.

— Но ты могла бы быть, — настаивал он.

— Вот видишь, Слоун, — говорил папа из-за моей спины. — Даже у Хейми голова соображает лучше.

Я закрыла глаза, мое лицо залилось краской. Но Хейми лишь рассмеялся.

— Благодарю вас, сэр, — сказал он легко, прежде чем повернуться ко мне. — Может быть, тебе стоит лучше остаться со мной сегодня?

Я удивилась и была потрясена таким его предложением в присутствии моего отца. Папа вышагивал у меня за спиной. Затем остановился почти вплотную к Хейми. Мой желудок трепещал от гордости и удовольствия, когда Хейми не отступал, ни на дюйм.

— Что, черт возьми, ты вытворяешь, молодой человек?

Хейми оставался совершенно непробиваемым, перед яростью моего отца, спокойно ответив.

— Предлагаю ей безопасное место для ночевки, сэр. Моя свободная спальня. Я не уверен, что этот дом сейчас самое лучшее место для нее.

— Мне плевать, в чем ты там уверен сынок, она моя дочь, и я отвечаю за ее безопасность, вот уже двадцать лет.

— Двадцать один, — пискнула я автоматически.

Папа ворчал, и я видела, как губы Хейми дергались, в попытке подавить улыбку.

— Я и не говорю, что вы не можете обеспечить ее безопасность. Я просто говорю, что такую ситуацию трудно контролировать. Слоун не под прицелом, но она в опасности. И даже если бы она была в центре внимания, никто бы и не подумал искать ее у меня. Это всего лишь предосторожность. Я просто думаю о том, что будет лучше для Слоун. И ничего больше.

— И с каких это пор, ты стал так заинтересован в благополучии моей дочери?

— Вы бы предпочли, чтобы мне было все равно? — спросил Хейми равнодушно.

— Конечно же, нет, но я не позволю, чтобы ею воспользовались!

— При всем моем уважении, сэр, но, Слоун достаточно взрослая, чтобы принимать собственные решения. Может быть, вы должны спросить ее, что она предпочитает делать?

— Прямо сейчас меня не интересует твое мнение или то, что ты думаешь, что я должен делать. Я делаю то, что лучше для моей дочери. Впрочем, как и всегда.

— Сэр, я не спорю. Я просто...

— Черт возьми, да кто ты такой! Ты стоишь на моей лужайке, рассказывая мне, что делать с безопасностью моей дочери.

— Я преследую то же, что и вы, сохраняя безопасность Слоун. И я думаю, это...

— Мне наплевать, что ты думаешь!

— Тогда вам наплевать и на то, что думает Слоун! — выпалил Хейми в ответ.

— Послушай ты, ничтожество, моя дочь сделает то, что скажу ей я, потому что я защищаю ее последние двадцать лет!

— Двадцать один, — снова пробормотала я.

— Слоун! Заткнись! — закричал отец.

Это было последней каплей. Это то, от чего я пыталась убежать. Это его отношение ко мне, как, к безмозглому ребенку, не имеющему права голоса. Но с меня было хватит. Это был единственный шанс, чтобы заставить его услышать меня. Не самое подходящее время конечно, но все же, это мой шанс, чтобы доказать отцу, что я выросла. И я собиралась это сделать.

— Пап, он прав. Во всем. — Сказала я, привлекая внимание двух пар глаз, смотрящих друг на друга. Теперь их внимание переключилось на меня.

— Слоун, я...

— Я знаю, пап. Я знаю каждую причину, каждый аргумент. Я знаю, что ты любишь меня. Я знаю, что ты хочешь, только лучшего для меня. И я знаю, что ты не хочешь меня отпускать. Я знаю. Я, правда, понимаю. — Я протянула руку и взяла его ладонь в свою руку, встречая, его острый взгляд. — Но ты должен, папа. Мне нужно, чтобы ты меня отпустил.

Я посмотрела прямо на него, а он тоже не сводил с меня глаз. Я хотела, чтобы он увидел, увидел прямо сейчас, что я не шутила, что я не собиралась отступать. Я хотела, чтобы он увидел, что я люблю его, и уважаю, но мне нужно, чтобы он меня отпустил. Мне нужно было жить. Мне нужно было уметь принимать собственные решения и совершать свои собственные ошибки.

Не знаю, как долго мы так простояли в напряженном молчании, в таком, возле нашего дома. Очень долго. Но, наконец, я увидела, как внутренняя борьба отца прекратилась. И впервые в жизни, я увидела, как он уступает мне.

— Это только потому, что я так сильно тебя люблю. Ты ведь понимаешь это, правда?

Я улыбнулась, смотря в красивое, обеспокоенное лицо моего отца.

— Конечно, я знаю это. Почему ты думаешь, я терпеливо ждала все эти годы?

— Просто пообещай мне, что будешь осторожна. Всегда, Слоун. Наслаждайся жизнью и временем, которое тебе отведено. — Он быстро взглянул на Хейми, через мое плечо. — И, постарайся сделать правильный выбор.

— Пап, все, что я хочу — наслаждаться жизнью. Но я не могу этого делать, будучи запертой в башне из слоновой кости.

— Знаю, знаю. Просто это очень трудно. Тяжело отпустить. Надеюсь, что у тебя когда-нибудь будут дети, и ты узнаешь, каково это.

— Надеюсь, Господь будет милостив ко мне, — печально произнесла я.

Папа сжал мою руку, и еще раз оглянулся на Хейми.

— Я доверяю тебе одно из самых ценных сокровищ, которые у меня есть. Не заставляй меня преследовать тебя.

— Я понимаю, сэр, — кивнул Хейми.

Я встала на носочки, чтобы поцеловать отца, прежде чем забежала в дом, чтоб собрать небольшую сумку для ночлега и захватить книги для завтрашних занятий. Я была рассеянна и чувствовала, как адреналин наполнял мою кровь, так как, наконец-то, я действовала по велению сердца, а не разума. Единственное о чем я могла сейчас думать — Хейми, и то, где я буду сегодня ночевать!

Глава 28. Хейми

— О чем ты только думал, чувак? — спросил я самого себя в тишине, которая окружала меня в машине. В сотый раз, я посмотрел в зеркало заднего вида, чтобы убедиться, что Слоун все еще там.

Честно говоря, я и не знал, что думать. Или, если я вообще мог думать. Я знал, что лучше не связываться со Слоун. Особенно, сейчас. И, особенно, в чем-то-другом-чем-сексуальным способом. Но я заставил себя найти ее, стоя перед ее домом посреди ночи, заметив пулевые отверстия на сайдинге, проходя через море латунных гильз, чтобы добраться до нее — святое дерьмо! Этот момент был... глупым. Я был потрясен. И по какой-то причине немного боялся — за Слоун и то, что могу потерять ее. Это было чувство вины. Конечно, было чувство вины. Это было просто ошеломляюще. Что будет, если я что-то сделаю не так, несмотря на осторожность? Подвергну Слоун опасности? Как, черт возьми, я смогу остаться самим собой после этого?

Желание вытащить ее оттуда было сильнее. Чертовски сильным. Я благодарен за мой нормальный довольно спокойный характер. Это позволило мне быть уверенным и равнодушным перед ее отцом и никогда не показывать, что я действительно чувствовал. Так что это хорошо. Но теперь... теперь я на пути к своему дому со своей девушкой, и мне не стоило портить отношения с ее семьей, на которую мне хочется очень пожаловаться. Но она ничего об этом не знала. Но я везу ее к себе домой. Это действительно довольно глупо.

Однако сейчас нет пути назад. Я увидел впереди поворот. Я ехал по улице, по которой ездил последние два года и остановился на подъездной дорожке перед арендованным домом, я звонил домой в течение последних двух лет, со Слоун, следующей за мной.

Я заглушил двигатель, сделал глубокий вдох и вышел из своей машины. Я обошел машину и со стороны Слоун открыл заднюю дверь, чтобы вытащить сумку, которую я видел там раньше.

— Черт, эта штука весит целую тонну. Что у тебя здесь, тело?

Слоун выскользнула из-под руля и ухмыльнулась мне.

— Разве ты не хотел бы узнать?

Напряженная тишина возникла между нами, пока мы поднимались по мощеной дорожке к передней двери.

— Это просто прекрасно, — сказала Слоун, рассматривая двухэтажное строение в средиземноморском стиле.

— Спасибо.

— Твой?

— Конечно, он мой. Мы не просто так выбрали дом и сделали его под себя.

Слоун закатила глаза.

— Я знаю это, не умничай. Я просто спросила у тебя, ты им владеешь.

— Нет, он арендованный, любопытная.

— Эй, ты не должен винить девушку за попытку спросить. Ты такой скрытный. Я очень мало знаю о тебе. Боже мой, я даже не знаю твоей фамилии.

Я остановился перед тихо журчащим фонтаном, который находился слева от входной двери.

— Это беспокоит тебя?

Она пожала плечами, но не встретила взглядом со мной.

— Нет.

— Лгунья.

Ее глаза встретились с моими глазами.

— Нет, серьезно. Каждый имеет право на свои секреты.

— Но?

— Нет никаких «но», — сказала она, опустив вниз свои глаза, когда я шагнул к ней.

— А какие у тебя секреты, Слоун, — спросил я, приподняв пальцем ее подбородок, заставляя посмотреть на меня.

— Если я расскажу тебе о них, они уже не будут секретами, не так ли?

Я вглядывался в ее лицо. Она наивна и прекрасна, и немного таинственна. Она многое скрывала. Мне казалось, она видела много того, что таким девушкам как она видеть не стоило. Мне хотелось защитить ее от этого, но я понимал, что и сам могу принести ей немало неприятностей.

— Наверное, нет, — мягко ответил я, — но ведь это не так уж и важно, знать мою фамилию или мою историю. Зато я знаю тебя, ты сильная и упрямая, и ты сладкая как мед, когда таешь в моих руках.

Я заметил, как изменился ее взгляд, ее глаза загорелись таким жаром, от моих слов и мыслей. Нужно было немного сдерживать свои желания, особенно, когда я собирался ночевать с ней в одном доме.

— Хейми, я...

Я отрезал ее, прежде чем она смогла закончить предложение. Я не должен был вести нас по этому пути. И сейчас я отчаянно пытался изменить траекторию.

— Слоун, ты уверена, что хочешь быть здесь? В смысле, твоего отца сегодня чуть не убили. Я не хочу забирать тебя из семьи, если ты хочешь быть сейчас с ними.

Я снова увидел изменения в ее взгляде, на этот раз в нем было волнение. И осознанность. И сожаление. И вина. Я мудака. Эгоистичный засранец, которому просто нужно очистить свою совесть. Чтобы спасти ее от одного бедствия, я ударил ей в лицо несправедливой и необоснованной виной. Это дерьмовый поступок. И очевидно, что я дерьмовый парень.

— Я... я никогда не думала об этом вот так. Я имею в виду, я знала, что они все просто хотят знать, что я в безопасности, но... Боже, а что, если что-то случится ночью? — Я видел, что ее страх легко перерастал в панику. — Что, если Скотт так и не вернется? Боже мой, что, если эти люди вернутся? Чтобы закончить то, что начали?

Она подняла на меня свои большие, бездонные глаза, округленные от беспокойства и посмотрела на меня умоляющим взглядом. Избавить ее от переживаний, беспокойства и страха. И как бы абсурдно это ни звучало, я чувствовал, что должен дать ей это. Чтобы стереть ту неуверенность и страх, что портило ее прекрасное лицо.

— Только трус, мог совершить то, что произошло сегодня. Но трус не вернется сразу. Не тогда, когда его могут разыскивать. Проверено. И ты действительно права. Твой отец и братья хотели бы, чтоб в первую очередь, ты была в безопасности. Если они не будут беспокоиться о тебе, то смогут сосредоточиться на решении вопросов, уделить больше внимания там, где это нужно.

Слоун медленно кивнула головой. Затем она закрыла глаза, без сомнения, чтобы не видеть ужасных картинок, которые я ей напомнил, на которых ее семья истекает кровью от огнестрельных ран.

Да, я определенно дерьмовый парень.

— Да, ладно. Ты можешь позвонить им, и спросить, как обстоят дела. И потом, сегодня вечером, ты в безопасности. Со мной. До тех пор, пока тебе это нужно.

Я начал вышагивать по дому, Слоун последовала за мной, и я едва услышал ее вопрос.

— Хейми, а что с Сашей?

Я остановился, и повернулся к ней с суровым взглядом.

— А что с Сашей?

Она пожала плечами.

— Ну, я знаю, ты говорил, что сейчас между вами ничего нет, но было, я только хотела бы знать, знает ли она. Я имею в виду, почему она вернулась?

Я шагнул к Слоун, убрал ее волосы от лица.

— У нее некоторые финансовые проблемы, поэтому она вернулась. Она просто поработает в салоне до тех пор, пока не встанет на ноги. И все. Ничего более. И да, она знает об этом тоже. Саше нечего делать с... ничего.

Я увидел облегчение на ее лице. Интересно, как долго она об этом думала, беспокоилась, снова и снова пережевывая это в своей голове. Если б я знал, то я давно бы сказал ей об этом. Думать еще и об этом, сегодня вечером, со всем что случилось...

Она кивнула и улыбнулась, и я понял, что ей стало легче. Я пошел дальше подниматься по лестнице.

Я показал Слоун самую большую гостевую комнату из четырех имеющихся. Это не был большой дом, ничего общего с тем, как я обычно жил, но затемнено было больше по сравнению с ее домом. Я не был удивлен, что он впечатлил ее.

— Ух, ты! Это в три раза больше моей комнаты

Я положил ее сумку на край огромной кровати.

— Надеюсь, тебе будет удобно здесь. Я хочу, чтобы ты чувствовала себя как дома. Все что есть в доме: бассейн, горячая вода, сауна, спортзал, кухня, — все, что тебе нужно, в твоём распоряжении.

— Спасибо, что привел меня сюда, Хейми. Я действительно ценю это. А те не... не...

— Не что? Принести твои вещи в мою комнату? — Я увидел, как у нее покраснели щеки, и я понял, что правильно догадался. — Слоун, у тебя не простое время. Я бы никогда не осмелился подумать, что ты хотела бы провести со мною ночь. — Я увидел, как она нервно глотнула, и мне захотелось, чтобы она почувствовала себя свободно. — Я не хочу сказать, что я не мог бы проявить чудеса и сделать так, что ты захотела бы провести со мною ночь. — Я широко улыбнулся ей, и она улыбнулась в ответ. — Но сейчас было бы не подходящее время. Поэтому сегодня вечером, руки прочь. — Я поднял руки в подтверждение моих слов.

Слоун шагнула к кровати и провела пальцами по роскошной белой простыне.

— Ты не мог бы побыть со мной какое-то время? — сказала она тихим голосом. — Я только..., я только не хочу быть здесь одна.

— Конечно, — сказал я, направившись к ней. Я положил руку ей на спину, чтобы она повернулась ко мне лицом. — Я останусь, пока ты не уснешь. Как тебе?

Я увидел по ее нерешительной улыбке, что она хотела бы большего, но она довольствовалась и этим. Я предупредил ее.

— Звучит неплохо. Пока тебе это не надоест.

— Обнимать такую горячую штучку? Хмммм, нет. Мне это не надоест. — Я наклонился, чтобы оставить на ее губах легкий поцелуй. — Уже поздно. Почему бы тебе пока не приготовиться ко сну? А я скоро вернусь.

Она снова кивнула и растянула свою сумку. Меня ничуть не удивило, когда всего через несколько секунд, после моего ухода я услышал, как она разговаривает по телефону. Наверняка со своим отцом. И хотя Слоун хотела немного свободы, и расправить крылья, она, очевидно, все же очень была близка со своей семьей. И если с кем-то из них что-то случилось бы, это разбило бы ей сердце. Даже, если ее семья — это гребанные полицейские.

И куда, черт подери, это могло меня привести?

Я прошел через дом, проверил все двери, наспех выпивав пиво, ждал, пока Слоун будет готова, давая ей немного пространства. Когда я поднялся наверх, напряжение в джинсах

становилось почти болезненным. И не важно, уместно это или нет, но если она будет давить на меня сегодня ночью достаточно сильно, то я возьму, то, что хотел, без всякого сожаления.

Но когда я открыл дверь в ее спальню, то с немалым разочарование обнаружил, что Слоун мирно спала, свернувшись калачиком под одеялом.

Я выключил свет и развернулся, чтобы выйти из комнаты. В этот момент, Слоун издала какой-то звук. Ничего конкретного, типа слова или имени, просто звук. Я возвратился и остановился возле кровати. Не знаю, что за желание с подвигло меня, принять это решение. Но я снял ботинки, проскользнул под одеяло и вытянулся рядом с ней.

Глава 29. Слоун

Хорошо, что на этой неделе была моя очередь возить нас в школу. Сара была бы очень удивлена, когда остановившись возле моего дома, обнаружила бы перед собой такую разруху.

— О, Боже мой, ты это не серьезно! — воскликнула она, когда я рассказала ей что случилось.

— Кто мог сотворить такое дерьмо?

— Я не знаю. Мафия. Дьявол. Обама.

Смотря на ее широкую улыбку, я качнула головой.

— Нет, я не выдумываю, это сумасшествие какое-то.

— Ну, и как поживают братья Локка сегодня утром? Наверное, разъезжают на полицейских машинах в поисках этих преступников?

— Конечно. Скотт преследовал машину, в которой, как мы думали, и был тот парень, но мы поздно получили информацию о нем, поэтому Скотт упустил его машину. Стивен был на работе, у него незаконченное дело, поэтому он работал всю ночь. Ну, а Зиг... он, ну ты знаешь как он. Скорее всего, он просидел всю ночь на веранде с банкой пива и ружьем в руках.

— И ухмыляясь.

— Да, и ухмыляясь. Я уверена, он считает это забавным.

— У этого парня искаженное чувство юмора.

— Он болен. Но, знаешь, если бы кто-то пострадал, этим людям было бы гораздо хуже иметь дело со Стивеном. У него очень жестокий характер, если его зацепить.

— Ну, по крайней мере, тебе не нужно участвовать во всей этой драме.

— И держу пари, что было много крику. Мне бы хотелось посмотреть, на их реакцию, когда отец сказал, что я не осталась дома прошлой ночью. Бьюсь об заклад, было много колоритных слов. И наверняка, никто из них ни разу не сказал слова «Фак».

— Кстати, как долго ты собираешься притворяться, что нет ничего страшного, в том, что ты провела прошлую ночь с горячим Хейми?

— Я и не притворяюсь. К сожалению, это правда. Ничего такого не было, из того что ты могла бы подумать.

— Что? — возмутилась Сара. — Что, черт возьми, с ним не так? Как может такой парень отказаться от идеальной возможности залезть в трусики?

После прошлой ночи, я тоже задавалась этим вопросом и переживала.

— Он не хотел воспользоваться ситуацией, к тому же, я уснула.

— Ты уснула? Боже мой, Слоун, я не могу в это поверить, когда же, наконец, это свершится?

— Сара, у меня был очень тяжелый день.

— Я знаю, но блин! Ты только посмотри на этого парня.

Я вздохнула, а образ прекрасного лица и идеального тела Хейми, пронесся в моей голове миллионный раз.

— Я понимаю. А знаешь, что было хуже всего?

— Хуже всего?

Я кивнула.

— Когда я проснулась сегодня утром, то он был в постели рядом со мной. Лежал на боку, лицом ко мне, как будто прошлой ночью он уснул, наблюдая за мной.

Я увидела, как у Сары открылся рот от удивления.

— Слоун, но это же, не хуже всего, это лучше всего! Что, если этот парень реально что-то чувствует к тебе? Что, если это не просто сексуальное влечение?

— Хотела бы я, чтоб это было правдой, а вдруг это не так? Что, если он потерял ко мне интерес?

Я была бы просто опустошена. И не только из-за того, что он потерял ко мне интерес, но, и, если бы узнала, что он никогда не испытывал того же, что я чувствовала к нему.

Я была бы убита горем.

— Слоун, мужчины не делают таких вещей для девушек, к которым они потеряли интерес. Они могут вежливо улыбаться, или открыть перед девушкой дверь, но, потом они просто исчезают. И уж точно не помогают упаковать вещи и приводят к себе домой, чтобы потом уснуть с ней вместе. Это звучит как нечто большее, чем потерять интерес.

Я боролась с желанием закрыть глаза и упиваться ее словами. Молясь, чтоб ее слова оказались правдой.

— Надеюсь что так. Наверное, я просто боюсь сильно углубляться.

— Почему? Ты же всегда говоришь, что хочешь раскрыть крылья и открыть новые возможности. Ты не сможешь этого сделать, немного не рискнув. Даже, если, потом придется страдать.

— Но что, если это приведет не к маленьким страданиям, а к тотальному краху?

— Тогда нужно постараться выжать из этого каждую прекрасную минуту, каждое мгновение. Чтобы потом, когда нужно будет оглядываться назад, было что вспомнить и ни о чем не сожалеть.

— В этом нет никакого смысла, ты же это понимаешь?

— Понимаю, но звучит хорошо. — Остаток пути мы ехали в тишине. И только, когда я свернула на парковку, Сара снова заговорила.

— Так, и что дальше? Ты собираешься туда вернуться?

— Я не знаю.

— Разве он ничего не говорил об этом сегодня утром?

— Я не знаю, я его не видела.

— Я думала, ты провела ночь в его объятиях?

— Да, так и есть. Но он... он сказал мне когда-то, что никогда не оставляет девушек на завтрак. Я не знала, захочет ли он меня видеть утром. Поэтому, пока он спал, тихонько выползла из постели, быстренько приняла душ и ушла.

— Ты просто ушла? Вот так просто?

— Ну..., я оставила записку.

— И что в ней?

— Спасибо, за безопасность.

— Черт, это было довольно холодно.

— Почему холодно? Я не хотела доставлять ему неудобства. Или выглядеть жалкой и глупой.

— Хорошо. И знаешь, наверное, так даже лучше, держать интригу. Побудь немного загадочной.

— Да уж, — фыркнула я, — потому что я такая загадочная!

Я сразу же вспомнила о Саше. Теперь она казалась более загадочной. Она тот тип женщин, который подходил Хейми. К которому он привык. Который его привлекал. С которыми он оставался на завтрак.

— Слоун, в тебе есть что-то, из-за чего его тянет к тебе. Кто знает, что это, но ты должна этим пользоваться. Ты будешь жалеть, если не сделаешь этого, обещаю тебе.

— Не давай обещаний. — Пробормотала я рефлексивно.

— Так и знала, что ты это скажешь. — Вздохнула Сара.

— Потому, что я права. И мы обе это знаем.

Вытащив ключ из замка зажигания, мы с Сарой пошли к квадруму. Когда дорожка поделилась, то она пошла в одну сторону, а я в другую.

— Увидимся позже, — весело говорила Сара.

Я кивнула и улыбнулась, внезапно потеряв интерес к предстоящему дню.

Глава 30. Хейми

Я не мог решить что глупее — встретиться с отцом Слоун, или попросить его позволить ей остаться со мной. Не то, чтобы она не могла принять это решение самостоятельно, просто я не хотел просить ее об этом. Не знаю почему. Это было бы слишком. И для Слоун, и для меня. Я не хотел ее в это впутывать. Это было бы неправильно. Но, если бы я просто помогал ей... делал что-то хорошее для нее и ее семьи...

Мне казалось, что чтобы я ни делал, я никогда не смогу избавиться от мучительного чувства вины. Но я все равно хотел попробовать. Я так хотел, чтоб это чувство, у меня в кишках, было, лишь чувством вины, а не чем-то более нежным, более глубоким. Потому что, если я ошибался, то это может стать большой проблемой, для нас обоих.

Я сделал ставку на то, что он окажется дома сегодня. И не прогадал. Потому что, когда я подъехал к их дому, то он стоял на крыльце и разговаривал по телефону. По двору еще валялись фрагменты ленты с места преступления. Не трудно было догадаться, что всю ночь тут были люди: собирали улики, регистрировали и все такое. Все-таки это семья полицейских. А они, конечно, заботятся о своих. Это несколько напрягало меня.

Когда я приблизился к нему, то он закончил телефонный разговор.

— Ладно, просто держи меня в курсе, — сказал он, прежде чем отключить свой мобильный телефон. — Что ты здесь делаешь? — спросил он меня прямо. Я оценил это. Мне нравилось, когда говорят прямо в лоб, а не ходят вокруг да около. Большинство членов моей семьи такие. Мне это нравится, даже если я сам не всегда честен.

— Я подумал, что могу заглянуть и узнать, прояснилось ли что-то о случившемся? И еще сказать, что со Слоун все в порядке, она утром уехала в школу. — Это единственное, что мне удалось выяснить, когда я написал ей смс, а она ответила, что на занятиях и с ней все хорошо.

— Хорошо, спасибо, что присмотрел за ней.

— Нет проблем, рад был помочь. Мне нравится Слоун.

Мистер Локк прищурился.

— Я вижу это. — Я ничего не сказал. Он может думать, что захочет, о моем отношении к Слоун. Я уверен, какие бы выводы он ни сделал, это будут правильные выводы. В этом я не сомневался.

— Вам удалось выяснить, кто за этим стоит?

— Нет, пока что. Но выясним. Ты, наверное, знаешь, про угрозы Стивену, а я уверен, это как-то связано.

— Но ведь Стивен был на работе прошлой ночью, правильно?

— Да.

— Ну, тогда, если они пытались достать его, то зачем стрелять в дом, где его нет?

— О, это, скорее всего предупреждение, и инструмент. Чтобы получить то, что они хотят. Они думают, что смогут им манипулировать.

— О чем это вы?

Он опять прищурился.

— Мне неудобно обсуждать это с тобой.

Я кивнул.

— Я понимаю, сэр. Вот что: я думаю, что пока вы с вашими людьми не разберетесь с этим делом, возможно, было бы лучше, чтобы Слоун осталась со мной? Я живу отдельно, не думаю, чтоб кто-нибудь видел ее со мной. Но, если, даже, и так, вряд ли они будут искать ее у меня.

— Ты очень сильно интересуешься моей семьей.

— Меня интересует только Слоун. И я должен убедиться, что она не попадет под перекрестный огонь.

— И что ты для этого сделаешь? — Я увидел недовольство и упрек в его глазах.

— Просто знать, что она в безопасности. — Всплеск вины охватил меня. Точнее большую часть моих рассуждений. Но остались еще. — По крайней мере, пока у вас не будет больше свободного времени, чтобы добиться успеха в... этом, — сказал я, кивая на различные отверстия в его входной двери. — Я стараюсь быть вежливым, сэр.

Я увидел, как его ноздри раздувались. Ему это не понравилось, но он больше не мог спорить.

— Поскольку она так любит разговаривать со мной, Слоун достаточно взрослая, чтобы самой решать за себя.

— Вы правы. Я просто хотел поговорить с вами об этом. И я заберу те вещи, которые вы собрали для нее, все самое необходимое. Кое-какую одежду, потому что с завтрашнего дня она больше не будет ходить в школу.

Он фыркнул, поворачиваясь к дому, открыл входную дверь и кивнул мне, в знак того, чтобы я следовал за ним. Я, заходя в прихожую, закрыл за собой дверь. Здесь я был так давно, раньше, до того, как взял с собой Слоун на пляж. Ничего нет экстравагантного. Ничего похожего на то, что в этом доме может быть кучка полицейских. Я видел, как водит Стивен. Опять, ничего нет в этом экстравагантного. Он должен зарабатывать деньги. Так, где же они? Либо он спрятал их, либо я ошибался.

Впервые за два года, я очень надеялся, что ошибался. Я очень надеялся, что мой поиск еще впереди. И виновником окажется тот, кто никак не будет связан со Слоун.

Я написал Слоун после обеда, чтобы сообщить ей, что она может остаться со мной, пока ее семья не приведет все в порядок. Я немного разозлился, что ее здесь нет. Хотя ее ответ заключался в благодарности, и я надеялся, что она заедет ко мне после школы. Я имел в виду, куда она еще сможет пойти? Уже почти семь, приблизительно в это время она уже должна была подъехать, но я не слышал никаких слов от нее.

Когда зазвонил колокольчик над входной дверью, я развернулся на стуле в своей маленькой комнате так, чтобы можно было видеть холл. Я увидел, как Слоун идет в мою сторону. Я встал и пошел навстречу.

Я почувствовал, как нахмурился лоб, когда я пересек комнату, и мое раздражение нарастало.

— Где ты была? — спросил я, вместо приветствия.

Она удивленно посмотрела на меня.

— Что ты имеешь в виду? Я должна была приехать пораньше?

— Я написал тебе, что ты можешь остаться со мной.

— Я знаю, — сказала она с небольшой улыбкой. — Я получила его. Ты разве не получил мой ответ?

— Да, но я надеялся, что ты придешь сюда сразу после школы.

— Я не хотела беспокоить тебя, пока ты работал. Я зашла к себе домой и заодно переделалась.

— Разве тебе твой отец не сказал, что я был там?

— Нет, его не было там. Никого там не было.

— Слоун, какого черта ты думала? Никого не было дома, и ты все равно пошла туда?

— Конечно, да, — сказала она, нахмутив свои брови. — Почему бы и нет?

— Потому что это глупо, вот почему.

— Что случилось с тобой? Ты ведешь себя, как один из моих братьев.

— Меня раздражает то, что ты можешь быть такой неосторожной и безответственной, — объясняя ей это, я отказывался признать, что мое сердце наливалось свинцом, просто думая о том, что кто-то может напасть на нее, пока она была там. В одиночестве.

Я увидел, как ее подбородок поднимается, и я понял, что сказал что-то неправильно.

— К счастью, я не обдумываю каждое свое решение, которое основывалось бы на твоей осторожности и ответственности.

— Слоун, это не то, что я имел в виду. Я имел в виду...

— Я точно знаю, что ты имел в виду, Хейми, и мне не нужен еще один брат. Или другой отец. Вокруг меня столько людей, которые следят за каждым моим шагом, и пытаются держать меня подальше от всех возможных опасностей, которые могут причинить мне вред. Но я скажу тебе, то, что сказала им — я не собираюсь жить в страхе, Хейми. Не собираюсь! Жизнь слишком коротка, чтобы обдумывать каждый шаг, потому что мне станет больно или это может привести к плохим последствиям. Я никогда не смогу насладиться счастьем, если буду так жить. Я думала, ты поймешь. Я думала, что ты чувствуешь то же самое. Что же случилось с «Жить, без сожалений»?

— Веселиться и быть свободным, вовсе не означает, что ты должна делать глупые вещи, которые могут навредить тебе, Слоун.

— Да неужели? Разве это не риск? Что-то делать, несмотря на то, что ты можешь от этого пострадать?

— В маленьких масштабах, да. Но это твоя жизнь. Это не какая-то там выпивка, чтобы с помощью нее насолить своим братьям или сделать татуировку, чтобы доказать всем свою точку зрения.

— Это ты так думаешь о том, что я делаю? Бунтую? Доказываю свою точку зрения?

Ее уровень расстройства был непропорционально тому, что я пытался сказать ей, но я не знал, как еще сказать это по-другому.

Я вздохнул, протягивая руки, чтобы ласково погладить Слоун за плечи.

— Послушай, я не так представлял наш разговор. Ты говорила, что хочешь слышать от меня правду, вот она. Я не пытаюсь тебя контролировать. Или ты босс. Я просто волновался. Вот и все. Я просто плохо это объяснил.

Я увидел, что выражение ее лица смягчилось.

— Мне нравится, что ты беспокоишься обо мне, — сказала она, делая шаг ближе ко мне. — Мне это очень нравится. — На щеках появился румянец и улыбка на ее лице. Но когда она продолжила, ее глаза были серьезными. — Но ты должен верить мне, я знаю, что я делаю. И я достаточно взрослая и умная, чтобы сделать это. И со мной была Сара. Зиг покинул дом за несколько минут до моего появления. Полицейские были там и ходили весь день. Я не чувствовала, что, учитывая все обстоятельства, это было бы слишком опасно, чтобы подняться наверх, среди бела дня, и собрать кое-какие вещи, прежде чем я отправилась к Саре на некоторое время. Но я так же не чувствовала, что мне придется кому-то и что-то объяснять.

Теперь, я чувствовал себя идиотом.

— Прости меня, что я сорвался. Я должен был дать тебе шанс усомниться. Я был... Я был очень взволнованным.

Она кивнула, делая еще один шаг ближе ко мне.

— Поэтому ты хочешь, чтобы я осталась с тобой?

— Конечно, я хочу, чтобы ты осталась со мной. Иначе, я не стал бы предлагать тебе.

— Ты уверен в этом? Я имею в виду, что это отличная идея.

Я нахмурил брови.

— Слоун, я уже говорил тебе, что я эгоист. Это я эгоист. Я больше не пытаюсь держаться от тебя подальше.

Эта новость озадачила как меня, так и ее. Нужно было быть готовым к битве, с отговорками, и лучше высказать все. Я не знал, когда я почувствовал вину. Возможно, когда я понял, что Слоун может быть в моем доме, в моей постели — все будет для меня, если я правильно все сделаю. Я не мог упустить еще одну возможность.

— В самом деле?

— В самом деле.

— Тогда, во что бы то ни стало, будь эгоистичным, — сказала она, улыбаясь мне.

— Ты не должна выглядеть такой довольной. Твоя добродетель, может быть, в опасности.

— Так даже лучше.

Я игнорировал то, как мой член напрягался, только думая о том, куда идет этот разговор, и как теперь мне справиться с этим.

— Говоря об эгоизме, почему ты не разбудила меня, когда ушла сегодня утром?

Ресницы Слоун затрепетали, скрывая глаза от меня, и я почувствовал, как она напряглась.

— Зачем мне надо было это делать? Ты был довольно любезным, чтобы я осталась, и ты смог бы присматривать за мной всю ночь. Я не хотела... Я имею в виду... — она замолчала, и я увидел, как ее язык прошелся по губам, смачивая их. Нервный жест. Наконец, она подняла свои глаза и посмотрела на меня. — Послушай, Хейми, я помню все разговоры о завтраках. Я знаю, как ты к этому относишься, к женщинам..., которые оставались. Я просто... Я просто не хотела, чтобы ты думал, будто я что-то ожидаю от тебя. Вот и все.

Мне нравились женщины, которые знают, когда им пора уходить. Мне всегда это нравилось. Без одолжений. Без обязательств. Просто два взрослых человека. И когда все заканчивалось, мы просто расходились. До следующего раза. Если, конечно, будет следующий раз. Но тогда почему я взбесился, когда утром нашел записку на кухне? Почему я был так зол, когда понял, что Слоун ушла, не сказав ни слова?

— Это другое. Тебе не нужно беспокоиться об этом. Это... это просто другое, — повторил я, не в силах дальше объяснить это.

Слоун кивнула и тихонько сказала:

— Хорошо.

Между нами возникла напряженная тишина, и я почувствовал, что нужно быть искренним.

— Итак, ты поела?

— Да, мы с Сарой поели.

Я кивнул, вычеркивая этот вариант из списка. Я не знал, почему я вдруг чувствовал необходимость, чтобы побаловать Слоун, чтобы показать ей, что она не просто еще одна девушка, с которой я переспал, а потом смотрел, как она уходит. Я хотел быть с ней. Я хотел смотреть на нее, когда она пробует что-то новое, прикасается к новым вещам. Я хотел наблюдать за ней, как утром она открывает глаза. И хочется признать, я хотел их рассмотреть еще ближе, когда мой член войдет в нее. И теперь у меня есть прекрасная возможность сделать все это. Необходимо было вытащить ее из моего мира, прежде чем она узнает слишком многое и научится ненавидеть меня.

— У меня идея. Почему бы нам сегодня вечером не выйти из нашего дома и сходить куда-нибудь в клуб или в какое-нибудь другое место? Позволить тебе избавиться от напряжения? Я думаю, ты заслужила... отдых.

Ее улыбка стала шире, а глаза мгновенно засияли.

— Звучит здорово. Но можем ли мы сделать это? Я имею в виду, не будет ли хозяин...

— Это только на одну ночь. И у нас сегодня будет много людей. Я планировал сегодня заняться нашими татуировками, но мы можем сделать это в другой раз.

Слоун посмотрела на свою одежду.

— На самом деле, у меня нет ничего подходящего для чего-то подобного.

— Это должно быть замечательно, — сказал я, хватая ее крошечные черные шортики и белую футболку с одним плечом. — Поверь мне, ты можешь надеть мешок и быть самой горячей девушкой в подобном месте.

Мне понравилось, как ее щеки становились более розовыми и круглыми, пока я разговаривал с ней. Конечно, это, правда, но я, вероятнее всего, не скажу ей, что я так часто думал об этом, если она не отреагирует каким-то образом.

Или, может быть, я сделаю это.

— Если ты думаешь, что это будет хорошо...

— Ты будешь выглядеть замечательно. Я знаю хозяина того места, куда мы пойдем. Тебе как раз подойдет.

Меньше чем через час, я провел Слоун через двери клуба в центре города. Это клуб «Возбуждение», и все, что находилось внутри четырех стен — было ориентировано на возбуждение. И я готов был поспорить на деньги, что Слоун еще не была в подобных местах. Черт, я даже не был уверен, что она этого хотела. Но она уже здесь. И сегодня она должна получить удовольствие, а не стресс, она должна постараться расслабиться, а не напрягаться.

Мы прошли через вторые двери, а тяжелая музыка задавала тон происходящего. Все работало. Диско шар — красные и черные цвета, освещение — тусклое и пульсирующее, и, все это создавало чувство полной свободы. Даже густой и влажный воздух создавал атмосферу этому месту. Было похоже на то, как будто кто-то переместил клуб в центр джунглей. Каждый из присутствующих выделял тепло. И соответственно, поднималась температура.

Проходя между двумя поднятыми клетками, в которых танцевали полуобнаженные девушки, я отвел Слоун к бару и заказал нам, двоим выпивку.

— Ты когда-нибудь пробовала спиртное?

— Однажды.

— Ну, тогда я не буду ждать, пока ты напьешься, чтобы ты почувствовала себя взрослой и свободной, поэтому я предлагаю выпить по глотку спиртного, и затем пойти на танцпол. Ты как?

Слоун улыбнулась мне, а ее крылья едва заметно ослабли и раскрылись перед моими глазами.

— Черт, да!

Я улыбнулся. Я почувствовал, что облизываю губы. Что-то подсказывало мне, что на сегодня есть что-то вкусное в меню.

Бармен дал нам два стакана, каждый из которого украшала лимонная долька на краю стакана и солонка. Я кивнул и передал ей стакан.

— Мы начнем с текилы, в основном, потому что после нее станет веселее, — объяснил я. — И потому, что сегодня я хочу воспользоваться любым предлогом, чтобы прикоснуться к тебе.

Улыбка Слоун появлялась очень медленно.

— Мне нравится, как это звучит. Что я должна делать?

— Я покажу тебе, как выпить твою первую текилу. Потом я выпью свою. — Я взял руку Слоун в свою и облизнул ее, слизывая соль с влажной поверхности. Я переместил стакан в другую руку. — Слизни соль, выпей текилу, а затем я дам тебе лимон, хорошо?

Слоун кивнула.

— Сейчас?

— Прямо сейчас.

Ее темные глаза заблестели от жары. Легко было сказать, что она была готова погрузиться в эту ночь вместе с тем, что у нее есть. И я собирался убедиться в том, что она забудет о своих заботах. По крайней мере, на одну ночь.

Взглянув на меня, Слоун подняла свою руку и слизнула соль. Я не знал, делала ли она это так медленно специально или только потому, что она наслаждалась вкусом. В любом случае, наблюдая, как ее розовый язык облизывал ее кожу, мой член дернулся. Когда она слизнула всю соль, то подняла стакан и выпила текилу одним глотком. Она была прирожденная пьяница. Не отрывая глаз от моих, она поставила стакан на бар и стала ждать. Я преподнес лимон к губам, проводя мягкой частью между губами.

— Соси.

Я увидел, как ее пышные губы и мелкие белые зубы вонзились в сочный цитрус. Я почувствовал, как она сосет, когда прислонилась ко мне.

— Ммм, — пробормотала она, когда закончила. — Вкусно. Твоя очередь.

Она схватила солонку и протянула руку, но я остановил ее.

— Нет, свой стакан я выпью немного по-другому. — Волосы Слоун сегодня обнажили ее изящную и длинную шею, и женственный изгиб плеча. Футболка, которую она сегодня одела, имела спереди глубокий вырез. Место, к которому я хотел прикоснуться губами, было обнаженным, как будто она специально, так оделась для этой ночи со мной.

Я склонился вперед и, прикоснулся губами и языком в самое нежное место, где ее шея встречалась с плечом, и наслаждался вкусом ее кожи, и тем, как она склонила голову набок, давая мне лучший доступ. Я слизнул соль с влажного места и взял свою дольку лимона.

— Открой.

Губы Слоун приоткрылись и я положил дольку лимона между ними, пока не почувствовал, что она зажала лимон между губами. Обнимая ее рукой за талию, я подтянул ее близко к себе и потянулся за своим стаканом. Когда я опустил голову, чтобы слизнуть всю соль с ее кожи, то она растаяла во мне, запуская свои пальцы мне в волосы. Я повернул свое лицо в сторону и позволил огненной жидкости обжечь мне горло, и, затем прикусил дольку лимона, зажатую между губами Слоун. Я высосал весь сок из лимона, а потом забрал его у нее изо рта и поводил языком между ее губ, чтобы слиться с ней в поцелуе, который зажег мою кровь.

Ее рот был прохладным и, по-прежнему имел вкус лимона и соли. Все, о чем я мог думать, заключалось в том, чтобы проникнуть своим языком в другие отверстия и смаковать смешивание текилы, соленого лимона и сладкого, кремового аромата ее тела.

Мой разум был затуманен жидкостью, когда я откинулся назад, чтобы посмотреть ей в лицо.

— Готов поспорить, что ты не боишься забеременеть, не так ли? — вероятно, этот случайный вопрос, я должен был задать немного более деликатно. Но мой разум не был деликатным. Он был ненасытным.

Она улыбнулась мне.

— Вообще-то, да. Поэтому, я слежу за своими циклами.

Я был приятно удивлен. Я ожидал, что более опытные женщины, которых я встречал, следили за тем, чтобы они не забеременели и предохранялись. Но со Слоун, предохранение не являлось проблемой для девственницы. Но это не так. И это заставляло меня еще больше хотеть ее.

— Мне нравится, когда мать-природа дает мне некоторую слабость.

Слоун засмеялась, и я почувствовал, как хриплый звук прошелся через меня до моего члена. Каждая частичка меня хотела попасть вовнутрь этой девушки.

— Я никогда не была так довольна. До сих пор.

С неохотой, я выпустил ее, протягивая руку, и кивнул в сторону переполненного танцпола.

— Давай потанцуем. Прежде чем перебросить тебя через плечо и вынести отсюда.

— Ты не услышишь, как я буду жаловаться, — услышал я, когда она бормотала позади меня.

Я не думал, что она знает, какая она привлекательная. Но она такая.

Глава 31. Слоун

Я никогда себя не чувствовала более живой, как будто я заново почувствовала жизнь, а не позволила ей пройти мимо. Раздавленная между теплыми, извивающимися телами на танцполе, — все, что я могла чувствовать — тепло от Хейми, которое окружало меня, а его твердое тело терлось о мое в такт знойной музыки.

Его руки двигались по мне, а свет пульсировал вокруг меня. Он развернул меня спиной к себе и притянул, двигая бедрами вместе со мной. Огонь полился сквозь меня, заставляя мою голову чувствовать себя легкой, а мои конечности — тяжелыми.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он, а его губы щекотали мое ухо.

— Я чувствую себя прекрасно. Как насчет еще одной порции?

— Еще одна, — сказал он. — Я не хочу, чтобы ты напилась. Я хочу, чтобы ты почувствовала себя расслабленной, но также я хочу, чтобы смогла трезво думать. И ощутить... другие события.

Дрожь пробежала по моему телу.

— Тогда еще одна. Я не хочу пропустить... другие события.

Мне нравилось это чувство. Все эти чувства. Больше всего, мне нравилось быть с Хейми. Прикасаться и прикасаться к нему. Мне нравилось предвкушение, которое возникало между нами. Мне нравилось, что он наблюдал за мной, мне нравилось, что он немного веселил меня в не очень веселое время. Мне нравилось, что он пытался держаться подальше от меня, но он не смог, и больше не пытался. И он признал это. Мне нравился весь он и эта ночь.

— Оставайся здесь. Я скоро вернусь.

Я посмотрела через плечо, чтобы встретиться взглядом с Хейми. Они были темными и таинственными в мерцающих огнях клуба. Они также приказывали. Он хотел меня. Он не пытался скрыть это. И я не хотела, чтобы он скрывал это.

— Я буду ждать, — ответила я ему, провожая его взглядом, пока толпа не проглотила его.

Я запрокинула голову и наслаждалась низкими ударами. Музыка была громкой и всепоглощающей. Она заглушала все остальное. Все, кроме того, чего я не хотела бы пропустить. И это Хейми. Он — это то, чего я хотела сегодня вечером. Его и, малейшие переживания и ощущения, которые он сможет показать мне.

Я подняла руки над головой, наслаждаясь тем, как люди вокруг меня двигались и раскачивались в такт музыке. Ритмом руководила ночь. И я потеряла себя, потеряла себя в танце. Танце клабберов¹⁶. В танце меня и Хейми. Я просто согласилась с этим.

И я никогда не чувствовала себя так свободно.

¹⁶ клабберы — люди, которые знают толк в мире электронной музыке.

Глава 32. Хейми

Я шел обратно к Слоун, неся наши стаканы. Бутылка воды была прижата к моей талии. Ей нужна была вода.

Я двигался через плотную толпу людей, пока не появился просвет, через который я смог увидеть ее. Ее глаза были закрыты, и ее тело двигалось в такт низким ударам музыки. Я остановился, чтобы посмотреть на нее. Меня очаровало мягкое покачивание ее плеч, заворожило покачивание ее бедер. Как она двигалась... Черт, это так сексуально! Я не думал, что она осознавала, что это у нее от природы — привлекательность, которую она излучала, особо даже не напрягаясь. Я знал многих женщин. Многие женщины практиковали в получении того, чего они хотели, соблазняя мужчину, но не одна из них меня так не зацепила, как Слоун.

Я хотел ее. Я хотел заполучить все то, что она могла дать мне одному. Я хотел быть первым, который ей все покажет. И быть тем, кого она не сможет забыть. Она как чистый лист, которого так долго ждало мое искусство. Я хочу быть тем, кто будет трахать ее. Постоянно. Что-то из этой мысли заставило меня вернуться к первобытному человеку внутри меня — к животному и завоевателю.

Я сделал шаг к ней, и, словно почувствовав хищника, она открыла глаза, и они сразу же сосредоточились на мне. Ее губы изогнулись в изящной улыбке. Провокационная полуулыбка, которая заставляла меня думать о том, как затащить ее в постель, положить на живот и войти в нее сзади.

Я стиснул зубы. Мое терпение находилось на пределе.

Когда я остановился перед Слоун, то она взяла стакан из моей руки и слизнула соль на сгибе моей руки.

— Я буду первой, — сказала Слоун с опасным блеском в глазах. Прежде чем я начал спорить, она зашевелила своим языком по моей коже возле горла, а затем отстранилась, чтобы стряхнуть немного соли. Я почувствовал, как она упала мне на руки и на грудь, я сомневался, что она будет замечена в этом месте, и не переживала по этому поводу.

Ее губы и язык слизывали соль с моей шеи, а она откидывалась назад и сосала дольку лимона. Я увидел вызов в ее глазах, когда она смотрела на желтый кусок, между ее губ. Мое терпение исчезало, так как соль на ее языке.

— Знаешь что? — спросил я, потягивая ее ближе к себе, чтобы она смогла услышать меня. А также, чтобы я смог почувствовать ее.

— Что?

— У меня есть текила и лимоны, и соль, и музыка у меня дома.

Я откинулся назад, чтобы посмотреть на нее. Глаза цвета оникса исследовали меня. Она знала, что я сказал, и о чем я попросил.

— Тогда пойдем.

Я отдал свою порцию парню, стоящему позади меня, и взял за руку Слоун, ведя ее к двери. Я не смогу добраться до дома достаточно быстро.

Глава 33. Слоун

Когда я открыла глаза, и увидела, что Хейми смотрит на меня, я знала, что сегодня будет ночь, которую мы так долго ждали, чтобы сделать следующий шаг, каким бы он ни был. Но я хотела его. Больше всего на свете.

Я хотела его. Я хотела сегодня вечером. Я хотела прямо сейчас. Я хотела импульсивности, непринужденности. Я хотела страсти. И я собиралась сделать это.

Музыка была настолько громкой, что на обратном пути до дома Хейми, в пригороде Атланты, мы почти не разговаривали. Когда Хейми выключил двигатель, то он вышел из машины и подошел к моей пассажирской дверце, чтобы помочь выбраться из машины и повести меня к входной двери. Оказавшись внутри дома, Хейми выхватил сумку из моих рук и бросил ее на диван. Он повернулся ко мне, поглаживая мою щеку своей ладонью.

— Как твоя голова?

— Все нормально. Все прекрасно, — ответила я с улыбкой.

— Не слишком расплывчатая?

— Нет, просто незначительная... слабость.

— Тогда как насчет сауны? Тепло усилит шум, который ты чувствуешь сейчас, но я использую немного воды, чтобы ничего не вышло из-под контроля.

— Сауна хорошо звучит, — сказала я. И это так.

— Я очень надеялся, что ты это скажешь, — признался Хейми с усмешкой. — Вернусь, как можно скорее.

Через пару минут Хейми вернулся с ведром полного льда и множеством других вещей. Он взял меня за руку и повел по коридору через дверь. Деревянный пол сменился красивой плиткой, которая вела в короткий коридор, вдоль стен, у которого стояли огромные горшки с экзотическими растениями. Я почувствовала запах хлорки, и поняла, что бассейн близок.

Хейми остановился перед массивной деревянной дверью с крошечным окном наверху. Он возился с циферблатом на стене, а затем поставил ведро.

— Ты когда-нибудь была в сауне?

Я покачала головой.

— Нет, но я знаю, что это такое.

— Тогда ты должна знать, что там жарко и влажно. И мы пропотеем.

— Я знаю.

— Так что лучше иди без одежды.

Мне захотелось улыбнуться и застонать одновременно. Сегодня вечером что-то на лице Хейми и его приятный голос показались мне приятными во многом, я почти оказалась в недоумении под натиском чувств и предвкушения.

— Ну, не похоже, что ты не видел меня обнаженной.

Его глаза потемнели от холодного синего до темного, насыщенной ночи цвета.

— Как я могу забыть? — Он потянулся к краю моей рубашки. — Позволь мне помочь тебе, — сказал он, поднимая ткань.

Хейми снял мою футболку через голову и кинул ее на пол. Под ней оказался бюстгальтер без бретелек. Глаза Хейми смотрели на меня, как будто на мне ничего не было. Взяв меня за плечи, Хейми развернул меня лицом к двери и прижал меня к ней, поднимая мои руки над головой, прислонившись ладонями к дереву.

Я почувствовала, как его пальцы щекотали мои бока, пока он пытался расстегнуть застёжку бюстгальтера. Я вздрогнула, когда он прошелся руками по моему животу и вверх к моей груди. Я застонала и прогнула спину. Когда он переместил свои руки, чтобы взять мой

бюстгальтер, то он навалился на меня, прижимая мою обнаженную кожу к прохладной поверхности двери. Я задохнулась.

— Это поможет твоим соскам стать тверже? Холодная дверь против твоей горячей кожи?

Он не ждал ответа. И я не ответила ему. Я была слишком сосредоточена на его руках, когда они спускались по моим бокам, к краю моих шорт.

Когда Хейми коснулся моей спины языком, то я ближе наклонилась к двери, чтобы не упасть. Он прошелся языком по всему моему позвоночнику, когда он упал на колени позади меня. Его пальцы схватились за пояс моих шорт и потащили ткань вниз, по моим ногам, оставляя меня стоять перед ним в трусиках и на каблуках.

— У тебя аппетитная задница, — застонал он, лаская одну ягодицу языком, а потом слегка прикусил ее. Я выдохнула, чувствуя себя более легкомысленной, чем я, когда мы приехали сюда. Он спустил мои трусики на пол, вернув обратно свои руки на мои бедра. — И самые красивые ноги, которые я когда-либо видел. — Его руки даже не останавливались, когда я начала стонать. — Каждый раз, когда я смотрю на тебя сзади, я хочу схватить твою задницу и наблюдать, как ты будешь дрожать, когда пробежусь между твоих ног. Как сейчас, — сказал он, раздвигая мои ноги и пробегаясь кончиками своих пальцев по моей спине. Но он остановился, когда был так близко. Так близко...

Я почувствовала, что мне хочется застонать.

— Но еще нет, — сказал он, убирая руки, тогда я почувствовала себя пустой и неудовлетворенной.

Хейми оттолкнул меня от двери и открыл ее. Из сладко пахнущего помещения выходила струя пара.

— Посиди здесь. Я сейчас приду.

Я подняла туфли и зашла в сауну, двигаясь к широкому верхнему уступу, и присела на краешек. Когда я оглянулась назад к двери, то увидела, как Хейми снимает одежду и берет ведро со льдом. Его движения были быстрыми, когда он зашел в сауну и повернулся, чтобы закрыть за собой дверь. Когда он посмотрел на меня, с ведром льда и полотенцем, вокруг бедер, то я увидела, каким истинным мужским совершенством обладает Хейми.

Я, так или иначе, видела его голым, на пляже, а затем снова в отеле. Но у меня не было возможности любоваться им, когда он вот так стоял передо мной, практически без ничего, но настойчивый взгляд и татуировка, которую я нанесла на его кожу, захватывала дух.

Мои глаза прошли от его квадратной челюсти к широким плечам и, затем вниз по его мускулистым рукам. Я заметила его плоский, рельефный живот и его худые бедра, прежде чем мои глаза остановились на возбужденном придатке между ними.

Я и раньше видела голого человека в жизни, но такого никогда не было. Никто так не был удивительно пропорциональным. Или таким... большим. И это возбудило меня, очень очевидно, что и Хейми был взволнованным. Его эрекция была толстая и плотно прилегала к его нижней части живота, и стояла до середины пупка. У меня пересохли губы, просто думая о том, как он войдет в меня, но мое тело хотело этого. В ближайшее время.

Мой взгляд скользнул по бедрам Хейми, прежде чем посмотреть на него.

— Не волнуйся, маленькая девочка, — хрипло сказал Хейми. — Я покажу тебе, как использовать его прежде, чем закончится ночь.

Приятное тепло запульсировало между моих ног и я кивнула.

Я наблюдала, как Хейми поставил ведро на ближайший выступ и встал на колени передо мной. Он разложил три толстых полотенца на деревянной скамье рядом со мной.

— Ложись на эти. Они мягче, — сказал он, заправляя его под колени. Когда я сделала так, как он сказал, то он потянулся к ведру, и достал бутылку воды, и открутил крышку. Он сделал

глоток, а затем брызнул на горячие угли, вызывая пар, который заполнил эту комнату. Затем он повернулся ко мне. Хейми поднес бутылку к губам, и я оперлась на локти. — Выпей. Я не хочу, чтобы ты обезвоживалась.

Делая, как мне сказали, я сомкнула губы вокруг горлышка бутылки. Хейми наклонил ее так, чтобы прохладная жидкость коснулась моего языка и, затем он убрал ее. Этот вкус невероятный — холодный и освежающий, особенно, в контрасте с горячей средой.

— Еще? — спросил он. Я кивнула, и он снова наклонил бутылку, на этот раз подольше, чтобы я смогла насладиться напитком.

Жидкость выплеснулась из уголка моего рта и капнула на мою грудь, оставляя прохладный след на ней. Я задыхалась от шока.

— Холодно? — спросил он.

Я снова кивнула.

Опуская голову, Хейми прикоснулся своим языком там, где капля остановилась на полпути вниз по моему животу, и он слизнул мокрый след до самого моего горла.

— Еще? — спросил он.

Я снова кивнула.

Хейми держал бутылку над моим ртом, не позволяя ей коснуться моих губ. Он вылил немного на язык, ожидая, что несколько капель упадут на мою ключицу. Я втянула воздух, когда Хейми переместил бутылку, позволяя прохладной воде каскадом упасть на мой сморщенный сосок. Она побежала вниз по моему животу к складке моего бедра.

Прижимая губы к груди, Хейми последовал за мокрым следом, прокладывая свой путь до моего соска, и втянул его вовнутрь.

— Ммм... мне не холодно, — пробормотал он рядом с моей кожей, посылая мне прохладный воздух. Он выпустил из своего рта один мой сосок и двинулся вниз по моему животу. — Позволь мне обследовать другое место.

Его губы и язык двинулись дальше, вниз по моему телу к складке, где соединялись мои бедра и ноги. Он глубоко проник языком в мою складку, двигаясь в сторону моей ноги. Я почувствовала жар его рта на своей коже, и раздвинула бедра, надеясь на более тесный контакт. Я жаждала Хейми.

— Здесь вовсе не холодно, — прошептал он. — Но если тебе жарко... и ты хочешь охладиться...

Дойдя до ведра со льдом, Хейми взял кубик льда и положил его в рот. Я увидела, что он продержал его там несколько секунд, прежде чем проглотил его, сказав мне об этом. Затем, раздвигая мои ноги еще сильнее, и с помощью пальцев одной руки, расправив складки, опустил голову.

Меня переполнило наслаждение, когда он прикоснулся холодным языком ко мне, кружа вокруг моего клитора, чтобы потом опуститься вниз и засунуть его вовнутрь меня. Похоже, он ласкал меня мокрым льдом, жгуче холодным и мокрым льдом.

— Боже, мне нравится твой вкус. Сладкий, как мед.

Хейми взял бутылку с водой. Держа ее надо мной, он выливал прохладную воду между моих ног, позволяя ей пробежаться по мне, прежде чем он прикоснулся языком. Горячая и холодная струя воды, и давления его языка, когда я почувствовала, что пальцы Хейми, холодные изо льда входят в меня, то я не могла больше держать себя под контролем. Только раз. Один резкий толчок и он вытащил их.

— Ты такая напряженная, — ответил он. — Я собираюсь растянуть тебя, как можно аккуратнее, — простонал он, наклоняясь ко мне, а его язык и губы поглощали меня, пока он снова не проник вовнутрь меня своими пальцами. — Это в первый раз, я не хочу углубляться. Я

не хочу причинить тебе боль. Но в следующий раз? В следующий раз, я не дам тебе никакой пощады. И ты полюбишь меня за это.

Слова Хейми являлись лучшим возбуждающим средством, чем что-либо в этой сауне. Они просочились вовнутрь моего тела и нагрели его изнутри, заставляя меня извиваться под его умелым ртом.

Мое тело накрыло море ощущений — его прохладный язык, который скользнул вовнутрь меня и вышел; его губы, которые сосали мою плоть; его зубы, которые нежно покусывали меня. И его пальцы, когда они вошли глубоко в меня.

Затем он подхватил мои бедра, держа меня в своих ладонях, поближе к своему рту. Наслаждаясь местом между моих раздвинутых ног.

Звук исчезал, как будто он уходил в тоннель. Дыхание захватывало меня, будто он был поглощен вакуумом. Закрытые глаза наслаждались моими видениями. А затем, под восхитительным и мучительным прикосновением Хейми, я взлетела сквозь потолок в ночь, и, падая обратно на Землю, разбилась на миллион крошечных осколков.

Я даже не знала, как запустить свои пальцы в его волосы. Или удерживать его голову. Или придвинуться к его рту. Или кричать его имя снова и снова. Я могла только чувствовать. Чувствовать Хейми.

Когда он положил мои бедра, то я посмотрела вниз. Хейми взял одну из моих ножек и поднял ее, слегка наклоняя меня на бок. Он спрятал мои икры под мышкой и перешел к другой моей ноге, устраиваясь между ними. Я заморожено смотрела, как он направлял свою толстую головку к моему входу. Я чувствовала, что он здесь, мое тело посасывало, от того, что Хейми двигал им маленькими кружками медленно и обратно. Я была не в силах заставить скользнуть его дальше. Я была вынуждена ждать, ожидать, каждый мускул в моем теле превращался в тугую кулак.

Я почувствовала разницу в том, как он входит и выходит из меня маленькими толчками, едва проникая вовнутрь меня. Я почувствовала, как он скользит, вызывая во мне дикое желание. Он отодвинул свой член, перемещая его между моими складками, проводя головкой над моим клитором, заставляя меня задыхаться снова и снова. Я почувствовала напряжение в своей груди. Может быть заскулить. Или застонать. Или просить.

— Ммм, тебе это нравится, не так ли? Ты чувствуешь, какая ты влажная? Ты чувствуешь, насколько у меня скользкий член? — из меня вышел жалобный звук. Это все, на что я была способна в тот момент. — Это все ты, детка. На этот раз, я хочу, чтобы влажными были мои яйца. Я хочу почувствовать это, как он льется с меня.

— Пожалуйста, Хейми, — умоляла я. Я даже не знала, о чем я просила. Я просто знала, что мне что-то нужно. И мне нужно было это сейчас.

Воздух и слова, и мое сердце замерли в моей груди, когда Хейми снова вернулся к моему входу.

— Я не хочу причинить тебе боль, но я не смогу по-другому. Но только на секунду.

— Сделай это. Сейчас. Пожалуйста.

С одним резким изгибом его бедер, Хейми вошел в меня, а потом он двигался очень спокойно. Я чувствовала рвущую боль, которая исходила из моих бедер. Это продлилось в течение нескольких сердечных ударов. Хейми не двигался. И я тоже. Наконец, боль облегчила невероятное, приятное ощущение.

Я не заметила, что закрыла глаза, пока не открыла их, и не увидела Хейми. Он совершенно не двигался, вены на его шее, вздулись от его усилия не двигаться. Я посмотрела вниз, где соединялись наши тела. Я увидела, что большая часть его члена еще не внутри меня, но вид такой интимной связи возбуждал снова и снова.

Я почувствовала, как мое тело извивается вокруг него, а затем я почувствовала удовлетворение, когда он вошел в меня.

— Ффф, — прошипел Хейми сквозь стиснутые зубы, откинув назад голову и рыча каждую секунду. — Не делай этого.

— Не делать чего? — спросила я.

— Не двигайся. Я не хочу причинить тебе боль.

— Ты не сделаешь мне больно. Я хочу, чтобы ты вошел в меня, — призналась я, чувствуя желание развернуть мои бедра к нему. Я не боролась с ним. Я просто делала вместе с ним.

— Гррр, — прорычал Хейми, проводя пальцами одной руки по моей поднятой ноге. — Слоун.

Я почувствовала его внутри себя, горячего и толстого. И я хотела большего.

— Пожалуйста, Хейми. Я хочу еще большего. Я хочу всего тебя. Внутри себя. С каждым движением.

Хейми посмотрел на меня. На секунду, я думала, что он возненавидит меня. Но затем, он слегка подтолкнул бедра еще немного вперед, и его выражение лица выглядело более удовлетворенным.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он.

— Чувствую себя превосходно, — ответила я, тяжело дыша, подставляя свои бедра навстречу ему.

— О, Боже! — застонал он, останавливаясь, и затем снова стал двигаться немного быстрее. — Ты вся напряжена. О, Боже!

Он зарычал как животное, рычал и рычал, но меня это не испугало. Я хотела его когтей. И его зубов. Я хотела его дикости.

— Хейми, засунь свой член в меня, — инстинктивно сказала я.

— О, Боже... черт... это влагиалище.

После короткой паузы, я услышала его тяжелое дыхание, прежде чем он остановился. Во мне. И затем он сделал то, чего я так хотела.

Хейми опустил на несколько дюймов, а затем полностью лег своим телом на мое тело. Я чувствовала его до самого живота. Он растягивал для меня удовольствие — эту боль, которую я никогда не хотела забыть.

— Хейми... еще! — Он завращал своими бедрами, и я чувствовала, что напряжение внутри меня усиливается. — Просто так. Я хочу его просто так.

— Ты хочешь мой член? — спросил он сквозь стиснутые зубы. — Я дам тебе свой член. Я собираюсь войти в тебя так сильно, что ты будешь чувствовать это еще всю неделю. Каждый раз, когда ты закроешь глаза, ты будешь чувствовать, что я все еще в тебе.

Когда он говорил, то он глубже и сильнее прижимал меня, требуя внимания. А когда его свободная рука находила мой клитор, то мое тело сжималось и пульсировало вокруг него.

Я задыхалась и почти была ослеплена удовольствием, когда Хейми перевернул меня спиной и подтянул мои бедра ближе к краю. Он прижал ладони к внутренней стороне моих бедер и широко расставил мои ноги.

Каждый новый толчок посылал мне новую волну удовольствия, продлевая мой оргазм, пока я не сошла с ума.

— Хочешь еще глубже, детка?

Я кивнула, не в состоянии говорить сквозь свои сухие губы.

Хейми скользнул по моим ногам, прижимая мои бедра к моей груди, пока он наклонялся ко мне.

— Хорошо. Потому что я хочу глубоко войти в тебя. Так. Глубоко. — Когда он входил в меня, то я задумалась на секунду, что вдруг смогу умереть от удовольствия. Когда я думала, что нет ничего более лучшего, что больше не будет ощущений от его тела, то он входил в меня с новой силой. — И затем ты захочешь узнать, как мы кончим. В тебе.

Хейми еще два раза входил в меня, и, затем я услышала его стон в маленькой комнате. Раздвигая мои ноги, он быстро вышел из меня, вытащил мокрый и раздутый член из моего клитора. Я заворожено наблюдала, как он сжимал свои пальцы у широкого основания своего члена и выгибал свою спину, а затем на меня брызнула горячая жидкость.

Я задышалась, наблюдая за ним. Это было слишком неприлично, слишком интимно. Хейми, покачивая бедрами, брызгал, пока ничего не закончилось. Я посмотрела ему в лицо. Его глаза были страстными и напряженными. А потом, я почувствовала его пальцы. Я посмотрела вниз и увидела, как он растирает меня.

— Это, — сказал он, промочив три пальца во мне, — это мое. — На последнем слове, он обрызнул меня этими пальцами. — Все мое. В следующий раз, я войду в тебя. И я лучше удовлетворю тебя. Всю тебя.

Уже, даже сейчас, когда я чувствовала себя такой удовлетворенной, я не могла дождаться. Я не могла дождаться, когда в следующий раз он прикоснется ко мне, поцелует меня, проведет по мне своими пальцами или своим языком, или... все, что он захочет.

Глава 34. Хейми

Осторожно, я позволил Слоун упасть. Я прошелся кончиками пальцев по ее гладкой коже и почувствовал, как кровь течет обратно в мой член. Я хотел сделать это снова, но я не сделаю этого с ней. Ей опять будет больно.

— Ты в порядке? — спросил я, когда она застонала.

— Я не думаю, что когда-либо мне было лучше, — ответила она, а ее голос был мягким и сонным.

Я улыбнулся.

— Еще бы. — Она повернула голову и улыбнулась мне. — Но я не хочу высказывать свою точку зрения. Сегодня мы можем принять душ и посмотреть какой-нибудь фильм в постели. И заказать пиццу. Как тебе идея?

— Это похоже на рай, — ответила она.

Я оставил на ее губах поцелуй и выпрямился, чтобы дотянуться до бутылки воды. То, что осталось в бутылке, я вылил на край полотенца и аккуратно протер им ей между ног. Она сначала вздрогнула.

— Тебе не обязательно это делать, — сказала она, зажимая бедрами мою руку.

— Я не против.

— Нет, серьезно, тебе не обязательно это делать.

Я посмотрел на ее лицо. Я увидел румянец на ее щеках. Я наклонился, чтобы поцеловать ее в нос, и в ее лоб, и, затем в губы.

— Тебе не стоит смущаться. Я и целовал, и облизывал, и сосал каждый квадратный дюйм твоего тела. Почему это должно беспокоить меня, если я хочу вытереть тебя?

Она пожала плечами, немного расслабляя ноги.

— Я не знаю. Я просто... чувствую себя неловко.

— Но почему?

Она не захотела встретиться со мной глазами.

— Я уверена, что для тебя это не проблема, с которой тебе приходилось сталкиваться с другими женщинами, которые у тебя были.

Я замер и уделил ей все свое внимание.

— Слоун, мы не просто занимались сексом, ты дала мне нечто большее, чем кто-либо. Я знаю, как для тебя это очень важно. И ты должна понять, что для меня это тоже было очень важно. Я никогда не лишал кого-либо девственности. Я даже не хотел этого. Но я сделал это с тобой. Я хотел получить ее. Я хотел быть твоим первым мужчиной. Я хотел, чтобы ты была моей. Только моей. Я говорил тебе, что я эгоист и кажется, что я гораздо хуже, когда речь заходит о тебе.

Слоун расслабила ноги и наклонила голову набок, наблюдая за мной, пока я вытирал кровь с внутренней стороны ее бедра.

Когда я закончил, я сложил полотенце и обтер себя.

— Спасибо, — услышал я ее тихое бормотание.

— За что?

— За то, что подарил эту чудесную ночь.

— Мне на все сто процентов понравилось это удовольствие, — ответил я ей честно. Ее улыбка расширилась, а затем медленно сложилась в мягком изгибе губ. Это выглядело почти... грустно. Этот взгляд я замечал несколько раз на ее лице, и я всегда удивлялся, что прячется за этим взглядом. Но, я, ни разу не спрашивал ее об этом. В этот раз, я почти сделал это.

Почти.

Но зная, что я сделал и, как будет чувствовать себя Слоун, если она узнает, остановило меня.

— Пойдем, — сказал я, взяв ее за руки, и потянул ее на себя, чтобы она села. — Пойдем наверх, примем душ, прежде чем пойдем в постель.

Она кивнула, но ничего не сказала. Мы поднялись по ступенькам в полнейшей тишине, и остановились лишь для того, чтобы закинуть полотенце в стиральную машинку для Сесили, которая придет в понедельник.

Слоун пошла дальше по коридору в комнату, в которой она спала прошлой ночью, в комнату, где были ее вещи. Я последовал за ней, схватил ее две сумки и снова взял ее за руку.

— Это больше не твоя комната, — сказал я, выходя с ней обратно в коридор и спускаясь ко второй двери хозяина. — Ты останешься здесь. Со мной.

Я не дал ей малейшего шанса возразить. Я поставил ее вещи на комод и потащил ее в ванную комнату, где включил душ и затащил ее вместе со мной под теплые струи душа.

Только несколько дней, пока она будет здесь, мы сможем притвориться, что это все для нас. И что все остальное не так уж и важно.

Глава 35. Слоун

Первая мысль, которая меня посетила, когда я открыла глаза, была о том, что я в кровати Хейми. Где я провела ночь. Всю ночь. Заключенная в его руках. Несколько раз, когда я отворачивалась на свою сторону, то он, не дав мне и секунды, возвращал меня обратно, снова сплетая свое тело с моим. Это была самая лучшая, спокойная ночь, которая у меня была. Я никогда не чувствовала большей безопасности. Или большего счастья.

И, сейчас, большего беспокойства.

Я влюблена в Хейми. Нет смысла притворяться, что это не так. Изменит ли это что-нибудь? Нет. Я бы очень хотела, но не думаю, что это сработает. Жалела ли я об этом? И снова нет. Я бы не променяла прошлую ночь даже на тысячу хороших, но менее чувственных ночей. Неважно, насколько будет больно, это того стоило. Это все того стоило. Неважно, как долго я буду жить, я все равно буду возвращаться к этой ночи. И, как сказала Сара, я планирую наслаждаться каждой секундой.

Осторожно повернув голову на подушке, я вгляделась в безумно красивое лицо Хейми, спокойное и немного мальчишеское во сне. Это дало мне возможность рассмотреть его незамеченной. Почти сразу я, с поразительной ясностью поняла, что Хейми слишком напряженный. Все в нем, начиная от насмешки во взгляде или волевого подбородка, заканчивая жесткой линией рта, было напряженным. Но сейчас, лежа здесь, рядом со мной, он казался очень симпатичным. И чуть более хрупким. Он казался непобедимым, более энергичным, когда бодрствовал. Но сейчас он казался более живым, уязвимым и ранимым. Я посмотрела на его голую грудь и выдающиеся ребра. Я снова задумалась о том, кто причинил ему столько боли, какие события принесли грусть и горечь в его жизнь. Он хорошо это скрывал, но оно все равно было здесь. Я заметила это, потому что, то же самое было и у меня.

Я услышала звонок своего телефона, где-то ближе к краю кровати. Как можно более незаметно я выскользнула из рук Хейми и быстро схватила телефон, прежде чем он разбудит его.

Это был отец.

Я прошла дальше по коридору, к комнате, где я спала в ту первую ночь, тихонько закрыв за собой дверь, прежде чем ответить.

— Привет, пап.

— Почему твоя машина по-прежнему около этой тату-дыры?

— Папа, это не дыра, а очень милый салон, вообще-то.

— Не испытывай мое терпение, юная леди.

— Я просто сказала. И, если хочешь знать правду, я уехала домой вместе с Хейми прошлой ночью. Я имею в виду, мы были в одном доме.

Он хрюкнул. Папа ничего не смог сказать. Он ненавидел, когда даже мелкие детали выходили из-под его контроля.

Я усмехнулась.

Добро пожаловать в мою взрослую жизнь, папочка!

— Как идут дела? Есть прогресс?

Мысленно я скрестила пальцы, руки, ноги и закрыла глаза, надеясь, что им понадобится еще около десяти лет, чтобы найти что-нибудь полезное. Конечно, с моей стороны это было очень эгоистично. Я хотела остаться с Хейми так долго, как только смогу.

Мысли об эгоистичности вернули меня к прошлой ночи, что заставило меня покраснеть, неловко переминаться с ноги на ногу, а это привело к непреодолимому желанию закончить разговор с отцом.

- У нас есть небольшие успехи. Нет причин для волнения.
- Просто будь осторожен.
- Мы всегда осторожны. Это я должен говорить тебе «быть осторожной».
- Мне ничего не грозит, пап.
- А я вот в этом не уверен, — пробормотал он.
- Я проигнорировала эту маленькую подколку.
- Что ж, держи меня в курсе.
- Чем планируешь заняться сегодня?

Я прикусила губу при одной только мысли о завтраке. Я никогда так не нервничала по поводу еды, никогда не думала, что это будет настолько важно.

- Еще не знаю. Чуть позже встречу с Сарой, а потом буду в салоне.
- Я надеюсь, твои труды того стоят. Это наверняка отнимает много времени.
- Оно того стоит, пап. Оно того стоит.

Даже, если бы я получала самую маленькую зарплату до конца своей жизни, это по-прежнему стоило всех часов проведенных с Хейми.

- Будь умницей. Позвони мне позже.
- Хорошо. Люблю тебя.
- Я тебя тоже.

Когда я вновь заглянула в комнату Хейми, то увидела, что кровать пуста. Я вошла, выудив футболку из сумки, которую я взяла с собой. Хейми не было и в ванной. Возможно, он уже внизу.

Я размышляла, стоит ли принять душ, одеться и сказать ему с супер безразличным видом, что у меня уже есть планы с Сарой, а затем просто уйти. Не хочу, чтобы кто-нибудь из нас почувствовал себя неловко. Я знаю, он хотел, чтобы я осталась, но я все еще помню тот разговор. Я знаю его мнение по поводу завтраков.

По-прежнему голая, я стояла, уставившись в кровать, потерявшись в своих мыслях, когда руки Хейми обняли меня сзади. Я вскрикнула и подпрыгнула как от удара.

— Просто к твоему сведению, нудизм в этом доме всегда приветствуется. Так что, думаю, у тебя есть два варианта: ты можешь одеться во что-то до смешного короткого и прозрачного, и спуститься вниз, чтобы поесть или ты можешь вернуться обратно в постель и приготовиться быть опустошенной.

Я улыбнулась и уже приготовилась к ответу, когда он прервал меня:

— Хочу тебя предупредить: неважно, какой вариант ты выберешь, до ланча, ты все равно будешь возвращена голой в кровать. Как минимум, один раз. Но мы можем ненадолго отложить это, если тебе нужна еда.

Я была очень рада видеть его в таком расположении духа, планирующим провести со мной не только завтрак, но и весь день. По крайней мере, до обеда.

— Как ты можешь думать о еде после всей той пиццы, которую мы вчера съели?

— Я планирую сжечь все эти калории. Вместе с тобой. Я считаю это инвестициями. В мою выносливость, — его злобная усмешка поразила меня больше, чем все, что я когда-либо видела.

— Что ж, раз дела так обстоят, мне кажется, я должна что-нибудь съесть, чтобы не отставать от тебя. Я имею в виду, это было бы позором, отстать от такого старика, как ты.

Его бровь поднялась вверх, он повернул меня лицом к себе и положил свои руки на мою талию.

— Я буду счастлив, показать тебе, насколько я... проворный, — сказал он, опустив свою руку мне на поясницу и крепко прижимая к себе.

— Оу, поверь, я уж точно никогда не забуду насколько ты... проворный, — ответила я, чувствуя, что у меня перехватило дыхание от тепла его тела.

В его глазах по-прежнему полыхал огонь, но что-то еще отразилось на его лице. Что-то, что заставляло мой желудок перевернуться, а грудь болезненно сжаться.

Это была надежда.

— Тогда моя миссия выполнена. Я не хочу, чтобы ты забыла. Никогда.

Я не знала, что сказать. Я боялась сказать слишком много, но, если бы я не сказала ничего, это могло оттолкнуть его. Так что я просто улыбнулась, удерживая всю свою надежду и хаотичные мысли при себе.

Шлепнув меня по заднице, Хейми сделал шаг назад, отгоняя мысли, посетившие его в эти несколько секунд, и развернулся к двери.

— У тебя пять минут или я снова сюда поднимусь.

Я салютую ему, когда он подходит к двери. Он подмигивает мне, скрываясь в дверном проеме. От этого мое сердце начало метаться в груди, как рыбка, и я, дрожащими пальцами, принялась натягивать на себя одежду.

Когда я вошла на кухню, моим глазам представилось самое забавное зрелище, которое я когда-либо видела. Хейми стоял около стола, держа высоко тарелки со всеми видами завтрака, которые только можно было вообразить.

— Скольких людей ты собираешься накормить? — спросила я, подходя к нему.

— Я не знал, что ты любишь, так что просто приготовил все, что у меня было.

— Ты не говорил мне, что умеешь готовить, — сказала я, сев за стол.

— Я не умею. Но я могу разогревать, как чертов сукин сын, — объявил он мне с усмешкой.

Сейчас, стоя перед ним, я смогла увидеть красный фартук, прикрывающий голую грудь Хейми, на котором значилось «Я ЗАБРАЛ ТВОИ СОСИСКИ». Я не смогла сдержать улыбки.

— Что ж, ну, и что ты нам разогрел?

— Бекон, деревенская ветчина, тexasские бургеры, овощные оладьи и мини-запеканка. Ах да, кроме всего прочего я умею жарить. Это еще один мой глупый навык.

— Вау, по-моему, ты немного не угадал.

— Это да. Скорее всего, потому, что булочки отвратительно холодные, а вафли сырые.

— Сырые вафли. Как грубо.

— Вот именно! Поэтому я их просто пожарил.

Вскинув руки, Хейми выкинул еще одну пачку вафель в мусорное ведро, после чего поставил тарелку передо мной и еще одну, у места рядом со мной — для себя.

— Тем не менее, ты стоила того. Я почистил свой холодильник для тебя, малышка, — усмехнулся он.

— Ты говоришь невероятно милые вещи, — ответила я, взмахнув ресницами.

— Это еще не все. Подожди, пока я не расскажу тебе о том, что я ем. Я предпочитаю правильную и здоровую пищу.

Хейми вскинул брови, и я рассмеялась, закинув кусочек бекона себе в рот.

— Вкусно?

— Очень. Спасибо, что приготовил мне завтрак, — сказала я, нервно заправив прядь волос за ухо. — Я знаю..., Я имею в виду, что ты не должен был...

Хейми вздохнул.

— Слоун, мы можем просто представить, что того разговора никогда не было? Это другое. Я не говорю сейчас о тебе. Это просто... по-другому. Ты другая.

Я пыталась скрыть свою улыбку, чтобы не выглядеть слишком обрадованной его словами.

— Правда?

— Да. Ты не такая, как те женщины, с которыми я обычно сплю.

— Я не такая?

— Да. Ты не такая и я думаю, что ты знаешь об этом.

Он посмотрел мне в глаза. Я по-прежнему боялась надеяться слишком сильно. Но была не настолько напугана, чтобы не заметить кое-что.

Жить, без сожалений.

Мы настолько похожи во многих вещах. Может быть, мы просто нужны друг другу.

— Тебе стоит есть быстрее, — сказала я, откусывая кусочек от теплой булочки с корицей.

Он поднял одну бровь. В этот момент в окно проник луч света, осветив лицо Хейми.

— Это еще почему?

Я посмотрела на фартук, который по-прежнему был на нем.

— Ты должен мне сосиски.

Хейми посмотрел на надпись на фартуке, а затем на меня, его губы сложились в самоуверенную ухмылку.

— Ах, да, у меня же твои сосиски.

С невероятной быстротой Хейми притянул меня к себе, накрывая мои губы своими. Когда мы оба стали задыхаться, а электричество уже буквально искрилось между нами, он сказал:

— Ты, чертовски хороша для девственницы.

— Я быстро учусь. И у меня был очень хороший учитель, — сказала я и притянула его к себе.

Я почувствовала вкус сиропа на его языке, когда он протолкнул его через мои губы. Я даже не поняла, что он посадил меня на стол. Лишь когда я почувствовала прикосновение его кожи к своей груди, я поняла, что уже наполовину раздета на его кухне. И я наслаждалась каждой минутой этого.

Глава 36. Хейми

— Просто взгляни на это, — сказал я Ризу, оглядываясь через плечо, чтобы убедиться, что Слоун нет поблизости.

После утреннего секс-марафона я оставил ее в душе, привести себя в порядок перед тем, как мы отправимся в салон ближе к вечеру. Я хотел приехать туда раньше, чтобы быстрее закончить с делами. У меня был план на наш сегодняшний вечер. У меня был план на нее.

Риз вздохнул:

— Я не могу понять, почему ты так сомневаешься во всем. Ты был так положительно настроен в самом начале.

— Черт, Риз! Каким еще я должен был быть? Он был моим братом. Он был и твоим братом тоже. Ты должен был так же, как и я, делать все, чтобы этот мешок с дерьмом получил по заслугам.

— Я и делал. Чем, по-твоему, я все это время занимался? Держал пальцы крестиком? Только потому, что ты был ближе к Олли, не значит, что я переживаю меньше.

Теперь моя очередь вздохнуть.

— Я знаю. Я просто... Я просто чувствую себя неудачником. Я боялся ошибиться. Теперь мне кажется, что я действительно ошибся. Я имею в виду, Тамблин — улица, на которой жил тот парень. Это слишком незначительно, чтобы быть доказательством. Что, если Локк — не тот парень?

— Тогда ИА¹⁷ это выяснит. Все, что мы делаем, нацелено на то, чтобы направить их по нужному следу. Мы никого не обвиняем, Хейми.

— Ради всего святого, кто-то взорвал его дом! Если мы можем что-то сделать с этим, мы должны осудить и приговорить его.

— Это был непредвиденный случай, и ты знаешь это.

— Но ты знал, что это возможно.

— Как и ты, — ответил он мне просто.

Я знал. Но тогда мне было совершенно все равно. Я просто хотел отомстить. Но сейчас, под влиянием Слоун...

Движение за стеклянной дверью, ведущей к бассейну, привлекло мое внимание. Когда я обернулся, чтобы посмотреть, там ничего не было. Всего лишь мое отражение. И моя паранойя.

И моя вина.

— Послушай, я просто хочу, чтобы все шло так, как должно. Вот и все. Проследи за этим, Риз, хорошо?

— Ах ты, маленький властный ублюдок. Но я знаю, что твое сердце в надежных руках, — сказал он хрипло. — Не переживай. Все идет своим чередом. Верь в систему.

— В систему, которая не смогла поймать убийцу нашего брата? В систему, которая порождает грязных копов, как маленьких пушистых кроликов?

Риз горько рассмеялся. Ту же горечь чувствовал и я.

— Да, именно в эту систему.

— Что ж, я работаю над этим, — ответил я без особого энтузиазма.

— Ты справишься. А пока, позволь вещам идти своим чередом.

— Я пытаюсь. Но, если из-за этого Слоун будет в опасности, я должен буду вмешаться.

¹⁷ ИА – (сокращение от словосочетания Intel Architecture) - Система архитектур разрабатываемая компанией Intel, Эти архитектуры были совместимы только со своим набором инструкций и одна из них использовалась в процессорах других компаний. Подразделяется на 2 архитектуры: IA-32 и IA-64. Начало этих архитектур было от процессора Intel 80386 с архитектурой iA-32 которую часто называют i386.

Но скорее всего, в тексте имеется в виду почтовый код штата Айова (IA)

— Что ж, удачи с этим.

— Эй, я был в стороне все это время! Эти ублюдки не захотят увидеть меня, когда я, наконец, покажусь.

— Ты абсолютно прав. Они еще не сталкивались с таким характером.

— Или такими возможностями. Мы не должны забывать, кто мы есть, Риз.

— Ты единственный, кто пытался.

— Я не пытаюсь забыть. Я залег на дно и стараюсь не привлекать внимания.

— Не потеряйся в той игре, в которую ты играешь.

— Это не игра. Я тот, кто я есть.

— Не полностью. Ты настоящий где-то посередине. И этот парень, в конечном итоге, выберется наружу. Помни об этом, позволяя этим... отношениям стать такими важными для тебя.

— Я ничего не забыл, Риз. И то, кто я есть, никак не влияет на мои отношения.

— Как скажешь, — в его голосе слышалось сомнение.

Это меня раздражало. На самом деле, весь этот разговор раздражал меня. Я не должен объяснять свое поведение брату. Я не должен объяснять это кому-либо.

— Держи меня в курсе, — сказал я жестко. — Мне нужно идти.

— Сладкая маленькая школьница с отличной задницей зовет?

— Не будь козлом, Риз. Она не школьница, и она не еще одна отличная задница.

— Так ты не спишь с ней? Ты не спишь с врагом?

— Она не враг.

— Она сестра врага. Это почти одно и то же.

— Мы по-прежнему не уверены, что это ее брат.

— Нет, это ты не уверен. Но ты был чертовски уверен, когда сказал, что нашел его, разве нет?

— Все совершают ошибки.

— Особенно ты, да, Хейми?

— Какого...

Щелчок телефона прервал мою гневную тираду.

Глава 37. Слоун

Пока я накладывала тушь на ресницы, в моей голове толпился, примерно, миллион вопросов. А вместе с ними и целый миллион логических решений. А еще миллион оправданий, которые я успела придумать для Хейми. Все это кое-как удерживало от поспешных решений.

На протяжении последних пятнадцати минут я то и дело говорила себе, что услышала лишь небольшую часть разговора. Хейми мог говорить о ком угодно и о чем угодно. Все не могло быть настолько плохо, как звучало.

Но это звучало, чертовски плохо.

Мой желудок перевернулся и сжался. Я по-прежнему была убеждена, что каждый имеет право на свои секреты. Я должна задать несколько вопросов. Я должна узнать — несмотря на тени сомнения — что именно я услышала. Я должна узнать, причастен ли Хейми к нападению на моего брата, на мой дом, на мою семью.

Я чувствую, как страх сковывает меня. Часть меня отказывалась верить. Но другая часть, более подозрительная, складывала воедино все странные вещи, все несоответствия, так что мне казалось...

Я не могла жить дальше в сомнениях и неуверенности. Это убило бы меня. Нет, Хейми должен ответить на несколько вопросов или я буду вынуждена предпринять меры.

Я закрыла глаза, боясь, даже, представить какие именно «меры» будут предприняты.

Я пыталась играть так естественно, как только возможно. Я понятия не имела, насколько я хорошая актриса, а выражение лица Хейми ничего не показывало.

— Еще раз спасибо, что разрешил остаться с тобой, — начала я, стараясь казаться как можно более беспечной.

Хейми посмотрел на меня и усмехнулся:

— О, поверь мне, мне это было только в радость.

Я почувствовала, что краснею. Казалось, что моему телу было абсолютно наплевать, замешан ли Хейми в чем-нибудь или нет.

Я нервно рассмеялась.

— У тебя очень красивый дом. Должно быть, менеджеры слишком много зарабатывают.

Хейми лишь пожал плечами.

Это меня никуда не привело, так что я решила сделать еще один ход.

— Живет ли тут кто-нибудь из твоих близких?

— Никто из них не живет поблизости. Они разбросаны по всему свету.

— Правда? Например?

Хейми посмотрел на меня. Я не могла понять, подозревает он меня или это просто мое воображение.

— Повсюду.

— Ты родом отсюда?

— Нет.

— Где ты вырос?

— В Чикаго.

— Ого, как интересно. Расскажи мне об этом. Расскажи мне о своей семье.

Сейчас он выглядел не на шутку обеспокоенным.

— Что происходит, Слоун?

— Это просто вопросы, Хейми. Просто невинные вопросы о твоей семье. О твоей жизни. Почему я не могу узнать тебя лучше?

Хейми напрягся. Было заметно, что он взывал ко всему своему обаянию и шарму, чтобы ответить, как можно более беззаботно.

— Мне кажется, ты знаешь меня очень хорошо.

Я повернулась в своем сиденье, чувствуя, что облажалась.

— Почему ты такой скрытный? Это всего лишь простые и невинные вопросы.

— Неужели? — Он кинул на меня быстрый взгляд.

— Конечно, — ответила я и отвела взгляд. Мне казалось, что он сможет увидеть ложь в моих глазах. — Почему нет?

— Кого ты пытаешься обмануть, Слоун?

— Не понимаю, о чем ты.

— О, ты прекрасно понимаешь. Ты ужасная лгунья.

Конечно же, он прав и это оставляет мне только один вариант — быть прямолинейной.

— Я слышала, что ты говорил по телефону, Хейми.

Мертвая тишина заполнила все пространство в машине. Наконец-то, после того, как прошла целая вечность, Хейми что-то пробурчал себе под нос. Мое сердце замерло. Казалось, что он не хотел, чтобы я услышала тот разговор. А если он не хотел, значит, он пытается что-то скрыть. От меня.

Мой пульс участился, я поняла что, Хейми может быть мне врагом. Акула вонзила свои смертельные клыки в мою грудь и разорвала ее.

— Пожалуйста, скажи мне, что я не так все поняла, Хейми. Пожалуйста, — прошептала я, чувствуя, как поперек горла встал ком из эмоций.

— Слоун, ты должна понять, что я никогда не делал ничего, что могло бы навредить тебе.

Дерьмо, дерьмо, дерьмо.

Я наклонилась вперед, положив грудь на бедра и уткнувшись лицом в колени. Дальняя часть меня, которая могла думать, преодолевая боль, которую я чувствовала сейчас, говорила, что все кончено. Кончено самым худшим из возможных способов.

— Что ты сделал, Хейми? — сказала я, зажмурив глаза и отвернувшись. — Что ты сделал?

Я едва слышала звук гравия под колесами машины, когда Хейми свернул с главной дороги. Я едва ли поняла, что мы стали ехать медленнее. Я почти не ощущала вкус слез, которые текли по моим щекам и губам.

— У меня есть три брата. Самый младший — Харрисон. Мы зовем его Риз. Перед ним я. Галифаксу двадцать пять. Мы зовем его Лейф. И Холландер. Олли. Ему было бы двадцать четыре, если бы он был жив, — Хейми остановился. Его голос ломался под тяжестью невообразимой боли. — Но он умер. Два года назад.

Я хотела сопереживать ему. И, в некоторой степени, я действительно переживала. Но сейчас я чувствовала себя слишком опустошенной, словно я в оцепенении качусь куда-то вниз. Так что я просто, не прерывая, слушала его рассказ.

— Моя фамилия — Спенсер. Хемсворт Спенсер. Мой отец — Хенслоу Спенсер.

Мгновенно, что-то щелкает в моей голове.

— Хенслоу Спенсер? Как нефтяной магнат Хенслоу Спенсер?

Смех Хейми не был радостным или довольным. И это было мучительно.

— Да, это он.

Я сначала была ошеломлена. Хейми был сыном Хенслоу Спенсера? Как он мог это скрывать?

Но этот вопрос растаял в моей второй мысли. С мучительной болью мое сердце разрывается про моего брата. И мою семью. Чтобы не случилось здесь, чтобы не произошло, моя семья с синими воротничками¹⁸ не будет против этого. Правосудие работает в одном направлении с такими людьми, как Хенслоу Спенсер. Их.

Но я ничего не сказала. В данный момент, я даже не знала, что и сказать.

Хейми продолжил:

— Я прожил первые двадцать пять лет, и было несколько месяцев в моей жизни, когда я был эгоистичным, испорченным, богатеньким ребенком, который не знал ничего более важного, чем сесть в самолет и облететь весь мир, и потратить деньги семьи. Женщины, наркотики, алкоголь, азартные игры, гонки и все, что ты можешь придумать, имели даже самый маленький шанс, чтобы я мог себя лучше чувствовать — или чувствовать себя вообще — и я делал это. Как бы я ни хотел, всякий раз, когда я чего-то хотел, мне никто не смог сказать «нет». Мне никто не сказал «остановись». Мне никто не рассказал, что мне делать со своей жизнью или никто не называл меня жалким ничтожеством. Мир был моей устрицей. Как и у моего брата. Олли научился этому, наблюдая за мной. Риз — ведомый. Всегда был таким. Олли научился бы управлять миром, если был бы рядом с Ризом. И Лейф, он чертов наркоман. Олли бы умер по-другому..., если был бы с Лейфом. Но он не был. Он был ближе ко мне. Может быть потому, что мы были очень похожи. Я не знаю. Но он учился быть лучше. Или самым худшим. Но его убили.

Поскольку я потеряла свою надежду, я не могла помочь Хейми, не могла попасть в его прошлое, в его боль. Я сидела, вытирая лицо и откидываясь на переднем сиденье, наблюдала за ним краем глаза. Он замер за рулем, а его пальцы так сильно сжимали руль, что даже побелели костяшки пальцев. Как будто он пытался задушить его, будто он виноват в том, что видел.

— Меня не было в стране, и Олли решил раздобыть немного кокса. Он был в Атланте и один из его друзей знал парня, который знал другого парня, который знал еще одного парня. Он сказал, что сможет достать им дерьмо, которое полиция конфисковала из Боливии. Олли не задавал вопросов. Он знал две вещи: он был Спенсер, и деньги решали все. Он узнал это и от меня. Но ничто не могло спасти его от кокса. Это убило его за считанные секунды.

Мозаика в моей голове, наполненная различными не связанными, дико раскрашенными кусочками, началась складываться, медленно складываться, приобретая форму целостной картины, которая, может быть, еще более разрушительной, чем отдельные кусочки.

Слова выходили с невероятным шепотом.

— И ты думаешь, что мой брат имел к этому какое-то отношение?

Впервые, с тех пор, как я подняла голову, Хейми повернулся ко мне. Я представила, что его лицо является отражением того, что я чувствовала в душе — страдание. Полнейшее, настоящее страдание.

— Боже, Слоун, я не знал, что еще думать! Все кусочки сложились. После, более года поисков, расследования и подкупа людей, единственная информация, которую мы нашли о поставщике, заключалась в том, что он имеет отношение к полицейским и, что он был известен под двумя именами: Локк и Тамблин. Сначала, да, я думал, что нашел этого парня. Но теперь... зная тебя... Я просто... Я просто не знаю, как это может быть он. Я имею в виду, наблюдая за тем, как он защищает тебя, насколько сильно заботится о тебе. Как этот парень мог сделать что-то такое, что поставило бы тебя в такую опасность? И почему? Зачем ему рисковать?

¹⁸ «Синий воротничок» (англ. blue-collar worker) — понятие, обозначающее принадлежность работника к рабочему классу, представители которого, как правило, заняты физическим трудом с почасовой оплатой. Синие воротнички противопоставляются работникам сферы услуг и белым воротничкам, которые не занимаются физическим трудом.

— Он бы не стал! — решительно сказала я. — Стивен никогда бы не сделал что-то подобное!

Я чувствовала себя отчаянной, пытаюсь его переубедить, заставить его понять, что он не прав. Я должна заставить его поверить, что Стивен не тот, кого он ищет. Я должна заставить его отменить все действия до того, как моего брата убьют.

— Я понял, что могу ошибаться. Вот почему я разговаривал с братом, я хотел узнать побольше. Как можно больше, пока все это не вышло из-под контроля.

— Хейми ты должен остановить все это. О, Боже! Я не могу потерять своего брата. Ты должен все исправить, Хейми. Я знаю Стивена. Он никогда не смог бы сделать что-то подобное. Никогда.

Я чувствовала, что истерия переполняет меня, затуманивает мысли. Мое дыхание участилось, голова стала слишком светлой. Я задрожала, когда пальцы Хейми обхватили мои плечи.

— Слоун, я пытаюсь. Я делаю все возможное, чтобы...

— Что? — заорала я, вырвав свои плечи из его рук. — Как бы сделать тайный звонок своему брату и ничего не сделать для меня? Ты об этом? — Хейми снова пытался дотронуться до меня. Я держалась подальше от него, прижимаясь к двери машины. — Не трогай меня! Я не могу поверить в то, что позволила тебе прикоснуться ко мне! Ты все это знал, ты знал, что делаешь со мной, с моей семьей и я позволила тебе... позволила тебе... — я даже не смогла закончить предложение. — Ты сказал, что расскажешь мне правду, но все, что у меня есть эта твоя красивая ложь, подонки!

Повернувшись к заднему сиденью, я схватила свою сумочку и выбежала из машины, стараясь убежать от Хейми, как можно дальше. Ослепленная слезами, слезами боли, стыда и предательства, я направилась в сторону города. Где-то издалека я слышала голос Хейми. Он становился все ближе и ближе, поэтому я шла все быстрее и быстрее, пока, наконец, не побежала. Бежала сквозь гравий и пыль, бежала беспомощная и безнадежная.

— Слоун, остановись! Пожалуйста, позволь мне закончить! — Я снова почувствовала руки Хейми, на этот раз, заставляя меня остановиться. — Я никогда не хотел причинить тебе боль. Клянусь Богом, я этого не хотел.

Я повернулась к нему, в моих глазах горел огонь.

— Ты собираешься тут стоять и рассказывать мне, что ты понятия не имел о том, что подвергаешь его жизнь опасности? С этим обвинением? Если бы только один грязный полицейский упомянул об этом нужному человеку, ты бы даже не подумал, что это могло бы закончиться тем, что он пострадает?

— Слоун, я не знал... Я имею в виду, что я знал, что есть шанс, но я никогда не думал, что кто-то придет за ним. Это было так давно. В самом начале. Когда я только узнал тебя.

Это последнее слово уносилось вместе с ветром, и я поняла, почему Хейми даже сейчас, рядом со мной. Все это время он использовал меня, чтобы следить за моим братом, получать информацию, чтобы подкрасться к нему, как можно ближе, не вызывая подозрений. Он использовал меня, чтобы подвергнуть мою семью опасности. И я согласилась с этим.

Как будто моя жизнь вернулась в прошлое, я представила руки Хейми на своем теле, его губы на моей коже. Я представила, как он смеялся со мной, заботился обо мне, притворялся со мной. Я представила, как он делился со мной маленькими кусочками своей боли, всеми теми драгоценными секундами, которые я думала, приближают к моему открытию.

Я дорожила ими.

Я дорожила им.

Я дорожила ложью.

Татуировка на бедре жгла меня — предательство, которое постоянно будет на моем теле, на моей коже. Бабочки моей свободы, теперь, являлись разбитыми телами растоптанного доверия и сокрушенной надежды. Они летели слишком близко к солнцу, и теперь они сгорали. Они умирали единственной смертью, которая, может быть, у любой бабочки, которая приходит слишком рано.

— Как ты мог? — закричала я. Мои слова растворились в крике, глубоком стоне души, оторванной от меня, так же, как и мое сердце вырывалось из груди.

Это была ложь.

— О, Боже, Слоун, пожалуйста. Мне очень жаль. Я клянусь тебе... я обещаю тебе, что я... я никогда...

— Остановись! Хватит болтать! Я не хочу больше слышать ни одного твоего слова. Твои обещания, твоя правда... это все чушь. Я не верю ни одному твоему слову. Я просто хочу, чтобы ты оставил меня и мою семью в покое. — Я уже во второй раз от него избавлялась. — Уходи, Хейми. Просто уходи.

Меня взбесило, что мой голос дрогнул на последней фразе, моя боль в сердце разрывалась. Но с прямой спиной и поднятой головой, я ушла от Хейми, оставив его позади.

Я шла до тех пор, пока не услышала, что он больше не идет за мной. Только тогда я оглянулась назад. Я ожидала увидеть, как он исчезает из моей жизни, когда я его просила об этом.

Трус! Подонок!

Но когда я оглянулась назад, то я увидела Хейми, стоящего там, где я его оставила — в гравии, под солнцем, рядом с дорогой. Даже на расстоянии наши глаза встретились. Он полон вины, сожаления и печали. Я затолкала все свои эмоции вниз желудка, у меня остался только один гнев. И ненависть. И предательство.

Я держала его взгляд, пока доставала телефон из кармана. Затем, медленно, решительно, я развернулась и набрала номер брата. Брата, которого я знала, которому доверяла и верила. Брата, который никогда не сделает мне ничего плохого. Я понимала, что он все еще спит, но мне нужно было, чтобы он ответил. Мне нужно, чтобы он доказал, что я права. Перед Хейми. Хотя, он понятия не имел, кому я звонила.

Когда он ответил, я выдохнула и снова начала идти вперед.

— Стивен, мне нужно уехать. Ты можешь приехать за мной?

— Где твоя машина?

— Возле тату-салона.

Он вздохнул, но не спорил. Потому, что он любил меня. И такие люди, которые любят друг друга — они помогут, никогда не обидят.

— Да, скажи мне только, где ты.

Я рассказала ему о своем местоположении, и название бензоколонки, которую я знала, в пару милях впереди.

— Дай мне двадцать минут, — сказал он.

— Я буду ждать, — ответила я, сдерживая каждую эмоцию в моем голосе.

С еще одним глубоким вздохом, он повесил трубку. И я продолжила идти вперед, но когда оглянулась назад, то я больше не увидела Хейми.

Глава 38. Хейми

Я стоял на том же самом месте, наблюдая за тем, как Слоун уходит. Спустя десять минут, я все еще стоял здесь. Ожидая.

Я не хотел давить на нее сейчас, когда ей так необходимо, как можно больше свободы. Черт, я не обвиняю ее за эту реакцию. Если бы я узнал, что у кого-то, с кем я спал, членам семьи угрожали, во мне появилось бы одиннадцать всевозможных видов угроз.

Так же и в ней. Это справедливо.

И я чувствовал себя дерьмом. Настолько, что я положил глаз на ее брата, когда ее дом взлетел. Но есть одна вещь, которая меня беспокоит больше всего, я не ожидал, насколько больно мне будет видеть ненависть в ее глазах. Видеть, что она была обманутой, когда узнала, что я сделал. Я бы все отдал, чтобы вернуть все назад, и избавиться от этого взгляда.

Два года, самое важное, что надо было найти, это грязного копа, который продал моему брату наркотики, из-за которых он умер. Но за последнее время, впервые после смерти Олли, я переключился на кого-то другого. На кого-то еще.

Слоун.

Когда все изменилось? Когда она начала так сильно беспокоиться? Когда я потерял свое преимущество, свое внимание?

Ни один из ответов на эти вопросы не имели значения. Это было поражение. Она меня ненавидела, и у нее были на это причины.

Вопрос заключался в следующем: Смогу ли я жить с этим? Смогу ли я жить с ее ненавистью? Смогу ли я жить без нее?

Когда я отвернулся от того места, где видел в последний раз Слоун, прежде, чем она скрылась, я достал телефон и набрал номер Риза. Я услышал голосовую почту.

— Риз, перезвони мне, когда получишь это сообщение. Мне нужно, чтобы ты заставил своего друга задуматься обо мне.

Если брат Слоун не виновен, это будет моей основной целью, чтобы доказать это. А пока, единственное, что я могу сделать, это вернуться к прежней жизни, к которой обещал не возвращаться. Без какой-либо причины.

Но это было до Слоун.

Со стальной решимостью, я набрал номер, который, наверное, никогда не забуду. Когда я услышал знакомый голос, я почувствовал отвращение.

— Себастьян, это Хейми. Мне нужна помощь.

Глава 39. Слоун

Мне трудно было посмотреть в глаза Стивену, когда я садилась на пассажирское сиденье.

— Что, черт возьми, случилось? Как ты здесь оказалась?

У меня защипали глаза. С душевной болью, с позором, с унижением.

— Стивен, — начала я, повернув свою голову к окну, и пусть слезы капаят, пока мы едем к салону «Черное пятно» за моей машиной. — Ты что-нибудь знаешь о мерзком кокаине, который был конфискован пару лет назад?

— Что это за вопрос? Я не знаю никого, кто бы занимался наркотиками, кроме отца Дункана. Зачем мне быть в курсе этого дерьма?

Мне стало легче, когда он быстро ответил на мой вопрос. Он выглядел защищенным и не вел себя подозрительно. В своей голове, я проклинала Хейми, что он позволил мне усомниться в нем, даже на миллисекунду.

— Есть ли способ узнать, могут тебя арестовать или что-то в этом роде? Как бы то ни было, твое имя могло быть связано с чем-то вроде этого? Или с отцом Дункана?

— Нет, я не думаю. В чем дело, Слоун? Ты ответишь мне, почему я забрал тебя на заправке совсем одну, и теперь ты задаешь мне странные вопросы?

— Где-то там, кто-то думает, что ты связан с продажей какого-то вредного кокса какому-то богатенькому парню. В итоге, он умер, и его не арестовали. Теперь его семья думает, что ты как-то связан с этим. Я думаю, что ты, поэтому получаешь угрозы.

— Я не знаю, откуда ты взяла эту информацию, Слоун, но угрозы, которые я получаю, очевидно, являются ошибочными. Они от кого-то кто... кто...

Он замолчал, как будто у него погасла лампочка.

— Что, Стивен? Что это?

— Однажды, позвонили мне с незнакомого номера. И все, что сказали, было «Мы хотим свои деньги». Я понятия не имел, кто это был или какие деньги, по их мнению, я им должен. Вот почему сначала я не воспринимал все это очень серьезно. Это было до тех пор, пока они не начали угрожать жизни, и это дерьмо стало реальным.

— Стивен, с кем они могли тебя спутать? Как это могло произойти? У тебя есть сомнительные друзья? Собеседники? Кто-нибудь, кто мог вовлечь тебя в это без твоего согласия?

— Не то, чтобы я знал. Но, черт возьми, Слоун, я коп. Детектив, не меньше. Я общался с мразью, в какой-то степени, чтобы просто получить информацию.

Я пробегаюсь по деталям в своей голове, пытаюсь вспомнить что-нибудь, что может помочь. И я вспомнила странный вопрос Хейми, который он задал мне несколько недель назад.

— А ты когда-то жил с Дунканом на улице Тамблин? У тебя были какие-либо стычки с людьми, которые могли заниматься чем-то подобным? У тебя были враги, которые могли бы притвориться, и быть похожим на полицейского?

Стивен покачал головой.

— Нет. Большую часть времени, мы старались не высовываться. Черт, у нас даже не было каких-либо друзей.

— А Дункан? У него были сомнительные друзья?

Стивен снова покачал головой.

— Не. Он тоже не высовывался. Сначала, я думал, что у него появилась девушка. Иногда я слышал, как он уезжал ночью на машине. И он был, чертовски счастливым, все это время.

Я почувствовала складку на своем лбу. Моя первая мысль была в том, что Дункан в этом замешан. Не знаю почему, но в моем животе сразу что-то зашевелилось, когда Стивен сказал

это. Проблема в том, что Дункан — напарник Стивена. Это какая-то странная шутка с полицейским. Ты не сомневаешься в своем напарнике. Ты его не подозреваешь. Ты ему доверяешь. Ты отдаешь ему свою верность. Свою непоколебимую верность. Это человек, которому ты доверяешь свою жизнь каждый день. Эта слепая вера, очень сильная связь между напарниками, и я знаю, что Стивен не обрадуется, если я начну подозревать Дункана.

— Но, может быть, что-нибудь прояснится. Мы просто должны смотреть в оба глаза и держать ухо востро, — сказала я, но я чуть позже поговорю об этом с отцом.

Стивен улыбнулся.

— О, правда? И с помощью, каких связей, скажи на милость, о которых ты думаешь, станут нашими глазами или ушами, которые помогут в преступном мире?

Я сразу подумала о Хейми. Я надеялась, что больше не буду с ним разговаривать, но Стивен мало что знает или знал, что я общалась с теми людьми, у которых есть свои тайные связи с разными людьми, но не все они безопасные.

Я задумалась о реакции Стивена на Хейми, и переосмыслила свою первую мысль. Может Стивен знал. Может, мне стоило бы доверять брату все это время.

Может, у меня нет уже никакого смысла идти и расправлять свои крылья. Может, мне лучше жить в клетке.

Мой телефон зажужжал. Я больше не включала звонок. Это угнетает, когда он не звонит и также раздражает, когда он звонит.

Я посмотрела на яркий экран. Я увидела имя Хейми и его номер телефона. Снова. Он звонил, по крайней мере, по шесть раз каждый день, с того дня, когда я вышла из его машины. И каждый день я игнорировала его. Первые несколько дней, он оставлял голосовые сообщения. Короткие сообщения вроде таких: «Мне жаль, Слоун» и «Пожалуйста, прости меня, Слоун». Ничего, что имело бы значение. Это просто слова. Пустые слова.

В этот раз он ничего не сказал. Он просто дожидался сигнала голосовой почты и отключился, а я услышала тишину.

Я убрала телефон, чтобы не видеть его, но слышать. Я посмотрела на часы на тумбочке, они показывали уже одиннадцать часов. И я все еще в постели.

Я сегодня не пошла в школу. Я не могла. Прошла уже целая неделя, а толком не спала. Я не могла думать. Я не могла смотреть на этот весь мир. Поэтому я здесь. Жду. Чего, я не знаю.

Я дрейфовала в этом пространстве между сном и бодрствованием еще час до звонка. Сонно, я открыла глаза и снова посмотрела на часы. Я перевернулась и прижалась к подушке.

И зазвонил дверной звонок.

С рычанием, я отбросила одеяло в сторону и потопала вниз по лестнице, чтобы открыть дверь. Я задумалась на несколько секунд, что мой отец убил бы меня, если он увидел бы, что я забыла посмотреть в дверной глазок. В отличие от него и моих братьев, я едва привыкла к опасности для своей жизни и подозрительности в каждом человеке, которого я видела.

Но за дверью нечего бояться. Это была женщина. Она была одета в синюю рубашку поло с цветами от WANDA вышитыми на левой груди.

— У меня доставка для Слоун Локк, — сказала она голосом грубой курильщицы.

— Я возьму их, — сказала я, разглядывая огромные вазы с лилиями. Я уже чувствовала их запах.

Женщина отдала их мне и протянула мне блокнот.

— Они прекрасны, — сказала она, пока я клала их на изгиб руки и писала свое имя на листе бумаги.

— Спасибо, — сказала я ей, разворачиваясь, чтобы закрыть дверь.

— Удачного дня, — бросила она через плечо, и развернулась, чтобы идти дальше вниз по тротуару.

— Будет хреново, — бормотала я, закрывая дверь. — Как вчера.

Я поставила вазу с цветами на некогда-не-использованный обеденный стол и вынула открытку, чтобы посмотреть от кого цветы. «Надеюсь, что ты найдешь способ, чтобы простить меня. Х».

Я оставила открытку рядом с вазой и вернулась в свою спальню, желая, чтобы этот день уже закончился.

Следующие три дня были точно такими же. Каждый день я спала, и каждый день звонил дверной звонок. Это была всегда одна и та же дама с красивой вазой, наполненной взрывом цвета и аромата.

Каждый день она говорила мне, что цветы прекрасны, и каждый день я писала свое имя, и благодарила ее. И каждый день, после этого, я оставляла их на обеденном столе, вместе с остальными цветами. И все открытки.

Сегодня пятница. Почему-то сегодня отец был дома, а не на работе. Я знала это, когда он постучался в семь тридцать в мою дверь.

— Я сплю, — пробормотала я из-под подушки. Я ничего не слышала несколько секунд, пока не поняла, что он развернулся и ушел.

Я проснулась несколькими часами позже, моя первая мысль, которая пришла, что уже почти вторая половина дня и в дверной звонок не звонили. Где-то глубоко в груди, мое сердце, возможно, разрывалось. Сегодня запоминающийся день, когда Хейми сдался. Вчера был день, когда он заботился обо мне, как жаль, что он действительно был. Но только не сегодня. Сегодня конец. Сегодня запоминающийся день, когда он сдался.

Я все еще плакала в подушку, когда услышала дверной звонок. Мое сердце поднялось значительно быстрее, чем я этого ожидала, пока слушала приглушенные голоса отца и женщины. Я подождала несколько минут, прежде чем спуститься вниз. Мой отец стоял перед обеденным столом, уставленным вазами великолепными цветами различных оттенков. Я заметила новую вазу, прямо перед ним. Он держал, по крайней мере, два десятка чистых белых роз, а в центре была одна кроваво-красная роза. Я не знала, что это означает. Это могло означать, что угодно. Но почему-то этот единственный бутон говорил о многом более отчетливо, чем-либо еще. Как будто Хейми знал, что его просьбы и цветы, были белым шумом на фоне моей боли и разочарования. Но это он кричал мне сквозь пелену, говорил мне что-то, во что я не верила.

— Что это, Слоун? Ты пытаешься открыть цветочный магазин? — спросил отец, когда я подошла к нему, чтобы взять открытку, из маленького трезубца, который держал ее на месте.

— Ты только заметил это? — спросила я с удивлением, посмотрев на него, пока я разрывала маленький конвертик.

— Я никогда сюда не заходил, — защищался он.

— Вау, каким же ты оказался детективом, — пробормотала я, дразня его.

В первый раз за несколько дней, мне захотелось с кем-то поговорить, и тем более передразнить.

— Смотри, умница, — сказал он, выхватывая открытку из моих пальцев. Я бросилась к нему, но он поднял ее высоко над головой. Слишком высоко для меня.

— Хорошо, извини. Я просто играла, папа. А теперь отдай мне открытку.

— Нет. Я хочу знать, что происходит. Ты как чертов вампир, весь день спишь. Ты не ешь, ты ни с кем не разговариваешь, и ты получаешь цветы.

— Совсем нет, пап. Нет ничего, с чем бы, я не справилась, — я до сих пор сопротивлялась, будучи маленькой защищенной девочкой, хотя иногда хотелось, чтобы отец взял меня на руки и сказал, что все будет хорошо.

— Я не глупый, Слоун. Я знаю, что между вами было нечто большее, чем просто дружба. И я знаю, что такое предательство, и его почти невозможно преодолеть. Но ты попробуй поставить себя на его место. Подумай, на что ты пойдешь, чтобы защитить одного из своих братьев. И не дай Бог, если что-то случится с одним из них. Ты ведешь себя так, как будто ты не Локк, как будто ты не понимаешь, почему мы к тебе так относимся, но если кто-то причинит вред одному из нас, тебе придется выдержать все это, — я ничего не сказала, когда слушала его. Он достаточно хорошо знал всю ситуацию, знал, что Хейми ищет грязного копа. Кроме того, я дала очень мало деталей, кроме тех, которые указывали на Стивена. — Хорошо, — сказал он, когда я ничего не ответила. — Я знаю, я всегда был строг с тобой, но я надеюсь, что ты знаешь, что всегда можешь поговорить со мной. Я все еще твой отец, и я люблю тебя больше всего на свете.

— Я знаю, папа. И я люблю тебя, тоже, — уверяла я его. — И я в порядке. Правда.

— Сло-о-ун, — предупредил он.

— Па-а-па.

— Ты все еще беспокоишься о Стивене? — спросил он, заставляя меня вздохнуть.

— Может быть, немного.

— Ты сделала то, что должна была сделать, то, что ты считала лучшим, чтобы вернуться ко мне. Однажды, он увидит это. Особенно, когда я расскажу ему то, что узнал сегодня.

Мои уши оживились.

— Что? Что ты узнал сегодня?

Пока я ждала, что он мне скажет, я заметила глубокие морщины на его лбу, и фальшивую улыбку. Чтобы это не было, это было плохой новостью.

— Было несколько килограмм кокаина, конфискованное во время убийства в ходе расследования. Это был комбинированный вид наркотики/убийство. Это было примерно в то время, когда я только начал искать наркотики. Оказалось, пару килограмм не хватало. Они были около задней стенки полки, где никто не заметил бы, если специально не посмотрел бы. Я просмотрел журнал, чтобы посмотреть, кто приходил и уходил в течение шести месяцев, после того, как доказательства были зарегистрированы в системе. — Он сделал паузу, расставляя пальцы одной руки на лбу. — Оказалось, что Стивен использовал карту, чтобы пройти. Полдюжины раз.

Я задохнулась.

— Что? — Мое сердце так сильно застучало, что казалось, оно взорвется.

— Не стоит волноваться сейчас. Мы говорим о твоем брате. Я проверил журнал и заметил, что был вход и выход. Кто-то подписывался именем Стивена, проверяя досье на улики по делу, которое он вел годом ранее. Дело в том, что это не было похоже на подпись Стивена. Я держал это в тайне, до сих пор, и я постараюсь сохранить это в тайне какое-то время. Я сделал копию журнала, и я собираюсь отнести его к одному из экспертов-графологов города, который используется для судебных дел. Когда я возьму это для внутреннего дела, я хочу, чтобы запись уже показала, что подчерк поддельный. А потом я буду заниматься этим дерьмом, пока не найду ублюдка, который подставил моего сына.

Я увидела злость, исходящую из него, как пар.

— Кто мог бы сделать это с ним, отец? И почему?

— Ну, у меня есть кое-какие подозрения. — Он осмысленно посмотрел на меня и спустя несколько секунд, я поняла, почему ему страшно рассказывать Стивену то, что поначалу казалось такой хорошей новостью.

Время — когда Стивен жил с Дунканом на улице Тамблин. Совпадение — Дункан уезжал поздно вечером, и Стивен думал, что у него были свидания. Факты — кто-то получил карту Стивена и пользовался ею достаточно долго, чтобы проверять улики в шкафчиках. И это должен был быть полицейский.

Все указывает на одного человека. Лучшего друга моего брата. Его самого надежного друга. Его напарника.

— Ох, черт, — задышала я. — Дункан. — Я подняла глаза на отца и увидела в них печаль. Уверена, что он тоже чувствовал себя обманутым. Он любил Дункана, как сына. Он много лет работал с отцом Дункана. Отец Дункана работал с наркотиками.

Наконец, он кивнул мне.

— Но у меня должны быть доказательства. И мне понадобится помощь твоего брата. И ты знаешь, что ему это не понравится.

— Нет, ему это не понравится, но он это сделает. Потому что это правильно. Это путь Локков, — сказала я, улыбаясь своему отцу со словами, которые мне говорили всю мою жизнь.

— Да, это путь Локков. Мы защищаем своих. Любой ценой.

Почему-то — в миллионный раз — я подумала о Хейми.

Глава 40. Хейми

Слоун по-прежнему не отвечала на мои звонки. Я не знал, как можно еще связаться с ней, как ее убедить поговорить со мной. Выслушать меня. Еще один раз.

Есть вещи, о которых я должен рассказать ей, вещи, которые я понял только сейчас. Вещи, о которых я не смогу рассказать по голосовой почте или в открытке, или с помощью цветов.

Важные вещи.

Правдивые вещи.

Как я и обещал ей.

Еще раз я набрал ее номер. Опять гудки, и гудки, и гудки. Наконец, я услышал ее знакомый голос на хорошо знакомом сообщении. Мой живот скрутило, просто услышав это сообщение, опасаясь, что я больше никогда не сделаю что-то правильное, что она никогда не простит меня. И у меня никогда не будет возможности рассказать ей то, что должен рассказать.

— Слоун, это я. Я кое-что должен рассказать тебе. Это важно. Пожалуйста, просто дай мне несколько минут. Пожалуйста.

Со вздохом, я отключился.

Снова.

Теперь мне нужно просто подождать.

Снова.

Глава 41. Слоун

Я подумала, что если выйду с Сарой куда-нибудь на одну ночь, это сможет заставить меня чувствовать себя намного лучше. Мало того, что я не чувствовала себя лучше, теперь я чувствовала себя тошно, направляясь домой. Я не удивилась, если честно. Я очень плохо ела и мало спала, из-за произошедшего с Хейми. Вероятно, я просто была истощена.

Когда я возвращалась домой, отец сидел за обеденным столом и просматривал карточки, которые все еще лежали там. Большинство цветов были уже мертвы и выброшены. Но я не могла, по некоторым причинам, заставить себя выкинуть карточки. Только не сейчас.

— Что делаешь? — спросил отец, останавливаясь позади стула, на котором он сидел.

Прежде чем ответить, отец аккуратно сложил цветочные карточки вместе и передал их мне.

— Ты прочитала их все?

— Да.

Он медленно кивнул головой в знак согласия, складывая мои пальцы вокруг маленьких прямоугольников.

— Без изменений?

Я действительно не знала, что ответить на это. Я была намного меньше расстроена, чем раньше, но я не знала, почему, однако. Либо я на пути, чтоб простить Хейми, либо время просто заживляет мои раны. Я пожала плечами.

— Он был здесь сегодня ночью. Искал тебя. — Мой отец посмотрел на меня, внимательно следя за моей реакцией. Больше он ничего не сказал, что подтолкнуло меня к ответу.

— Чего он хотел?

— Поговорить с тобой.

Пффф.

— Он сказал зачем?

— Нет, но я думаю, что тебе следует, по крайней мере, хотя бы выслушать его.

— Тебе легко так сказать, отец. Ты не знаешь всей истории.

— Это не так-то просто мне сказать тебе. Я ненавижу саму мысль, что кто-то причинит тебе боль. По любым причинам. В любом споре я приму твою сторону. Какая-то часть хочет скрутить этому парню шею, за то, что заставил пройти тебя через ад за эти несколько недель. Мне даже сложно подумать о том, что моя маленькая девочка выросла и, возможно, влюбилась, Слоун. Для меня тяжело отдать свою девочку нахальному сопляку и надеяться, что он позаботится о ней. Однако я знаю, что, в конечном счете, я должен сделать это. Что-то говорит мне, что он значит что-то для тебя. Больше того, что я ему доверил. Я знал, что что-то происходило, но я не думал, и, даже, не знал насколько важным — это было для тебя, насколько важным он был для тебя.

Отец откинулся на спинку стула и встал лицом ко мне.

— Жизнь коротка, Слоун. Когда я хочу забыть насколько, ты напоминаешь мне. Вот уже несколько лет, на протяжении каждого дня, ты напоминаешь мне. Однако знаешь что? Ты была права. Жизнь коротка и ты должна прожить ее, как можно лучше так долго, как только сможешь. Если я мог бы вернуться обратно и добавить несколько лет, дней или даже часов с твоей матерью, я бы сделал это. В сердце. Я никогда не хотел бы, сделать что-нибудь, чтоб обмануть тебя в такие времена, Слоун. В такие моменты, как сейчас. Ты так думаешь об этом долго, Слоун. — Сказал он, дотрагиваясь до моей руки, что сжимала карточки. — Если есть способ простить его, если ты думаешь, что он достоин этого, тогда поговори с ним. Дай ему

этот шанс. Не живи с сожалением всю оставшуюся жизнь. Когда ты живешь с сожалением позади, короткая жизнь может показаться вечностью в аду.

Отец прошел мимо, похлопал меня по руке. Прежде чем покинуть комнату, он оглянулся.

— Ты в порядке? Твое лицо красное.

Я прикоснулась к своей щеке. Она была теплой, и я до сих пор не чувствовала себя в порядке, но я должна была улыбнуться своему отцу, ради утешения.

— Я в порядке, папа.

Он улыбнулся и ушел. Я услышала, как он начал свистеть, когда вошел на кухню, и я заулыбалась еще больше. Он все время свистел, когда мама была жива. Теперь это редкость. Учитывая все проблемы, с которыми наша семья столкнулась в последнее время, это еще более особенно. Я знаю, что мысли о маме — хорошие, счастливые мысли — пробудили эти песни. Просто помнила, что такая любовь может обойти все вокруг. Это может превратить жизнь в дерьмо на какое-то время, но, в конце концов, все это стоит того. Мне просто нужно решить, стоит ли это с Хейми.

На следующий день громкий стук разбудил меня ото сна. Трудно бороться с пробуждением, отделить реальность от мира мечты, в которой я была так счастлива. Реальность — однако гораздо более настойчивее, особенно, когда речь идет о моем брате.

— Слоун, ответь. — Стивен стучал в мою закрытую спальню.

— Чтобы это не было, это может подождать, Стивен. Я сплю.

— Еще даже нет восьми часов. Почему ты еще в постели?

Это отличный вопрос, на который у меня нет ответа. Я подумала о том, что воскресный день звучит хорошо. Я думала о том, что почти пять часов — это нечто большее, чем сон. Но я просто измучена!

— Я встаю. Дай мне минуту.

Я вздохнула, как смогла, и пошла к двери, поворачивая замок и отступая назад, чтобы мой брат смог войти.

— Ты знала об этом?

Он не теряет времени, бросаясь на меня, когда зашел.

— О чем я должна была знать?

— О том, что этот мудака Хейми проводит расследование обо мне? О том, что он нацелился на нашу семью.

— Не с самого начала. Почему ты думаешь, что я больше не вижусь с ним?

Я опустила на край кровати и наблюдала, как Стивен ходил туда-сюда. Я уверена, что он в ярости, но за этим я увидела, что ему больно, и он предан. Не Хейми, но он сделает из него эффективного козла отпущения.

— Мне не нравился этот мудака. Я говорил это.

— Стивен, нравиться тебе он или нет, но он сделал то, что должен был сделать для своей семьи. Он, возможно, даже, спас твою жизнь.

— Как он, черт подери, может сделать что-нибудь хорошее для меня?

— Это о Дункане, не так ли?

Стивен ничего не сказал, но я увидела, как напрягается его челюсть.

— Дункан — это не тот, кто использовал...

— Да, это он, Стивен. Дункан ошибся во многом. Я знаю, что он был твоим лучшим другом и твоим напарником, и я знаю, что ты чувствуешь себя преданным, но ты не можешь

оправдывать его. Он украл твой пропуск безопасности, пока ты спал, Стивен! Это довольно дерьмовая вещь для достойного друга. Знаешь, сколько неприятностей он мог нам доставить?

— По крайней мере, он не обстреливал наш дом, — сказал он, сплевывая.

— Да, это был он. Это были его незаконные действия, которые даже заставляли людей думать, что все это началось с тебя. Как ты думаешь, почему он использовал твой пропуск? Это ошибка только Дункана. Единственное, что сделал Хейми, это наткнулся на него.

Стивен остановился и посмотрел на меня.

— Он использовал тебя для расследования.

Его слова жалили. Потому что это правда. И я все еще боролась с этим.

— Я знаю это, Стивен, но поставь себя на его место. Если бы меня убили таким же образом, руками грязного полицейского не меньше, чего только ты б не сделал, чтобы привести преступника к ответственности? Чего только б ты не сделал, чтобы люди платили за свои поступки?

Я встала с кровати, подходя к брату. Он стоял как огромный, жесткий Халк в дверях.

— Стивен, ты бы сделал то же самое. Может быть, еще хуже. Нет никаких ограничений для того, что мы будем делать для людей, которых любим.

— Я никогда не смогу простить его. Ты ведь понимаешь это, верно?

— Хейми не тот, кто нуждается в твоём прощении, Стивен. Единственное, в чем он виноват, — это в том, что он научил меня татуировке. Возможно, у него был скрытый мотив, но он не сделал ничего плохого. Он дал небольшую информацию доверенному официальному лицу. Тем не менее, он извинился за это в любом случае. Он не заслуживает твоего гнева. Помести свое возмущение туда, где ему место. Дункан предал тебя наихудшим образом и из-за этого умер невинный человек. Давай не будем забывать, кто настоящий злодей здесь.

— Ты собираешься стоять там и защищать его? После всего, что он сделал?

— Он не сделал ничего, чего бы мы не сделали, Стивен, — мягко напомнила ему. Когда я посмотрела на него, то увидела гнев, который мой брат чувствовал воюя с правдой моих слов. Он хотел злиться на Хейми, но он знал, что это не оправдано. Все это можно и нужно проложить у ног Дункана. Хейми никогда бы не поставил нашу семью под угрозу, если бы он знал, действительно знал, что все пошло бы не так. Он не тот человек.

Стивен вздрогнул. Он повернулся, чтобы уйти, остановился, прежде чем закрыть за собой дверь.

— Если он не сделал ничего плохого, и он не заслуживает моего гнева, тогда почему ты не видишься с ним больше?

Я увидела, как губы Стивена ухмыляются, когда он закрывал дверь. Он думал, что он высказался, но все, что он сделал, напоминало мне, насколько я ошибалась. Защита Хейми заставила меня понять, что было там все время.

Да, Хейми забыл рассказать мне, что происходит. Да, он получил меня под ложным предлогом, но я глубоко в душе знаю, что то, что произошло между нами, было реальным. Однако это началось, и это стало реальностью. И я могла видеть на его лице, как сильно он ненавидел то, что он сделал со мной, что он сделал с моей семьей.

Но то, что я сказала Стивену, было правдой. Хейми ничего не сделал, чтобы члены моей семьи не сделали бы. Он не заслуживает моего гнева или моей ненависти. Ему нужно мое понимание. И мое прощение. Две вещи, которые я еще не дала ему.

«Еще нет» — подумала я про себя. Но еще не вечер.

Глава 42. Хейми

Я сделал глоток текилы и оперся головой о край горячей ванны, концентрируясь на падающей струе по моим больным мышцам. В последнее время, я был сильно очень напряжен. Занимаясь делом со своим старым продавцом кокса, Себастьяном, я хотел узнать, кто-нибудь жаловался ли на брата Слоун и потратил достаточное количество денег, чтобы остановить все это, и я почувствовал, что снова переживаю заново свои адские дни, которые привели к смерти Олли. Так что сегодня я не пошел на работу, остался в своем доме, чтобы насладиться дерьмом в гидромассажной ванне.

Когда мой телефон зазвонил, я не хотел отвечать на него, но быстро рассеял эту мысль. Я ждал очень важную информацию, поэтому не хотел пропустить ни один звонок.

— Да, — ответил я.

— Мистер Спенсер, это Уинстон, охранник у ворот. К вам посетитель, сэр. Мисс Локк. Мне открыть ворота?

Мой желудок сжался.

— Да,пусти ее.

Я просидел в теплой воде несколько секунд, удивляясь тому, почему она пришла ко мне, когда она даже не отвечала на мои звонки. Мне не потребовалось много времени, чтобы понять, что мне плевать. Я просто рад, что она пришла, что я увижу ее и снова поговорю с ней. Даже, если это в последний раз.

Это означает, что у меня есть одна попытка. Одна. Последняя. Попытка.

Я заставил себя вылезти из ванны, обернул полотенце вокруг талии и наполнил свой стакан жидкостью. И снова сделал маленький глоток.

Я услышал ноющий двигатель Слоун, перед тем, как он показался впереди. Я направился к двери, чтобы открыть ее и подождать.

Когда Слоун повернула за угол, она увидела меня. Ее глаза опустились на мою грудь и дальше вниз к моему полотенцу. Я не реагировал на свой член. Но блин, это тяжело!

Я стиснул зубы и отступил назад, давая немного места пройти ей мимо меня, что она и сделала, наконец. Когда она прошла мимо меня, то я почувствовал свежий запах ее шампуня, который она всегда использует, и этот уникальный аромат, который создан специально для Слоун.

— Что ты здесь делаешь? — спросил я, когда закрыл дверь позади нее.

Слоун ждала, пока я не буду стоять перед ней, смотреть в ее глаза, прежде чем она ответит.

— Ты говорил, что тебе нужно пять минут. Ну, я даю тебе их. Сейчас все закончится. Так или иначе.

Эта фраза заставила меня напрячься, но я не смог сказать, что был полностью ошеломлен.

Я понимал, почему она хочет навсегда вычеркнуть меня. То, что я сделал с ней — было очень неприятно. Невероятно, даже. Думаю, я просто надеялся, что она сможет. Простить меня. Это она и сделала. Почему-то она изменила свое мнение на то, что было у нас. Я знаю, что я сделал. Я дал бы ей тысячу шансов, если бы это означало, что она останется и никогда не бросит меня.

— В таком случае, — сказал я, снова делая глоток и подходя к краю барной стойки, чтобы налить себе еще. Когда я развернулся, Слоун стояла рядом со мной, а ее глаза были устремлены на меня, ее выражение лица настораживало. — Я хотел сказать тебе, что я нашел людей, которые угрожали твоему брату. Они больше не причинят тебе или твоей семье неприятностей.

Она не была удивленной. Она просто кивнула.

— Спасибо.

Я ждал, когда она скажет что-нибудь еще, но она ничего не сказала, поэтому я продолжил:

— У меня также есть друг, адвокат моего брата, который следит за всем и проверяет, кто может быть причастен к наркотикам. И я выясню, кто это, и помогу тебе с твоим братом. Я обещаю.

— Не надо давать обещаний, если ты не сможешь их сдержать, — тихо сказала она, напоминая мне о разговоре, который у нас был вечность назад.

— Нет. Я обещаю, что я сдержу, либо умру, попытаюсь сдержать обещание.

Она ничего не сказала, просто посмотрела на меня. Наконец, после долгой паузы она спросила:

— Это то, что ты хотел мне сказать?

Я глубоко вздохнул. Сейчас или никогда.

— Частично.

Слоун посмотрела на часы.

— Хорошо, тебе лучше перейти к другой части этого разговора.

Я потратил несколько секунд, рассматривая ее. На ней была черная футболка с глубоким V-образным вырезом, короткая серебристая юбка и серебристые сандалии. Ее ногти на ногах были покрашены в ярко-красный цвет, и в такой же цвет покрашены пальцы на руках, которые я заметил, когда она нервно разглаживала юбку на бедрах. Я понял, когда увидел ее жест, что ей так же трудно как и мне, может быть еще тяжелее. Пришло время сойти с ума.

Я сделал шаг навстречу к ней. Я не знал, захочет ли она принять мою близость, но я не хотел ждать, чтобы узнать. Я приблизился. Начнем сначала.

— В самый первый раз, когда я увидел тебя, было что-то в твоих глазах, что я почувствовал, будто я связан. Я проверил это всякими другими вещами, например, физическим влечением, дружеским общением, назови это как хочешь. А потом, когда я увидел, какой ты была невинной... какая была у тебя сексуальная привлекательность... о, Боже! Я не знал, черт возьми, что способен сопротивляться. Я знал, что мне нужно держаться подальше от тебя, вот почему, я сказал тебе, что не научу тебя рисовать татуировки. Но потом я увидел тебя с твоим братом. Я знал, что у меня, наверное, никогда больше не представится другая возможность — узнать как можно больше о том, кого я подозреваю. Так что я решился на это. Я сказал себе, что я буду держаться подальше от тебя, кроме уроков рисования татуировок. А между тем, я разузнал бы о твоей семье. И я получил, что я хотел, я думал, что это то, что мне нужно. Как только я услышал, как ты утверждала, что твой брат имеет отношение к Тамблин, я забеспокоился. Я думал, что все, о чем я мог думать последние два года, это об убийце своего брата. Но это было до того, как я встретил тебя. Даже когда, я верил, что нашел нужного парня, я чувствовал себя дерьмом за передачу этой информации. Я знал, что это причинит тебе боль, но я все равно сделал это. И с каждым днем я чувствовал себя все хуже и хуже. Боль, причиненная тебе, этого не стоила. Это не вернуло моего брата. Это просто поранило мое сердце. И теперь я знаю, почему я знал, почему мне так больно было причинить тебе боль. Даже когда, я уже был влюблен в тебя. Я сопротивлялся тебе столько, сколько мог, говоря себе, что это было просто сексуально, и что когда, я обману тебя, ты уйдешь из моей жизни. Но это было не так. Все, что я делал, было только хуже.

Слоун не сказала ни слова, но, по крайней мере, она слушала. И чем больше я говорил о том, как все было, о том, как она заставляет меня чувствовать, тем больше я начинал чувствовать ее. Поэтому я сделал шаг еще ближе к ней, достаточно близко, чтобы прикоснуться к ней.

— Это захватывающе, иметь то, чего больше никто не трогал. Это заставило меня хотеть большего. Я не просто хотел тебя. Я хотел овладеть тобой. Я хотел сделать тебя своей, чтобы ты никогда не была с кем-то другим. Я хотел тебя, Слоун, — признался я, дотрагиваясь до ее щеки подушечкой указательного пальца. — Всегда. Но этого было недостаточно. Этого недостаточно, чтобы воспользоваться тобой один или два раза, или на некоторое время. Я хотел, чтобы ты была моей. Навсегда. Потому что, я люблю тебя больше, чем я этого хочу. И я не хочу тебя отпускать. Никогда.

Посмотрев в ее глаза, я увидел шанс. Я увидел момент, когда она перестала быть осторожной, и я увидел, что она ко мне все еще что-то чувствует, кроме ненависти.

— Пожалуйста, скажи мне, что можешь простить меня, Слоун. Пожалуйста. Скажи, что еще не поздно. — Когда я увидел, как ее губы выпускают судорожный вздох, я потерял контроль над собой. — Попроси меня поцеловать тебя, детка. Пожалуйста. Пожалуйста, Боже, попроси меня поцеловать тебя. Ты нужна мне, Слоун. Я хочу чувствовать тебя.

Я прижал ее. Я знал, но я ничего не смог поделать. Я хотел прикоснуться к ней, поцеловать ее, взять ее в свои руки так сильно, чтобы я смог практически почувствовать ее. Кроме текилы, я помнил, какая она на вкус, на кончике моего языка. После текилы, я страстно желал этого. Как будто до этого я никогда так больше ничего не желал. Даже во время мести. Или справедливости.

Я поднял руки к ее лицу, умоляя ее:

— Пожалуйста, Слоун. Пожалуйста.

Она так долго смотрела в мои глаза, что мне на самом деле стало больно за нее. В груди, в животе, в паховой области. В своей голове. Я хотел, чтобы она захотела меня всего. И я хотел ее всю. Всю ее. Тело, сердце и душу.

А затем она пробормотала слова, которые перевернули весь мой мир.

— Поцелуй меня.

Так я и сделал. Я поцеловал ее мягкие губы, сладкие, как любовь, которую я чувствую к ней. Я переместил свой язык по складочкам между ними, втягивая ее нижнюю губу в рот и нежно посасывая ее. Почувствовал ее стон, ее мятное теплое дыхание на своей щеке.

Когда мой язык вошел в ее рот, там встретил меня ее язык, лизнул меня, дразня, вспоминая о ней. Я дотронулся до нее, положил свою ладонь на нижнюю часть ее спины и прижал ее тело к своему. Я почувствовал, как ее пальцы переплетались с моими волосами и крепко держась, поднимала меня на следующий уровень моего подавленного желания.

Я крепко удерживал свою страсть. Сейчас не время терять ее. Она должна почувствовать то, что я пытался ей сказать, она должна почувствовать, как много она значит для меня. Она должна знать, что дело не только в сексе, а еще и в любви.

Слоун отстранилась, поражая меня, когда она смотрела мне в лицо. В ее глазах стояли слезы, а в голосе была дрожь.

— Займись со мной любовью, Хейми, — тихо потребовала она. — Займись со мной любовью и пообещай, что все будет хорошо.

— Я думал, что ты не нуждаешься в обещаниях.

— Я никогда не хотела верить в большее, нежели сейчас. Поэтому скажи мне. Скажи мне всю эту красивую ложь. Скажи мне, что все будет хорошо.

Одна слеза скатилась с ее ресниц, и я поцеловал ее легким касанием губ.

— Все будет хорошо, Слоун. Я обещаю тебе. Я обещаю тебе, что я сделаю все возможное, чтобы это было так. Я все сделаю для тебя. Все что угодно, чтобы сделать тебя счастливой. Только скажи, что ты останешься. Скажи, что ты останешься со мной, и мне не придется чувствовать себя несчастным без тебя.

В ее глазах еще появились слезы.

— Я останусь до тех пор, пока позволит жизнь.

И этого достаточно для меня.

Когда она прижалась своими губами к моим губам, то я отпустил все, что сдерживало меня. Все оговорки, весь гнев, весь страх, и я погрузился в Слоун.

Глава 43. Слоун

Мои руки на Хейми были настойчивыми. Требовательными. Мои губы для Хейми были отчаянными. Умоляющими. Мое сердце для Хейми было уверенным. Рвущимся. Я люблю его. И он любит меня. Нет более чем сегодняшнего прекрасного дня. После всей боли была радость. Радость неопишуемая. И я не жалею. Это того стоило. Стоило того, чтобы услышать, как он говорит, что любит меня.

Кожа Хейми никогда не была такой гладкой под моими пальцами. Его рот никогда не был так сладок. Это все равно, что заново обрести его, снова влюбиться в него. Только на этот раз он поймал меня в свою сеть. Он и есть моя сеть, потому что он тоже меня любит. И это заставляет его рисковать. Рисковать для чего угодно.

Мои руки спустились вниз, к его обернутому вокруг бедер полотенцу. Я ослабила его, позволив ему упасть, и поднесла свою руку к его бедру, пока мои пальцы не сомкнулись вокруг его твердого члена. Он застонал мне в рот, и я вдохнула это. Я вдохнула его.

— Слоун, — прошептал он, его руки были крепкими и требовательными, но в тоже время мягкими при прикосновении к моему телу. С большой осторожностью он снял с меня футболку, затем юбку и трусики, и, изгибаясь, стащил с меня сандалии с моих ног. Когда он выпрямился, он немного отступил назад и глазами изучал мое голое тело.

— Ты такая красивая. И ты вся моя. Всегда. Вся моя.

Он осыпал меня поцелуями. Везде, от шеи до пупка, я почувствовала, как будто они, как крылья бабочек скользят по мне. Так легко, так сладко, так далеко.

— Твоя кожа такая горячая, — вздохнул он снова на меня. — Ты вся горишь.

Я услышала его голос, как будто он в нескольких милях от меня, разговаривает со мной на конце рая, куда я пробираюсь через теплую воду, чтобы добраться до него. Я даже слышу настойчивость в его голосе. Я не понимала, но я слышу его.

— Слоун, посмотри на меня, — я пыталась, но мои веки не подчинялись мне. И потом я почувствовала, как мир погрузился, и я падаю. Но, как я и ожидала, руки Хейми поймали меня. Он будет оберегать меня в безопасном месте. До тех пор, пока я не покину этот мир, он будет оберегать меня в безопасном месте.

Глава 44. Хейми

— Слоун! — закричал я, мой голос становился все громче и громче. Она просто обмякла в моих руках. Ее щеки стали красными и появились капельки пота на лбу. Ее кожа была горячая на ощупь. Она билась в лихорадке. — Слоун, ответь мне!

Я осторожно опустил ее на пол, и она застонала. Она нахмурила брови, давая мне понять, что ей больно. Или что-то не так. Очень, очень плохо.

Я схватился за свой телефон, набирая 911. Это все, что я знал. Я не знал, что случилось. В одну минуту она была со мной, а в следующую уже нет.

Я сообщил им о чрезвычайном положении и оставил свой адрес, и затем позвонил охраннику, чтобы он знал, что к нам приедут. Я взял Слоун на руки и отнес ее к дивану, затем подбежал к одежде, схватил ее и надел на нее, как можно быстрее и нежнее. Даже после манипулирования с ее руками и ногами, пытаюсь, одеть на нее одежду, она не шевельнулась. Она просто поворачивала голову из стороны в сторону, ее лоб был все еще сморщенным, как будто она тяжело дышала, короткими и неглубокими вдохами.

Я быстро поднялся по лестнице наверх, схватил первые попавшиеся джинсы и рубашку, и быстро спустился вниз, и начал одеваться рядом со Слоун, чтобы следить за ней. Когда я услышал дизельный двигатель машины, то быстро побежал надевать ботинки возле двери. Я открыл дверь и ждал, стоя посередине, чтобы следить за Слоун, пока они войдут вовнутрь. Врачи спешили, неся на плечах носилки и сумку, поставленную на них (носилки имеется в виду). Оба были примерно сорокалетними, я бы сказал. Оба выглядели серьезными и квалифицированными, что заставило меня чувствовать себя намного лучше.

— Сэр, вы можете сказать мне, что случилось?

— Она просто упала у меня на руках и теперь не реагирует. Кожа ее горячая, как будто у нее лихорадка. Кроме этого, я не знаю, что случилось.

Я почувствовал страх, который грыз меня изнутри. Я не мог потерять ее. Не сейчас. Не так. Не тогда, когда я так многое еще хотел сказать, так много хотел показать ей и доказать ей.

Мое сердце застучало в груди, когда они приступили к работе над ней и не получили никакого результата.

— Как ее зовут, сэр?

— Слоун.

— Слоун! — произнес он громко. — Слоун, ты можешь открыть глаза и посмотреть на меня?

Ничего. Ни трепета век, ни поворота головы, ни движения губ. Просто ничего.

Один из врачей прислонил свой стетоскоп к ее груди, в то время как другой врач взял ее за руку и прижал свой ноготок к ее кутикуле. Она даже не дернулась. Они что-то бормотали друг другу. Один допрашивал меня, пока они клали ее на носилки.

— Она употребляла алкоголь?

— Нет, сэр.

— Она принимает какие-либо лекарства?

— Только противозачаточные таблетки, которые я знаю.

— У нее есть на что-нибудь аллергия?

Я пожал плечами и покачал головой, чувствуя себя таким беспомощным.

— Не то, чтобы я знал, но...

Он кивнул, делая какие-то пометки на бумаге, приколотой к его планшету.

— Сэр, мы отвезем ее в больницу. Она потеряла сознание, но ее состояние сейчас стабильное. Вы можете поехать с нами, если хотите. Она упала?

— Да, вообще-то.

— Вы член семьи? Или вы можете связаться с кем-то, кто смог бы встретиться с нами в больнице?

— Я не... нет, я не из семьи, но я могу позвонить с ее телефона ее отцу по дороге.

— Звучит неплохо. Если вы сделаете это, то мы тогда сразу доставим ее в отделение.

Пока оба врача поднимали носилки со Слоун, они раздвинули ножки у носилок, чтобы потом смогли проехать через дверь или вниз по лестнице. Поскольку Слоун не взяла с собой сумочку, я побежал к ее машине, схватил ее сумочку с заднего сиденья и побежал обратно к скорой, чтобы сесть рядом с ней.

Я увидел ее телефон, как только открыл сумочку. Он был в маленьком кармашке сбоку, очевидно предназначенный для хранения телефона. Я достал его и пролистал ее контакты, пока не нашел номер ее отца. Я нажал на его номер и слушал гудки, пока врачи очищали руку, чтобы ввести внутривенный укол.

Когда большая игла проткнула ее кожу, то я посмотрел на ее лицо, пытаюсь, понять почувствовала ли она этот укол. Она не двигалась. Мой желудок стал тонуть, как будто я проглотил горсть камней.

— Локк, — услышал я ответ на другом конце телефона, отвлекающий меня от неподвижной Слоун.

— Мистер Локк, это Хейми Спенсер. Слоун пришла ко мне сегодня вечером. Она упала. Я сейчас вместе с ней едем на скорой помощи в отделение. Вы сможете встретиться с нами там?

Последовала пауза, во время которой я был уверен, что отец Слоун обрабатывает полученную информацию от меня. Я не люблю ходить вокруг да около. Я не такой человек и он тоже.

— Что с ней? — спросил он. Его голос был настолько тихим, что мне пришлось напрячься, чтобы его услышать. Страх был очевидным, что заставило меня еще больше затревожиться.

— Я не знаю. Она покраснела и вспотела, ее кожа была горячей, как будто у нее лихорадка. До этого она чувствовала себя превосходно. Но теперь она не реагирует. Я не знаю... я просто...

Слова ускользали от меня, когда я рассказывал ему о том, что сам мало знал. Это самое ужасное чувство в мире — быть беспомощным. И это страшно. Что может быть плохого в том, что она упала? И не отвечает? Это больше, чем просто обморок. Это очевидно.

— О, Боже, пожалуйста, нет, — услышал я, его шепот в телефоне.

Ледяные пальцы ужаса окутали мое сердце.

— Что? Что происходит? Почему вы так сказали?

Я услышал напряжение в голосе мистера Локка. Оно отчетливо и ясно передалось через телефон.

— Я объясню, когда приеду.

И затем он повесил трубку.

Оставшийся путь до больницы, мое сознание состязалось с вариантами развития событий. Там, они что-то сделали, чего я не смог понять. Медсестры вышли оценить ситуацию, задав мне только один вопрос.

— Сэр, вы член ее семьи?

Я хотел солгать, но не сделал этого.

— Нет.

— Вы связались с кем-то из ее семьи?

— Да.

— Простите, но вам придется подождать здесь, пока кто-то из ее семьи не придет. Затем, вы сможете подойти к регистрации. И затем, когда администратор даст нам знак, мы придем за вами.

Мне это не понравилось, но я понимал, что это правила больницы с врачебной тайной. Не сказав откровенную ложь, у меня не было поддержки, и я ничего не мог с этим поделать. Мне просто нужно было подождать, когда сюда приедет мистер Локк. Может к тому времени Слоун уже проснется. Я молился, чтобы она это сделала.

Через окна, выходящие на стоянку, я наблюдал за фарами каждой машины, которая приезжала, надеясь, что это подъехал отец Слоун. Когда он, наконец, подъехал, я подошел к двери, чтобы подождать его.

Как только он прошел мимо меня, я пошел за ним.

— Им нужно, чтобы вы ответили на некоторые вопросы в регистрации, прежде чем они позволят нам вернуться.

— Черт подери! — сказал он гневно, шагая к стойке регистрации. — Мою дочь привезли на машине скорой помощи несколько минут назад. Мне нужно увидеть ее. Прямо сейчас.

Он не оставил им другого выбора.

— Сэр, — начала молодая блондинка, — если вы будете...

— Бумаги могут подождать. Сначала я хочу увидеть свою дочь.

Девушка смотрела на него в течение несколько секунд, очевидно, оценивая, действительно ли он будет отстаивать свою точку зрения и сколько усилий потребуется для этого. Она быстро поняла, что не стоит спорить и быстро сдалась.

— Присаживайтесь, а я позову медсестру.

Мистер Локк кивнул и развернулся, чтобы найти местечко поближе к двери, которая вела в палату. Где была Слоун. Он наклонился вперед, поставил локти на колени и положил голову на руки.

Я шагал перед ним, чувствуя себя еще боле и более расстроенным. Он не только не удивился этому, но еще, казалось, как будто боялся этого дня.

— Мистер Локк, я хочу, чтобы вы были честным со мной. Что, черт возьми, происходит со Слоун?

Несколько секунд он не двигался. Не отвечал. Наконец, он пробежал своими пальцами по темно-коричневым волосам, и выпрямился в кресле, а его лицо, казалось, выглядело на десять лет старше.

— Слоун рассказывала тебе когда-нибудь о своей матери?

— Я знаю, что она умерла от лейкоза, верно?

— Да. Она впервые заболела этим, когда еще была ребенком. У нее была ремиссия и была здорова годами. А потом, однажды... БАМ! Она заболела. Сначала мы думали, что это грипп. Она заболела и чувствовала себя не очень хорошо в течение нескольких дней. Но потом, однажды вечером после ужина, она просто рухнула в моих объятиях. Она горела от лихорадки. Я отвез ее в больницу и ей сделали все возможные анализы. Оказалось, что это у нее рецидив лейкоза. И когда это произойдет снова, прогноз будет очень печальным. Она боролась с ним, как солдат, но не смогла победить его, когда это повторилось. Она умерла через два года спустя, — закончил он, его голос был несчастным.

— Слоун рассказала мне о своей матери, и мне жаль, что такое случилось с вашей семьей. При всем уважении, но какое отношение это имеет к Слоун?

Мистер Локк посмотрел вверх и встретился с моими глазами. Они были измученными и расстроенными.

— Потому что со Слоун уже было такое, когда она была маленькой девочкой.

Он больше ничего не сказал, просто смотрел на меня, в то время как его слова проникли в мою голову и обрабатывались.

— Вы хотите сказать, что у Слоун лейкоз?

— Да, это то, что я тебе сказал. Ей поставили диагноз, когда ей было пять. Она начала вести себя, как маленькая девочка и чувствовать себя лучше, когда ее мать умерла. С тех пор она была в порядке. Упрямая, как черт, решила жить своей жизнью, пока она у нее есть. На всякий случай... Каждый день она жила «на всякий случай». И поэтому мы так сильно старались защитить ее.

Мои глаза, моя грудь, моя душа обожглись этим знанием, которое рассказал отец Слоун. Мой мозг отвергал это, пытаюсь найти другие объяснения. Но их не было.

Я едва смог произнести слова сквозь свои онемевшие губы.

— То есть вы хотите сказать, что если у Слоун рецидив лейкоза, то она сможет прожить всего несколько лет?

Глаза мистера Локка наполнились слезами, а мое сердце рассыпалось на кусочки.

— Это то, что я сказал тебе, — продолжил он, его голос преломился, когда он снова опустил голову на руки.

Я увидел, как его плечи затряслись, как и все его общения, и надежда, и счастье на будущее, которые внезапно рухнули. Я разрывался между криком и ударом кулака в одну из бетонных стен снова и снова. Или просто уйти отсюда, чтобы спрятаться в темном месте и рыдать.

Как такое могло произойти? Она так молода, и впереди еще столько всего. Как она может быть больной? С ней все в порядке. Все это время она была в порядке. Такой живой, полной жизни...

Когда мистер Локк поднялся и снова подошел к стойке регистрации, то я стоял на прежнем месте, утопая в раскаяние. Все это время, я мог наслаждаться Слоун, радоваться вместе с ней, смеяться вместе с ней, держать и трогать ее, рассказать ей правду о том, что в моем сердце. Но вместо этого я разрушал все то, что было у нас с помощью лжи и обмана. В глубине души я надеялся, что если она простит меня, у меня будет еще один шанс. У меня было бы больше времени, времени, которое компенсирует то, что я сделал, время, чтобы сделать ее счастливой и увидеть ее улыбку. Не заставляя ее плакать.

Но это была злая шутка. Не было времени. Не было будущего. Не для Слоун. И, теперь, не для меня. Она — это все, чего бы я хотел. Прекрасная. Совершенная. Незаменимая.

Отчаяние захлестнуло меня. Мои мысли, мои чувства, мои мышцы. Когда я увидел, что дверь открывается, я развернулся и побежал. Я не спрашивал разрешения. Я не слышал, что голоса кричали мне остановиться. Я просто бежал.

Я проходил мимо дверей. Я останавливался, чтобы посмотреть в каждую дверь, высматривая Слоун. Сквозь туннель душевной боли, я слышал голоса сзади себя, но я игнорировал их, продолжая искать. Я не мог остановиться, пока не найду ее. Я не хотел успокаиваться, пока не увижу ее.

А потом, я сделал это. Я увидел ее лицо, повернутое в сторону окна комнаты, в которой она находилась. Ее глаза были закрыты, ее выражение лица было спокойным, и прямо сейчас, в этот момент, я знал, что не смогу жить без нее. Я даже не смог представить себе, что я буду делать, если она умрет. Сегодня. Завтра вечером. Через год. Через десять лет. Я не смог представить мир без нее. Свою жизнь без нее.

Не обращая внимания ни на кого в этой комнате, я подошел к кровати, я взял ее руку в свою и опустил на колени рядом с ней.

Я прижал ее пальцы к своим глазам. Потом к своим губам. На вкус они были солеными. И мокрыми. До этого момента я даже не понял, что я плакал.

Я посмотрел на лицо, которое преследовало мои мечты и мысли в течение нескольких месяцев, и я почувствовал тяжелый груз печали. Я уже почувствовал, как будто она ускользает у меня прямо перед глазами.

— О, боже, пожалуйста! — тихо умолял я. — Пожалуйста, пусть с ней все будет хорошо. Пожалуйста, позволь ей жить. Не забирай ее у меня. Пожалуйста, не забирай ее у меня.

Единственное, что я слышал, так это свой собственный голос. Он охватывал меня, как будто тьма охватывала меня словно какое-то ничтожество.

Я, по крайней мере, несколько раз в час, смотрел на экран монитора, который уверял меня, что Слоун еще жива где-то там. Я смотрел на успокаивающие импульсы, когда они танцевали по экрану. Я слушал успокаивающий шелест воздуха, наполняющий ее легкие. Я чувствовал своей душой, что она еще не оставила меня. В любом случае, не полностью.

Сзади меня раздался голос. Он был грубоватым и раздраженным.

— Она уже открывала глаза?

Это Стивен. Он был зол и не понимал, что я вообще здесь делал. Как ее отец и ее братья, они приходили, беспомощно над ней кружились и через несколько минут они уходили, чтобы расслабиться где-нибудь в другом месте.

Он прошагал по комнате, направляясь в кресло, которое стояло по другую сторону от кровати. Слоун пока сейчас была в отделении интенсивной терапии, где врачи смогут понаблюдать за ее состоянием, пока они не смогут сказать, что с ней происходит. Или пока она не придет в сознание.

Помимо ее отца, Стивен навещал ее чаще всего. Было очевидно, что он любит ее так же сильно, как и она его. После нескольких минут молчания, он наконец-то заговорил.

— Ты уже был дома?

— Нет.

Он не посмотрел на меня.

— Ты планируешь сидеть тут круглосуточно?

— Да.

Я увидел, что его губы были тоненькими. Я уверен, что это не тот ответ, на который он надеялся.

— Это меня и бесит, но я уверен, что ты это и так знаешь, — заворчал он.

— Да. К счастью, мне насрать. Я здесь только из-за Слоун.

Это привлекло его внимание. Он посмотрел на меня с другого конца кровати. Я знал, что он побыстрее хотел ударить своей ногой мне по лицу, как только заговорит со мной. Думаю, что нам обоим не помешает немного разрядить обстановку. Но это не принесет Слоун никакой пользы. И она меня очень волнует. Она действительно это все, о чем я хочу заботиться.

— Это сделало бы ее счастливой, — пробормотал он, его зубы, очевидно, были стиснуты.

— Надеюсь, что это так. Я просто очень хочу, чтобы она проснулась. И я хочу быть здесь, когда она проснется. Я хочу, чтобы она знала, что я никогда не оставлю ее. Но только в том случае, если она попросит меня уйти.

— А что будет, если я попрошу тебя уйти? — спросил Стивен. Его выражение лица совсем не изменилось, но что-то подсказывало мне, что он на самом деле хотел подразнить меня.

— Я бы сказал тебе, куда бы ты смог пойти.

Один из уголков его рта приподнялся, сочетая в себе насмешку-ухмылку-улыбку.

— После того, как все это закончится, я все равно, вероятнее всего, надеру тебе задницу.

Я пожал плечами.

— Ты можешь попробовать. После того, как Слоун проснется.

Он кивнул.

— Довольно справедливо. — Мы снова впадаем в странное, несколько дружественное молчание. — Доктор уже приходил?

— Да. Сказал, что они все еще ждут результатов анализов. Все еще дают ей жидкость. Очевидно, она была очень сильно обезвожена. Плюс лихорадка...

— Отец сказал, что она мало ела и пила, в течение последних несколько дней.

Он послал мне скверный взгляд.

— Слушай, чувак. Я знаю, что ты обвиняешь меня. И знаешь что? Это нормально, потому что я тоже виню себя. Я ранил ее. Я причинил ей боль. И я бы все отдал — я имею в виду, что в этом мире — чтобы вернуть все назад и сделать все совершенно по-другому. И когда она проснется, — сказал я, акцентируя внимание на мою речь и мое сердце, — я сделаю все, что в моих силах, чтобы загладить свою вину.

— Я надеюсь, что ты сделаешь это. И я очень надеюсь, что она так просто не сдаться тебе.

Я не ответил. Возможно, что Слоун не помнит, что простила меня, возможно, что она не помнит, как потеряла сознание. И если она этого не сделает, то мне придется с этим самому разобраться. Но в данный момент, я просто хотел, чтобы она проснулась. Даже, если она проснется безумной, она будет визжать и кричать, бить и пинаться. Она сможет взять палку. Я бы принял все это. С радостью. Если она просто проснется.

Сегодня та же самая медсестра, что и прошлой ночью, и она снова разрешила мне остаться. Когда она разговаривает со мной, то она похлопывает меня по руке и кивает, как будто она пытается заставить меня чувствовать себя намного лучше. В ее глазах всегда читается взгляд, который говорит о том, что она видит отчаянного человека. И она всегда права.

Отец Слоун тоже хотел остаться, но у него были кое-какие дела на работе — важные вещи о деле его сына и парней, которые застрелились дома. Я бы никогда не рассказал ему, что раньше мне звонил Себастьян со свидетелем, который знал того, кто занимался наркотиками. Я бы никогда не рассказал ему, что я сказал это имя Ризу, а тот в свою очередь по своим связям сообщил в генеральную прокуратуру. Я был так счастлив, что он уезжает, а я остаюсь. Я знал, что если он захочет решить данную проблему, если он захочет остаться, то я ничего не смогу с этим сделать. Кроме того, как уйти. И я лучше умру, чем оставлю Слоун. Даже на пару часов.

Я, как и обычно, смотрел на монитор. Я смотрел на волны и разноцветные числа, на которые я обычно всегда смотрел, и они, как обычно успокаивали меня. Я заметил, что нога Слоун сдвинулась и вылезла из-под одеяла. Я подошел к концу кровати и нежно взял ее за ногу, двигая к центру кровати. Я старался не падать в панику, от того насколько прохладной была ее кожа, пока я накрывал ее ногу одеялом. Думаю, что я должен быть счастлив, что она больше не горит.

Я просто сидел, когда увидел, как ее нога дергается. Затем она начала лягаться. Упорно. Достаточно упорно. Я протянул руку, чтобы прикоснуться к ее руке, и как только моя кожа коснулась ее кожи, она начала изворачиваться.

Слоун разбрасывала руки и ноги, покачивая головой туда-сюда на подушке.

— Слоун! — позвал я, пытаюсь ее успокоить.

Моя первая мысль заключалась в том, что у нее начался припадок. Я просто повернулся к двери, чтобы позвать медсестру, когда я увидел суету. Приглушенные сигналы тревоги стихали, люди проходили мимо, а медсестра Слоун поднялась со своего стула и побежала ко мне. Она подошла прямо к кровати Слоун и начала ее оценивать.

Мое сердце билось в моей голове, как барабан. Я почувствовал чудовищное ощущение того, что весь мир рухнет прямо под моими ногами. Медсестры так быстро не двигаются без причины. То, что случилось со Слоун, не может быть хорошим обстоятельством.

— Сэр, мне придется попросить вас выйти отсюда, — сказала она строгим голосом. — Сейчас же!

Я как будто во сне, а может и в кошмаре, я вышел из комнаты Слоун. Мое сердце мучительно билось в моей груди, когда я смотрел, как сцена передо мной разворачивалась, как в замедленной съемке. Медсестра откинула одеяло со Слоун. Я слышал голоса и звуки, которые доносились до меня сквозь тысячу миль. Еще два человека вошли в ее комнату, один из них закрывал окно шторой, чтобы я больше ничего не смог увидеть.

— Сэр, пожалуйста, пройдите в зал ожидания. Мы свяжемся с вами, как только узнаем, что происходит, — проговорил мужской голос.

Как робот, я пробирался к выходу. Я нажал на кнопку, и автоматические двери открылись. Я перешагнул через них и развернулся, чтобы наблюдать, как они снова закрываются, отделяя меня от Слоун. От того, что может быть это ее последний вздох.

Я стоял, глядя на белые деревянные двери, молясь, чтобы Бог со всей своей милостью не забрал у меня Слоун. Что он даст мне еще несколько минут провести с ней, еще один шанс сказать ей, что я люблю ее. Когда ее глаза откроются, и она услышит, как я и хотел.

Я все еще стоял возле них спустя несколько минут, онемевший и в шоке, когда врачи прошли мимо, а медсестра Слоун подошла ко мне. Она улыбалась, а я был в замешательстве.

— Слоун в порядке. У нее были тревожные ритмы на кардиомониторе, но я обнаружила, что пара зажимов были незакрепленными. Ты поправлял ей одеяло или что-то в этом роде?

Я был так рад, что мне потребовалась минутка, чтобы ответить ей.

— Я, эм, да. Ее нога была раскрыта, поэтому мне пришлось передвинуть ее ногу, и прикрыть ее.

Медсестра нахмурилась.

— И это все?

— Да. Но она также задрожала.

— Что значит «задрожала»?

— Я подумал, что у нее приступ. Она начала лягаться ногами и махать руками.

У медсестры сморщился лоб.

— Хм, хорошо. Я об этом дам знать доктору. Обязательно нажмите кнопку вызова, если что-то подобное произойдет.

Как будто я знал, черт подери, что происходит. Но я не сказал этого. Я буду хорошим, пока она позволяет мне остаться со Слоун.

— Да, мэм.

Она кивнула, улыбнулась и повернулась к двери. Я последовал за ней и направился к Слоун. Я поставил стул поближе к кровати Слоун и взял ее руку в свою. Я наблюдал за тем, как ее грудь приподнималась с каждым ее вздохом. Я слушал успокаивающий этот звук, и я закрыл глаза, позволяя моей голове упасть на наши объединенные руки.

— Пожалуйста, проснись, Слоун. Пожалуйста, будь в порядке, — шептал я, больше для себя, чем для нее.

Я почувствовал, как ее пальцы задергались в моих. Они дергались довольно часто. А затем они крепко сжались. И они никогда такого не делали.

Я поднял голову и посмотрел на лицо Слоун. Я искал признаки того, что она просыпается, что она может услышать меня или, что она может почувствовать, что я прикоснулся к ней.

— Слоун? Ты меня слышишь? — спросил я мягко.

Ее пальцы снова сжали мои, и я почувствовал, как мой желудок перевернулся.

— Слоун?

Я увидел, как ее ресницы затрепетали, и я задержал дыхание. Через несколько секунд, когда я подумал, что это, возможно, было мое воображение, ее глаза снова затрепетали, открывая небольшую щелочку.

Слоун открывала и закрывала свои глаза несколько раз, прежде чем она открыла их достаточно широко, чтобы сосредоточиться на мне. Я не думаю, что когда-либо видел более красивые глаза или более красивый взгляд, чем у Слоун, смотрящую на меня.

— Хейми? — захрипела она.

— Я здесь, детка.

Я стоял достаточно долго рядом с ней, прежде чем нажать на красную кнопку вызова. Если медсестра подумала, что я собираюсь бросить Слоун, чтобы заполучить ее, то она потеряла свой чертов разум.

— Я мечтала о тебе. Я тонула и, чем темнее становилось вокруг меня, тем сильнее я боролась, чтобы добраться до тебя. Я так боялась, что больше никогда тебя не увижу.

— Ты лягалась своими руками и ногами. Я думал, что у тебя приступ, но, возможно, это была всего лишь твоя мечта.

О, Боже! Я так счастлив!

Растерянность затуманила ее глаза.

— Где я?

— Ты в больнице.

Я наблюдал, как ее охватывал страх понимания.

— Я заболела?

Я знал, что она уже знала ответ на этот вопрос до того, как спросила.

— Они еще не уверены. Ты была без сознания какое-то время.

— Как долго?

— Около двадцати девяти часов. Ты потеряла сознание в моем доме. Ты помнишь это?

Она даже не сомневалась.

— Да.

Какое же это облегчение.

— Хорошо. Помнишь, я говорил тебе, что я люблю тебя? — если я и хотел рассказать ей что-нибудь, пока она просыпается, то я хотел, чтобы она услышала, как я сказал эти слова.

Слоун улыбнулась своей идеальной, ангельской улыбкой.

— Пока я жива, я никогда этого не забуду.

Мое сердце взорвалось. Я снова опустил голову к нашим сцепленным рукам. Я не хотел, чтобы она видела, как мне страшно, я не хотел, чтобы она вспомнила меня вот таким. Я хотел, чтобы она помнила только самое хорошее. Мне нравилось то, что я люблю ее больше, чем воздух, которым я дышу. Я не хотел, чтобы она увидела, что я могу пропасть без нее, или, что я не знаю, что, черт возьми, я буду делать со своей жизнью, если она умрет.

Я боролся с острой болью в глазах. Я прочистил горло, прежде чем поднять голову.

— Тогда, я надеюсь, что это на долгую память.

Ее улыбка стала грустной.

— Я тоже надеюсь.

Она не знала того, что знал я и не хотел обсуждать это прямо сейчас. Я не хотел запятнать эти моменты такими вещами. Я только хотел, чтобы она чувствовала себя счастливой, безопасной и любимой.

Медсестра вошла к нам в комнату. Она посмотрела сначала на меня, а потом на Слоун, а затем усмехнулась.

— Ну, здравствуй!

Слоун ответила ей небольшой улыбкой.

— Привет.

— Я предупрежу доктора об этом. — Ее выражение лица говорило, что она более чем счастлива сделать это. — Может тебе нужно что-нибудь, спящая девочка? Что-нибудь выпить?

Слоун прищмокнула губами.

— Да, что-нибудь выпить. Мой рот совсем сухой.

— Холодная вода подойдет. Я позвоню твоему отцу. — С довольной улыбкой медсестра снова оставила нас одних.

— Я удивлена, что отец ушел.

— Он не хотел, но ему пришлось уйти. Это как-то связано с твоим братом.

Она не выглядела беспокойной тем, что его здесь нет. Я знал, что это не так, когда она подняла руку, чтобы дотянуться до моего лица.

— Все хорошо. Я очень рада, что ты здесь.

— Я никуда не отходил от тебя, Слоун. Пока ты нуждаешься во мне, я всегда буду рядом с тобой.

Несмотря на то, что она улыбалась, когда врач вошел, я знал, что она думала о том же самом, что и я: сколько у нас осталось времени? Сколько времени осталось для нас?

Я никогда не видел, чтобы так много людей заходило и выходило в комнаты. Конечно, до этого я никогда не проводил слишком много времени в больнице.

Как только выходит один человек, заходит следующий. Ему делают анализы, подключают к оборудованию.

Я посмотрел на доктора, который сидел в отдельной кабинке, листая бумаги. Я должен отдать ему должное. Он выглядел напряженным, приняв во внимание все результаты и пытаясь собрать их воедино.

Я посмотрел на Слоун. Я увидел, что от этой суматохи она страдала. Я имею в виду, что она проснулась и, вероятнее всего, не чувствовала себя на все сто процентов. Но, как волевой человек, каким она и являлась, она всегда улыбалась. Это просто заставило меня полюбить и восхищаться ею гораздо больше.

Я посмотрел, как ее веки становятся все тяжелее и тяжелее. Я не удивился, когда она снова заснула, сразу после того, как медсестра ушла в миллионный раз. Когда пришел отец Слоун, я был готов к тому, что они попросят меня выйти. Я готов был бы спорить и высказать ему все причины, по которым я не должен выходить. Но ее отец избавил меня от этих проблем.

— Он может остаться. Мы не будем вам мешать, — заверил он медсестру.

Она колебалась. Она посмотрела на меня, и я задержал на ней взгляд.

— Пожалуйста.

— Хорошо, но когда придет доктор, он может не разрешить вам обоим остаться. Вы решите сами, кто из вас выйдет из комнаты.

После этих слов, она ушла. Когда мы остались одни, отец Слоун сидел тихо на другом конце кровати, наблюдая за своей дочерью. Я знал, что сейчас он чувствует страх и боль. Я знал все это слишком хорошо.

Я не знаю, как долго мы так просидели, но мы оба молчаливо смотрели, как Слоун спит, когда, наконец, пришел доктор. Он говорил, понизив голос.

— Джентельмены, для вас уже прошло двадцать четыре часа, и я сожалею об этом. Учитывая состояние Слоун, мы должны были быть более внимательными, прежде чем назначить какое-либо лечение.

Я почувствовал, как холодный клубок тревоги поднялся из моего желудка и прилип к горлу. Я дотянулся до руки Слоун, нежно взяв ее руку в свои, когда я слушал. Ее кожа казалась атласной, по сравнению с моей. Это сходство заставило мое сердце забиться сильнее, думая о том, что оно имеет сходство с облицовкой гроба.

Клубок становился все больше.

— Мы получили большое количество результатов, которые так ждали. Только один из них оказался положительным.

Я опустил в кресло, поднося руку Слоун ко лбу. Я почувствовал, что ее рука переворачивается, и она проводит пальцами по моей щеке, поднимаясь, пока наши глаза не встретились. Она проснулась. И ее лицо сияло любовью, страхом и храбростью.

Я закрыл свои глаза. Я не смог посмотреть на нее, зная, что доктор может сейчас сказать, что это начало конца.

— У нее грипп.

Мои глаза расширились. Слоун широкими глазами смотрела на меня. В тоже время мы оба смотрели на доктора.

— Что? — спросила она тихо, как будто боялась, что ее неправильно услышат.

— У вас грипп. Мы сделали мазок из носа, который дал положительный результат.

— Все это из-за гриппа?

— Ну, у вас была очень высокая температура, и вы были сильно обезвожены. Настолько, что у вас был значительный электролитный дисбаланс¹⁹. Это вызвало целый ряд других проблем, но ничего, такого, чтобы невозможно было исправить.

— Значит она не... — сказал отец Слоун неуверенным голосом.

— С ней все будет хорошо, мистер Локк.

Я увидел облегчение, которое я почувствовал, когда оно переполнило его. Он скользнул на другой стул, поближе к Слоун.

— Слава Богу, — вздохнул он.

— Неудивительно, что я чувствовала себя дерьмом последние несколько дней, — сказала Слоун.

— Вы могли бы об этом рассказать, юная леди, — проворчал мистер Локк, когда протянул руку, чтобы погладить по волосам Слоун. — Ты напугала меня до смерти.

Лоб Слоун сморщился.

— Ты думал... это из-за мамы...?

Мистер Локк кивнул, а его глаза все еще сияли.

— Я не знаю, что я буду делать, если когда-нибудь потеряю тебя, Слоун.

Она протянула руку, обхватывая его пальцами.

¹⁹ Электролиты – это соли, которые проводят электричество в организме. Они присутствуют в жидкостях и тканях организма и должны находиться в правильном соотношении для поддержания надлежащего функционирования всех систем организма. Электролитный дисбаланс развивается, когда это соотношение нарушается. Он может представлять собой как слишком высокий, так и слишком низкий уровень определенного электролита в организме.

— Ты не можешь так жить, отец. Никто из нас не может. Если это случится, значит, так тому и быть. Самое главное — это жить так, как этого хотим мы. Никто не обещает нам завтрашний день. Единственное, что мы можем контролировать, так это жить сегодня без сожаления.

— Я знаю, дорогая, но это так трудно для родителей. Надеюсь, что однажды ты поймешь это.

— Надеюсь, что так и будет, отец. Но...

— Никаких но, — сказал он с улыбкой. — У нас есть только сегодня. И сегодня у тебя грипп. Грипп, с которым мы можем справиться. От гриппа можно вылечиться. Грипп — это... ну, грипп, — заявил он с улыбкой. — Итак, какой план? — спросил он у доктора.

— Все, что мы можем сделать, так это вылечить симптомы. Если она будет себя лучше чувствовать всю оставшуюся ночь, я подумаю о том, чтобы отпустить ее домой завтра. Она должна хорошо о себе позаботиться. Отдыхать побольше и побольше пить. Тайленол от лихорадки. Можно куриный бульон, если ты почувствуешь, что голодная. Может, мы поговорим об этом утром. Как вам идея?

Ее улыбка и поведение успокаивали. Они ощущались, как прохладный ветерок в жаркий день. Они облегчили боль в моей душе, оставляя во мне только решимость не потерять ни единой секунды рядом со Слоун. Я никогда больше не хочу чувствовать себя так, как последние двадцать четыре часа. Никогда.

Слоун права. Никто нам не обещает завтрашний день, а это значит, что мне нужно начать делать все самое важное сейчас. Прямо сейчас.

— Мы позаботимся о том, чтобы она получила все то, что ей нужно, доктор, — сказал я, глядя на мистера Локка, прежде чем посмотреть на Слоун.

Он кивнул.

— Тогда я позволю вам проработать детали, но я вернусь утром, чтобы более подробно все обсудить.

Он улыбнулся Слоун, похлопал ее по ноге и вышел из комнаты.

— Переедешь ко мне домой, — спросил я, не волнуясь о том, что ее отец все еще был здесь. — Позволь мне позаботиться о тебе. Я хотел бы позаботиться о тебе. — Я увидел нерешительность в ее глазах. — Пожалуйста.

— А как же работа? Ты же не можешь взять меня с собой.

— Черт возьми, я не могу! Я владелец этого места. Я могу делать все, что захочу.

Слоун выглядела отчаянной всего лишь на секунду, прежде чем она вздохнула и закатила глаза.

— Ты забыл упомянуть эту маленькую деталь. Я думала, что ты просто менеджер.

— Ничего кроме правды, верно?

На ее лице медленно появлялась улыбка.

— Верно.

— Тогда переезжай ко мне. Я расскажу тебе все, что ты захочешь узнать. И, наверное, намного больше.

Ее улыбка стала мягкой и она зевнула.

— Покажешь большого мальчика, — сказала она сонно.

— Ты получишь его, маленькая девочка, — шепнул я, наклоняясь вперед, чтобы поцеловать ее щеки и нос, подборок и закрытые веки. — Но сегодня вечером тебе надо отдохнуть. Мы будем здесь, когда ты проснешься.

Я не сказал ей, что я теперь буду планировать нашу жизнь так, чтобы наполнить ее дни счастьем и восхищением, и каждой удивительной вещью, которую захочет ее удивительная душа.

Если она скажет «да».

Глава 45. Слоун

Я проснулась от запаха жареного бекона. Мой аппетит вернулся, и, как я заметила прошлой ночью, бекон казался неплохой идеей. Хейми хотел купить и приготовить его прямо тогда, но я была уставшей, поэтому сказала ему не беспокоиться об этом. Очевидно, он не забыл.

Последние четыре дня он был прекрасно совершенен.

Хотя мой отец не был слишком рад, что я возвратилась домой к Хейми, но он и не слишком-то сопротивлялся, что меня удивило. Это заставило меня задуматься, какой разговор у них был, пока меня не было.

Во рту собрались слюнки, когда в спальню ворвался очередной взрыв восхитительного аромата. Я перевернулась в постели, скрестив руки на помятых простынях, где Хейми спал, и прижалась лицом к его подушке. Я могла просыпаться каждое утро вот так, на вечность, и быть самой счастливой девушкой на планете.

Я почувствовала, как стягивают с меня простыню, и улыбнулась в подушку. Я не двигала мышцами, пока не ощутила губы Хейми у основания позвоночника. Наконец, я повернула голову, открывая один глаз, и посмотрела на него.

— Доброе утро, — пробормотала я.

Он тепло улыбнулся мне, а его глаза задержались на моих глазах, на несколько секунд. Затем я увидела, как они спускаются туда, где я чувствовала его пальцы, путешествующие по моему бедру.

— Ты когда-нибудь расскажешь мне, что означает эта татуировка?

Я слегка легла на бок, обнажая большую часть моих бедер и ребер для Хейми.

— Отец рассказывал тебе, что я болела, когда была маленькой, не так ли?

Даже до того, как Хейми кивнул, я знала, каким будет его ответ.

— Я догадывалась.

— Откуда?

— Ты относишься ко мне как к хрустальной вазе, как мой отец и мои братья. Мне слишком хорошо это знакомо, чтобы не заметить это.

— Я не смогу извиниться за то, что хочу позаботиться о тебе, Слоун. Или за желание убедиться, что ты со мной на долгое время, и что я ценю как сокровище каждую минуту с тобой.

Мой живот сжался от его слов. В последнее время он уже несколько раз говорил о будущем. Но я не хотела, чтобы он проводил его со мной, чтобы оно было окрашено неопределенностью, которая предстоит в будущем для меня.

— Я не хочу, чтобы ты это делал. Я просто говорю, что я знакома с этим. Это все.

— Как и твой отец, и твои братья, я делаю это, потому что я люблю тебя.

Я улыбнулась. Улыбка распространилась по моему лицу, как свечение, распространяющееся в моем сердце.

— Я тоже тебя люблю. Вот, почему я не против.

Он наклонился вперед и коснулся моих губ своими губами.

— Я рад, — сказал он. Я почувствовала нарастающие желания, но, пока я не хотела действовать. Сначала я должна была помочь Хейми отключить режим «няньки» из его системы. Я не хотела, чтоб он нянчился со мной. Я хотела, чтоб он любил меня и прикасался ко мне, и относился ко мне, как к кому-то, с кем он хочет жить, а не к кому-то, кто нуждается в постоянном внимании и заботе. — Итак, что насчет бабочек...

— С тех пор, как я заболела, моя семья, во всех смыслах, держала меня взаперти, защищая от целого мира, как будто я была в большой раковине устрицы, — начала объяснения я, опуская руку, чтоб проследить раковину, которую Хейми набивал чернилами на мою кожу все те недели. — Но когда мне исполнилось двадцать один год, я нарисовала линию на песке. Я собиралась жить. Несмотря на то, что моя семья настаивала, что мне нужно идти по жизни, как будто я смогу сломаться в любое время, я собиралась жить. Как бабочка, выйдя из кокона, я собиралась расправить свои крылья и жить, как в те времена, когда я еще летала высоко, купаясь в красивых красках. — В тишине, Хейми коснулся каждой бабочки, прокладывая себе путь по моим ребрам. — Бабочки живут только две недели, но в эти две недели они трепещут вокруг, распространяя свои невероятные крылья и принося великолепную краску окружающему миру. Это то, что я всегда хотела сделать. Как и моя мама, я хочу принести счастье и красоту миру, пока я здесь. Я хочу улыбаться и смеяться, и быть значимой людям, которых я люблю. Я хочу, чтобы они несли эти добрые мысли обо мне в своем сердце, после того, как я уйду. Как бы долго я ни жила, будь-то две недели или два года, или два десятилетия, я действительно хочу жить.

Хейми, ничего не сказал, просто медленно кивнул, пробегаясь кончиками пальцев по моей коже.

— Понимаю. Смерть влияет на всех по-разному. Независимо от того, видели ли они ее или боятся, или даже когда они просто игнорируют ее — все реагируют. Вот почему я получил это, — сказал он, дергая рубашку на одной стороне, чтобы я смогла увидеть его татуировку, которую он позволил мне набить. — Это инициалы моего брата и дата его смерти. У меня была небольшая веревочка из проводов, покрытая краской и каждый год я обновлял ее, после того, как пройдет его дата, но убийцу я так и не нашел. Для меня смерть остановила мою жизнь. Я не жил вообще, пока не встретил тебя. Ты принесла мне цвет, красоту и жизнь, когда я даже не знал, что потерял их. Я потерялся в этих буквах. Но, даже, несмотря на это, Олли всегда разговаривал со мной. Он тот, который обычно говорил: «Жить, без сожалений». Даже мертвым он нашел способ помочь мне справиться с его потерей. Преодолеть вину, боль и сожаление. Вот почему я хотел, чтобы ты набила эти буквы. Еще в ту первую ночь в отеле, я думал, что некоторая часть меня знала, что я должен был идти дальше, или у меня будет еще больше сожаления. Сожаление, что позволил тебе уйти. Сожаление, что я позволю чему-то, чего я никогда не смогу остановить, отнять у меня единственное будущее, которое я теперь хочу больше всего на свете.

Я почувствовала, как сжимаются мои мышцы, реагируя на то, что он иногда говорит, не выходя и не говоря.

— Мне нравится эта философия! Вот почему я никогда не даю обещаний. Мы люди. Слабые и недалёковидные. Мы не имеем права давать обещания, которых мы не сможем сдержать. Пока я не встретила тебя, я действительно этого не хотела. Никаких обещаний, никаких сожалений. Нет лжи, нет разбитых сердец. Но теперь я вижу, что обещания могут значить, какая у них жизнь, плетение в словах. Некоторые обещания — это надежда. Как мои бабочки были надеждами.

Хейми залез в постель и вытянулся рядом со мной, притягивая мое обнаженное тело к себе и прижимаясь лбом к моему лбу.

— Ты моя надежда. Ты обещание моего будущего. Без тебя у меня есть только сожаление. Ничего хорошего. Или красочного. Или красивого. Просто смерть и печаль. Ты привела меня к жизни, Слоун, и я никогда не хочу быть отдельно от тебя.

Его губы мягко и осторожно коснулись моих губ. Несмотря на мою решимость подождать, я повернула голову к нему для поцелуя. Сначала Хейми колебался, но когда я

запустила пальцы в его волосы, я почувствовала, как в нем поднимается огонь. Я чувствовала это по мере того, как его язык прошелся по моему языку. Я чувствовала это, когда его пальцы касались моего бедра. Я хотела показать ему, что я не хрупкая. Я хотела, чтобы он любил меня так, как будто я сделана из стали.

Я опустилась вниз, дергая за подол его рубашки, пока не почувствовала его теплую кожу на моей обнаженной груди. Я застонала ему в рот, когда он повернул меня на спину и его бедра скользнули между моих ног, как будто они были созданы специально для этого места.

Я раскрыла колени и зажала их по обе стороны от его талии, не желая отпускать его сейчас, когда у меня был его огонь. Он толкнулся бедрами в мои, стимулируя трения именно там, где мне это в первую очередь было необходимо.

Я отпустила его губы, чтобы прошептать, «Хейми, займись со мной любовью». Затем я снова прижалась губами к нему, тогда, как моя свободная рука пробивалась под пояс джинсов, чтобы сжать его накаченную задницу.

— Слоун, ты болееешь, — сказал он, задыхаясь, а его ладони все еще блуждали по бокам, дразня мою грудь.

— Нет, Хейми. Я больше не болею. Мне лучше. Я сильная. И я здоровая. И я хочу, чтобы ты сделал мне все, что обещал сделать.

Он прорычал, снова погрузившись в мои уста с новым рвением. Я не могла не задаться вопросом, какой именно разговор он вспоминает. У нас их было так много.

Но потом он остановился. Я почти плакала, когда он вырвался из моих рук и ног. Я пыталась скрыть разочарование с лица. Хейми отодвинулся к краю кровати и стоял там, глядя на меня сверху вниз. Он замер так на несколько секунд, прежде чем добрался до пуговицы на его джинсах. Сначала он расстегнул их, затем рубашку, потом залез обратно в кровать и начал целовать мое тело по цепочке от верха ноги до бедра, а его горячее дыхание еще больше возбуждало меня.

— Не сегодня. Я буду делать развратные вещи с тобой ежедневно, после сегодняшнего дня. Но не сегодня. Сегодня я буду заниматься с тобой любовью. Я хочу, чтобы ты чувствовала это каждый раз, когда я заполню твое идеальное тело, которое я люблю. Вчера. Сегодня. Итак, много завтра, как мы можем только иметь, я люблю тебя, Слоун. Я всегда тебя любил. Позволь мне показать тебе мое тело, которое было в моем сердце все это время.

Хейми снова поцеловал меня, тогда как его руки продолжали путешествие по моей груди, дразня соски, спускаясь до живота и дальше. Только с пальцами он смог довести меня прямо к краю, но, прежде чем упасть за эту грань, он двинулся ко мне, направляя его толстую головку к моему входу.

Его глаза дырявили отверстия в моих, и Хейми провел губами взад-вперед по моему рту, его дыхание щекотало, когда он говорил:

— Я люблю тебя, Слоун Локк.

— И я люблю тебя, Хейми Спенсер, — ответила я.

Пристально смотря мне в глаза, Хейми вошел в меня одним плавным движением. Я задохнулась, и он застонал; ощущение его тела во мне было не менее изысканным. Он наполнил меня полностью, подходил мне так прекрасно, что я знала, что это значит. Это настоящее. Это судьба.

И как он говорил, соединившись телами и смотря друг другу в глаза, я точно почувствовала, что было в его сердце.

Это, то же самое, что было и у меня.

Вечность. Вечность вместе. Вечность в любви.

18 месяцев спустя

— Я не понимаю, почему ты нервничаешь. Лично я думаю, что ты совершенно сошла с ума.

— Сара, я не сошла с ума. Я вообще не сумасшедшая. Я просто не знаю, как он отреагирует.

— Да, да. Он тебя любит, глупая задница.

— Я знаю, что он любит меня, но...

— Но что?

— Мы всегда говорили о будущем как о чем-то, что будет после суда. Ну, суд закончился. С тех пор прошло четыре месяца, как Дункана осудили за ненамеренное убийство брата Хейми. Четыре месяца с тех пор, как моего брата оправдали от всех подозрений, когда Дункана поймали с поличным. И еще дольше, пока они доказывали, что Дункан использовал пропуск безопасности Стивена, который он украл ночью. Теперь мы можем двигаться дальше. Точно так же, как Хейми сказал, мы бы это сделали. Только он не очень много об этом говорил. По крайней мере, несерьезно. Не то, что мы делали окончательные планы. А теперь это.

Это!

— Говоря обо всем этом шпионском дерьме, разве они до сих пор не поняли способ связать Дункана со смертью его информатора? Тот парень, который занимался наркотиками, у которого только что случилась очень неприятная и смертельная автомобильная авария, после смерти брата Хейми, и Дункан слишком испугался продолжить?

— Неа. Он мог в итоге уйти с этим. Он думал, что он связал все свободные концы. Он просто не брал в расчет Хейми. Однако одна вещь, в которой ты можешь быть уверена — мой брат не успокоится, пока Дункан не заплатит за все свои преступления. Стивен был опустошен. Отец Дункана был потрясен. Я имею в виду, что Дункан использовал его, чтобы получить подробные сведения о кокаине. В противном случае он никогда бы не узнал, сколько там было.

— Ну, даже, если суд не выносит приговор ему, то какая-то большая тюрьма по имени Бубба сделает все правильно. Он возьмет его прямо из задницы Дункана. Трудный путь.

— Э, Сара!

Она хихикнула на мою реакцию, и я улыбнулась, качая головой. Я прижала ногу к тормозу, останавливаясь на знаке стоп, прежде чем повернуть на улицу, где сейчас мы с Хейми живем. Несколько месяцев назад мы купили красивый дом недалеко от Атланты, и сегодня он заканчивал красить кабинет. Несмотря на то, что мне не нравится находиться вдали от него, даже, на короткое время, я полна беспокойства о том, чтобы вернуться домой.

После этой поездки в больницу, когда у меня был грипп, мы с Хейми не провели ни одну ночь врознь. Я закончила колледж три месяца назад, и мы оба работаем на полную ставку в «Черном пятне». Мы уже долгое время вместе. И это никогда не надоест. Я никогда не устану от него. Думаю, я просто хотела его больше. Я любила его больше.

Мы говорили о будущем совсем немного. Мне сейчас двадцать три, а Хейми — тридцать. Мы говорили о том, что будет дальше, но не сделали никаких намеченных планов. Мы даже говорили о том, чтобы иметь детей, о которых мы решили подумать только после свадьбы. Конечно, я хотела немедленно начать. Или шесть месяцев назад.

Теперь это не будет проблемой.

Мой желудок нервно сжался.

— Хорошо, — начала я, обращаясь к Саре. — Я почти дома. Наверное, мне лучше пойти. Пожелай мне удачи.

— Тебе не понадобится удача, Слоун. У тебя есть любовь одного из редких существ Бога — хорошего человека. Тебе больше не понадобится удача.

Я почувствовала себя немного лучше, услышав это. Но это не устранило полностью мое беспокойство.

— Я позвоню тебе завтра.

— Хорошо. Если все остальное не сработает, просто сними одежду.

— Это хороший, здравый совет. Почему я не подумала об этом?

— Доверься мне. Это сработает, — заявила она. — В любом случае, позвони мне завтра, цыпленок.

— До завтра, — я согласилась, целуя в ответ трубку, прежде чем отключиться.

Я припарковалась в гараже и нажала кнопку, чтоб закрыть дверь, а потом поднялась по короткой ступеньке, ведущей в дом.

Сначала я проверила кабинет. Я почувствовала немного острой боли, когда я посмотрела в бледные стены, цвет, который выбрала я так, чтобы потом, когда будем ждать ребенка, нам не приходилось перекрашивать и беспокоиться о сильном запахе краски, пока я беременна.

Теперь, это тоже не проблема.

Хейми нигде не было, поэтому я направилась искать его. Я сняла туфли и бросила их в шкаф, когда проходила мимо, двигаясь к ванной, где горел свет. Хейми стоял у стойки, напротив раковины, что-то держа в руке.

Когда я остановилась в дверях, то он поднял глаза и улыбнулся.

— Эй, красавица. Как все прошло?

— Просто хорошо. Нет кариеса, хотя ты перекладываешь меня в кровать, когда я засыпаю на диване, и не будишь, чтобы почистила зубы.

Он усмехнулся.

— Но ты так сладко спишь. У меня не хватает духа, чтобы разбудить тебя.

Я шагнула дальше в комнату, тыкая пальцем в его грудь.

— Ну, тебе лучше начать, мистер. Я не хочу, чтобы мои зубы гнили.

— Я думал, ты сказала, что все в порядке.

— В порядке. Я просто говорю, что не хочу, чтобы это стало проблемой.

— Тогда я тебя разбужу. Но предупреждаю, если я разбужу тебя, и ты согласишься на меня этими сонными, сексуальными глазами, то ты точно не скоро уснешь.

— Хорошо, — ответила я с усмешкой. Наконец, я посмотрела на его руку. Мой желудок сжался, когда увидела, что он держит. — Почему ты взял мои противозачаточные таблетки?

Хейми посмотрел вниз на маленький розовый футляр, переворачивая его снова и снова в руках.

— Я просто думал о суде и о том, как все может двигаться дальше, когда все уже кончено. Убийца моего брата получил по заслугам. Предателя твоего брата раскрыли. Ничто нас не удерживает. Ничто не мешает мне сделать ребенка этому прекрасному телу и наблюдать, как он будет расти.

Я почувствовала, как горло сжалось от эмоций. Слезы собрались в моих глазах, и я ничего не могла сделать, чтобы остановить их.

— Правда?

— Правда, — уверяет он. — Что бы ты сказала, если бы я выбросил их? Прямо в эту минуту. Просто бросил их в мусор и потащил тебя в спальню, чтоб сделать его?

— Я бы сказала, что мне все равно нужно их выбросить.

Его лоб сморщился.

— Что? Почему?

— Ты помнишь в прошлом месяце, когда ты настоял, чтобы я пошла к врачу из-за воспаления носа?

— Да, но я сделал это только потому, что ты никогда бы не пошла, если бы я не стал надоедать тебе. И ты болела бы гораздо дольше.

— Ну, помнишь, он прописал мне антибиотики? Я не подумала, что мы должны были использовать другие методы контрацепции в течение оставшейся части месяца. Я не знаю, почему, но я просто не подумала.

— Что ты имеешь в виду? Зачем нам это нужно было?

— Антибиотики могут влиять на противозачаточные таблетки. Ты должен использовать резервный метод в течение месяца, когда ты принимаешь антибиотики.

— Так о чем ты хочешь сказать?

— Я говорю, что даже не подумала об этом. И мы не использовали другие формы контрацепции. И...

Слова остались на моем языке. Внезапно, это становится очень реальным. Это очень важный момент для нас. Кривая в дороге. Поворотный момент. Я через минуту узнала, на самом деле Хейми будет так же непоколебимым, как он говорил. Я узнала, действительно ли он этого хочет.

— Ты хочешь сказать, что ты беременна? — вздохнул он.

Я почувствовала, как мой подбородок задрожал, когда я кивнула.

Хейми закрыл глаза, и, выдыхая, прижался лбом к моему лбу.

— О, Боже. Боже мой, я не могу в это поверить.

Мой желудок превратился в клубок из волнения и страха. Я не знала, что делать с его реакцией. Но я боялась, что ему не понравились новости.

Но, затем Хейми упал на колени передо мной. Медленно он поднял мою рубашку и прижал губы к моему неподвижному животу. Он не двигался в течение долгого времени. Все, что я чувствовала, это теплый воздух из его носа, когда он щекотал мою кожу.

Наконец, он сдвинулся назад, чтобы сказать. Его губы двигались по моему животу, его голос был таким низким, что мне приходилось напрячь слух, чтобы услышать его.

— Привет, малыш Спенсер, — шепнул он. — Я твой отец. Я не могу дождаться, когда ты придешь сюда, чтобы посмотреть, как ты выглядишь и, как ты будешь чувствовать себя в моих руках. Но до тех пор, знай, что я тебя уже люблю. И я всегда буду. До последнего вдоха, я буду любить тебя. Так же, как я буду любить твою маму.

Я даже не старалась остановить слезы, которые текли по моему лицу, и капали с моего носа, падая на голову Хейми. Это как будто ребенок, которого мы создали всего пять недель назад, крестится, крестится слезами радости. Мы с Хейми уже столько плакали в нашей жизни, слезами грусти и боли, страха и гнева. Но теперь нет места ничему из этого, так же, как нет места для сожаления. Теперь есть только красота сегодняшнего дня и надежда завтрашнего дня, и любовь, которую мы делим пополам.

И, если я умру раньше времени, как моя мать, то я буду жить каждую секунду, каждого дня своей жизни, со всей храбростью и энтузиазмом, и любовью, на которую я способна. И я буду жить с Хейми. И с нашим ребенком. Больше ничего не буду просить в жизни.

Ни. Одну. Вещь.

Заключение

Я несколько раз в жизни, я оказывалась в таком состоянии любви и благодарности, что сказать СПАСИБО, как банально это не покажется, этого просто не достаточно. То положение, в котором я сейчас нахожусь, приходит и к вам, мои читатели. Вы — единственная причина, по которой моя мечта стать писателем сбылась. Я знала, что будет приятно и замечательно, когда есть работа, которую я так люблю, но я понятия не имела, что перевесит и затмит невероятное удовольствие, которое я получаю узнавая, что вам нравится моя работа, что она каким-то образом коснулась вашей жизни, или, что ваша жизнь кажется немного лучше просто потому, что вы прочитали это. Так это из глубины своей души, из самого сердца я говорю, что я просто не смогу ОТБЛАГОДАРИТЬ вас достойно. Я добавила заметку на все свои рассказы со ссылкой на блог, потому что я действительно надеюсь, что вы найдете минутку, чтобы прочитать. Это истинное и искреннее выражение моей скромной признательности. Я люблю каждого из вас, и вы никогда не узнаете, как значат для меня ваши оптимистичные посты, комментарии и электронные письма.

<http://mleightonbooks.blogspot.com/2011/06/when-thanks-is-not-enough.html>

Я также хотела бы воспользоваться моментом, чтобы поблагодарить каждого из вас, кто нашел время, чтобы оставить короткий, честный отзыв к этой книге или любой другой отзыв к другой книге. Отзывы являются более важными для авторов, чем вы могли бы себе представить, и я бесконечно благодарна всем вам, кто поделился своими мыслями. Этот, казалось бы, небольшой механизм, который может уступить только слова-из-уст, тем самым вы можете сильно повлиять на автора и его книгу. Так что спасибо вам. Огромное.

Еще раз.

Навсегда.